

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

И. Л. ЧЕСТНОВ

**МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие



Санкт-Петербург
2018

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

И. Л. ЧЕСТНОВ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2018

УДК 340(075)
ББК 67.0я73
Ч51

Рецензенты

А. А. ДОРСКАЯ, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

А. Б. САПЕЛЬНИКОВ, декан юридического факультета Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, кандидат юридических наук, доцент.

Честнов, И. Л.

Методология и методика научного исследования : учеб-
Ч51 ное пособие / И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 124 с.

В учебном пособии излагаются методология и методика научного исследования в контексте современных проблем науковедения. Материал основан на постклассическом подходе и ориентирован на методологию и методику исследования юридических явлений и процессов.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по программам высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция.

УДК 340(075)
ББК 67.0я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Вместо введения. Наука перед вызовом (пост)совре- менности	6
Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДО- ВАНИЯ.....	8
1.1. Постклассическая методология науки.....	—
1.2. Объект и предмет науки.....	24
1.3. Структура науки.....	45
1.4. Постклассические критерии научности.....	63
Раздел 2. МЕТОДИКА КОНКРЕТНОГО ЮРИДИЧЕ- СКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	78
2.1. Требования, предъявляемые к конкретному юриди- ческому исследованию.....	—
2.2. Программа конкретного юридического исследования	81
2.3. Традиционные методики конкретного юридическо- го исследования.....	94
2.4. «Качественные» методики конкретного юридиче- ского исследования.....	107
ЛИТЕРАТУРА.....	119

ПРЕДИСЛОВИЕ

Методология и методика научного исследования сегодня приобретают особое значение в системе научного знания, в том числе и юридического. Это связано, в первую очередь, с кризисным состоянием научного мировоззрения, шире — науки как таковой в эпоху «постэпистемологии». Сегодня наука уже не имеет того эпистемологического статуса, который был ей присущ начиная с эпохи Просвещения. От науки уже не ждут ответов на все вопросы жизни. Занятие наукой перестало обеспечивать привилегированный социальный статус и превратилось в заурядную, плохо оплачиваемую, связанную с фрустрацией (вследствие постоянного ее реформирования, реорганизации, по крайней мере, в нашей стране) деятельность. Изменения, происходящие в науке, в том числе в юридической, требуют внимательного осмысления с учетом социокультурных изменений, происходящих в (пост)современном мире.

Проблемы методологии и методики науки (включая науку юридическую) обусловлены, в первую очередь, трансформацией классической науки в неклассическую, а затем — в постклассическую (или постнеклассическую, по терминологии В. С. Степина). Смена типа рациональности, признание ограниченности человеческого разума, отказ от абсолютной и объективной истины или замена классической корреспондентской концепции истины на неклассические (прагматическую или коммуникативную), релятивизация критериев научности, зависимость научной деятельности от социокультурного контекста — вот далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается современная эпистемология (науковедение). «Утвердившийся в конце XX в. коммуникативный подход к науке, — пишет А. П. Огурцов, — существенно трансформировал формы анализа науки в философии науки. Теперь в центре внимания — формы коммуникаций между учеными в рамках научного сообщества, специфика этих коммуникаций в разных дисциплинах, этические нормы, регулирующие взаимоотношения между учеными, моральные запреты, накладываемые на научные исследования, в частности запрет на плагиат и на фальсификацию их результатов. Проблемы этики науки, ее

взаимоотношения с методологией науки, выявление подделок в науке, обусловленных прежде всего борьбой за престиж и победу в конкуренции за ресурсы, формирование новых вариантов прикладной этики (экологической этики, биоэтики, возникшей вследствие интенсивного развития медикотехнического оснащения средств поддержания жизни и поставившей во главу угла поиск критерия смерти) — таков тот круг проблем, который обсуждается в социальной философии науки рубежа XX и XXI вв.»¹. Дать ответ на эти и другие вызовы — насущнейшая задача философии науки.

В учебном пособии основное внимание акцентировано на юридической науке. Именно юридический материал выступает объектом и примерами представленного исследования. При этом следует констатировать, что ученого, взявшего на себя труд сформулировать основные проблемы и предложить их решения в области методологии и методики юридической науки, подстерегают большие трудности. Они спровоцированы юридическим релятивизмом — множественностью (а потому — неуниверсальностью) правовых культур и систем, существующих в мире, каждая из которых задает контекст правовой реальности и наполняет право своеобразным содержанием. Постоянная изменчивость правовой реальности, необходимость учета «контекста открытия» (как сказали бы логические позитивисты) или конструирования правовой системы и ее воспроизводства практиками людей, действующих в конкретных ситуациях места и времени, задают дополнительную трудность формирования методологии, адекватной условиям современного социума. Другими словами, сегодня приходится констатировать, что методология и методика исследования права — это не набор готовых методов, позволяющих аподиктично описывать и объяснять право, но постоянно переформулируемая задача творческой деятельности по осмыслению многогранности, перманентной изменчивости и релятивности (как исторической, так и социокультурной) правовой реальности². Насколько автору удалось ее сформулировать и решить — судить читателю.

¹ Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3 ч. Ч. 1. Философия науки: исследовательские программы. СПб., 2011. С. 22.

² См. подробнее: Честнов И. Л. История и методология юридической науки : учебник. М., 2018. С. 3—4.

Вместо введения

НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВОМ (ПОСТ)СОВРЕМЕННОСТИ

Наука — важнейший социальный институт западной культуры — цивилизации. Так по крайней мере считалось до самого последнего времени. Начиная с рождения науки в университетах позднего средневековья и до второй половины XX века научное знание воспринималось и оценивалось как одна из важнейших ценностей. От науки ожидали все новых и новых открытий, с помощью которых можно было бы проникнуть в сущность мира и на основе этого выработать знание, позволяющее достичь всеобщего блага. Такая манихейская картина была поставлена под сомнение не только открытиями неклассической физики, в которой краеугольными камнями стали принципы неопределенности и дополнительности, доказавшие ограниченность познаваемости мира (вытекающую не только из недостаточности человеческого познания, но, прежде всего, из принципиальной сложности, многогранности и потенциальной неисчерпаемости мира, имманентности нашего восприятия реальности), но и неопределенностью последствий (во всяком случае отдаленных) использования научного знания. Как оказалось, нет и не может быть логической выводимости и аксиологической предопределенности «правильного» применения научных открытий. Критика, которой неомарксисты из Франкфуртской школы подвергли просвещенческий разум с его идеей прогресса, имеет под собой не только социально-психологические и моральные, но и эпистемологические основания. Все это (и не только это) — свидетельство контингентности мира, его неустойчивости, отсутствия гарантий надежности бытия человека. Мир риска — вот главная метафора картины мира конца XX — начала XXI века, приходящая на смену наивной вере во всемогущество научного разума.

Казавшиеся ранее очевидными основания классической науки — объективность научного знания, его логическая непротиворечивость, достижимость научной истины и др., были раз-

венчаны в конце XX века постпозитивистами, постструктуралистами и довершившими их дело постмодернистами. В то же время для поиска ответа на во многом справедливую критику современного общества (включая его культуру) требуется позитивная концепция. В любом случае, происходящие изменения в мире и его осмыслении (одно не существует без другого) кардинально трансформируют измерение социальности. Поиском таковой как раз и озабочено постклассическое науковедение.

Постклассическая социальная философия предлагает следующую **«картину» многомерной социальной реальности**: 1) любое социальное явление (процесс, норма, институт) существует преимущественно³ в трех модусах бытия — в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления, взаимодействующие друг с другом; 2) социальное явление есть результат предшествующей практики, в том числе означивания, в определенном смысле результат произвола (по отношению к предшествующим явлениям и практикам), который, впрочем, не может быть каким угодно, выступая в то же время относительно устойчивой структурой — массово повторяющимся поведением, зафиксированным знаком и общепринятым ментальным образом; 3) социальное явление (институт) не есть некая данность, объективная сущность, открываемая в «природе вещей», а представляет собой социальный конструкт, обусловленный и ограниченный хабиитуализацией (опривычиванием) предшествующих практик; 4) оно никогда не является окончательно завершенным, а находится в состоянии постоянного переосмысления, а тем самым — трансформации; 5) любое социальное явление контекстуально и релятивно: оно зависит от исторического и социокультурного контекста, т. е. его содержание определяется связью с другими социальными явлениями и обществом как целым⁴. Приведенные характеристики социальности дают основание сделать промежуточный вывод: любое социальное явление имманентно диалогично, о чем подробнее пойдет речь ниже.

³ Социальное бытие, если исходить из гипотезы безграничности вселенной, не имеет единственной фиксированной суммы модусов проявления.

⁴ См.: Честнов И. Л. История и методология ... С. 113—114.

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Постклассическая методология науки

Методология науки, как указывают В. В. Лазарев и С. В. Липень, — это «выявленная наукой совокупность принципов, приемов, способов научной деятельности, применяемых для получения истинных, отражающих объективную реальность знаний». При этом они подчеркивают: «Ошибаются те, кто сводит методологию или к самим методам, или к учениям о методах. Методология (от греч. *methodos* — исследование и *logos* — слово) — учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности»⁵. Полагаю, что такой подход полностью согласуется с постклассическими положениями — рассматривая методологию предельно широко, включая в нее и учение о принципах научного познания, и их применение на практике. Последнее играет очень важную роль в научной деятельности, однако относится скорее к методике (или методикам) как важному аспекту методологии науки. О методиках научного исследования применительно к юриспруденции речь пойдет во втором разделе учебного пособия, поэтому сейчас сосредоточим внимание на методологии как философском учении о познании.

Сразу следует заметить, что сегодня — в постсовременном социуме — методология познания играет доминирующую роль в системе науковедения, задавая границы и содержательные характеристики гносеологии, онтологии и аксиологии. Более того, ситуация постклассического науковедения приводит к признанию диалогичности перечисленных выше частей философии⁶, трансформируя их во взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга аспекты, или стороны, эпистемологии — теории научного знания, включающей процесс и результат (применение) познания. В зависимости от избранной автором методологии — способа описания и объяснения — зависит результат, т. е. образ мира как его

⁵ Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки : университет. курс для магистрантов юрид. вузов / под ред. А. В. Корнева. М., 2016. С. 163.

⁶ Это связано с такой характеристикой постклассической методологии, как переход от бинарных оппозиций к их диалогичности. Не существует в социальном мире самого по себе материального в отрыве от знакового (идеального); не может быть структуры, которая не воспроизводилась бы в единичных действиях, и т. д.

онтология⁷. Это вытекает из принципа дополнительности — краеугольного камня неклассической физики и философии. Позитивистский способ видения права задает одну онтологию правовой реальности, юснатуралистский — другую, социолого-правовой — третью, а постклассический — четвертую. Это же касается и ценностного измерения права (аксиологии): как именно ценности включаются (или, наоборот, исключаются, с позиций позитивистов) в измерение права, определяется принятой методологией.

Состояние методологии современной науки, и юридической в том числе, во многом обусловлено культурой постсовременного социума. Культура эпохи постмодерна, как бы мы не относились к этому феномену, определяет способ восприятия мира, в котором радикализованы тенденции, сопровождавшие науковедение на всем протяжении XX века, и обуславливает формирование постнеклассической научной картины мира. Будучи критическим мировоззрением, постмодернизм бросает вызов современности. При этом ответа на этот вызов сам постмодернизм, как представляется, дать не в состоянии. Поэтому необходимо формирование содержательно позитивной философии, науковедения, рациональности в постклассической научной картине мира.

Переход от классической картины мира к неклассической и постклассической (постнеклассической) связан, прежде всего, с изменением типов рациональности⁸. Классическая рациональность, соединяющая познавательный и онтологический аспекты⁹,

⁷ Именно методология юриспруденции как теория приемов и способов познания мира задает онтологию — представление о правовой реальности. «Методология науки, — пишет В. Н. Синоков, — это способы изучения, выражающие общие (исходные) и частные (специальные) позиции и подходы к конкретным явлениям. В основе метода науки находятся философские системы, на которых основано мировоззренческое кредо исследователя. Поэтому результаты науки в известном смысле заданы ее философскими предпосылками и основанными на них методами исследования. Кроме философской основы, методология правоведения включает фундаментальные общетеоретические концепции права, а также общие и частнонаучные методы исследования. Сердцевиной юридической методологии является теория правопознания — изучение феномена права как целостного социального института». — Синоков В. Н. Теория правопознания в России: проблемы обновления // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. М., 2017. С. 30.

⁸ См. подробнее: Постнеклассика : Философия, наука, культура : коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009.

⁹ «Научный Метод должен обеспечивать взаимное соответствие мышления и социальной действительности», — описывает Декартову установку Ю. Л. Качанов. — Качанов Ю. Л. Социология социологии: антитезисы. М. ; СПб., 2001. С. 39.

ориентирована на объективность познания внешнего мира трансцендентным субъектом, воплощающим научный разум как таковой, а тем самым постулирует универсальность и аподиктичность научного знания. «Классическая» социальная наука работает «на основе допущения, что мир может быть корректно понят только как *множество достаточно определенных и более или менее опознаваемых процессов*»¹⁰. Из этого допущения делается вывод: «...в мире протекают определенные процессы, и они ждут того, чтобы быть открытыми. <...> Такова цель социальной науки: обнаруживать наиболее важные из этих устойчивых процессов»¹¹. Такая установка напоминает фигуру «юридического Геркулеса», достичь

¹⁰ Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой ; науч. ред. перевода С. Гавриленко. М., 2015. С. 20.

В другом месте он пишет: «С философской точки зрения, мы все работаем в терминах до некоторой степени непроверяемых метафизических (и онтологических) предпосылок. <...> Прежде всего (и это допущение наиболее общее), оказывается, что наш опыт во многом (если не полностью) организован вокруг интуиции что *там вовне есть реальность* — за пределами нас самих. <...> Большинство из нас, думаю, неявно предполагают, что *эта внешняя реальность обычно независима от наших действий и, в особенности, от наших восприятий*. <...> Другое, до некоторой степени родственное допущение здравого смысла состоит в том, что внешняя реальность возникает до нас, она нам предшествует. <...> Следующее допущение здравого смысла: внешняя реальность имеет множество *определенных форм или отношений* или образована ими. <...> Еще одно допущение здравого смысла сводится к тому, что мир является общим, совместным. Он *везде один и тот же*». — Ло Дж. Указ. соч. С. 55—58.

¹¹ Ло Дж. Указ. соч. С. 21. Один из наиболее интересных философов-лингвистов современности Дж. Лакофф описывает «традиционный объективистский подход» к миру и его категоризации в мышлении таким образом: «С объективистской точки зрения, рациональное мышление целиком заключается в оперировании абстрактными символами, получающими свое значение через условные соотношения с вещами во внешнем мире». — Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. С. 11. Среди более специфических объективистских положений можно отметить следующие: разум представляет собой абстрактную машину, оперирующую символами в существенных отношениях таким же образом, как это делает компьютер, т. е. посредством алгоритмического исчисления. Символы (например, слова и ментальные представления) получают свои значения через соотношение с вещами внешнего мира. Все значения имеют такой характер. Символы, соотносящиеся с внешним миром, представляют собой внутреннее репрезентации внешней реальности. Абстрактные символы могут находиться в соответствии с вещами в мире, не зависящими от особенностей каких-либо живых существ. Поскольку человеческий ум пользуется внутренними представлениями внешней реальности, он является зеркалом природы, и правильное мышление отражает логику внешнего мира. — Там же.

уровня которого мечтали подавляющее большинство теоретиков права от У. Блекстона (который ввел в научный оборот этот образ) до Р. Дворкина — ученого и одновременно политика, чей взгляд проникает в самую суть юридического, выявляет скрывающиеся от взора обывателя закономерности права и обеспечивает с помощью социальной инженерии достижение всеобщего блага. История показывает, что чаще всего поиски сущности социального (и правового) приводят к нахождению и изобличению врагов (как внешних, так и внутренних) строительства общества всеобщего блага со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неудачи в социальных преобразованиях проще всего связать именно с ними — сознательными вредителями в деле нахождения объективной природы права, всеобщих законов его возникновения, развития и функционирования.

Неклассическая рациональность проблематизирует объективность познания, признавая зависимость представления об объекте от используемого метода (шире — позиции субъекта). Она вписывает в субъект-объектное отношение опосредующий его метод¹². Постклассическая (или постнеклассическая) рациональность вводит субъект-объектное отношение в социокультурный контекст, определяемый историей, ценностями, интересами и потребностями субъекта¹³. Однако становление постклассической рациональности и научной картины мира не отрицает существование и важность неклассической и классической методологии. Как справедливо утверждает В. С. Степин, возникновение «каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. При решении ряда задач неклассический и постнеклассический подходы могут быть избыточными и можно ограничиться классическими нормативами исследования. Научная рациональность на

¹² Квантовая механика, возвестившая приход неклассической парадигмы науки, исходит из невозможности «представить себе объект, который оставался бы незатронутым самим процессом его наблюдения или применяемыми к нему процедурами измерения». — Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; под ред. и с предисл. В. А. Лекторского. М., 2017. С. 33.

¹³ Отличия классической, неклассической и постнеклассической научной картины мира, включающей соответствующий тип рациональности, связаны также с типами объектов исследования (конструируемые научной картиной мира): простые механистические системы, сложные саморегулирующиеся системы и сложные саморазвивающиеся системы. — Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика ... С. 250 и след.

современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности»¹⁴. В то же время сегодня очевидно, что для анализа социальных (и правовых) явлений и процессов адекватной постсовременному социуму является именно постклассическая методология.

Дж. Лакофф, разрабатывая новую постклассическую теорию категоризации (шире — познания или даже восприятия мира), пишет: «Понятийные категории оказались в целом весьма отличны от того, что требует от них объективистский подход. Полученные данные предполагают принципиально иной подход не только к категориям, но к человеческому мышлению в целом: — Мышление является воплощенным. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера. — Мышление является *образным* (*imaginative*) в том смысле, что понятия, которые не основываются непосредственно на опыте, используют метафору, метонимию, ментальные образы — все это выходит за пределы буквального отражения, или репрезентации, внешней реальности. <...> — Мысль имеет *свойства геистальта* и, таким образом, не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных “строительных блоков” посредством общих правил. — Мысль имеет экологическую структуру. Эффективность когнитивных процессов, например при изучении и запоминании, зависит от общей структуры концептуальной системы и от того, что эти концепты значат. Мышление, таким образом, есть нечто большее, чем простое оперирование абстрактными символами»¹⁵. Зависимость реальности от мышления и одновременно от типа и содержательных характеристик соответствующей культуры — важнейшая особенность постклассической методологии.

Все это имеет непосредственное отношение к юридической науке, в которой, впрочем, сегодня обнаруживается пересечение

¹⁴ Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы междунар. науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Междунар. ин-та философии в Москве (15—18 сентября 2011 г.) / отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2012. С. 18.

¹⁵ Лакофф Дж. Указ. соч. С. 13.

«парадигм» — большинство ученых придерживаются классического правопонимания, некоторые неклассического и лишь единицы постклассического. Тем не менее смена типа рациональности рано или поздно, но неизбежно придет и в юриспруденцию. Поэтому *выход из мировоззренческого и методологического кризиса, в котором оказалась юридическая наука в современном мире*¹⁶, — не в отказе от «фундаментальной науки», прежде всего философии и теории права, а в ее *переориентации в постклассическую философию и теорию права, постклассическую юриспруденцию*.

Постклассическая юриспруденция в эпистемологическом (методологическом) смысле должна отвечать следующим критериям:

должна быть критикой классической юриспруденции, прежде всего ее догматичности, претензии на универсальность и аподиктичность;

должна быть рефлексией второго порядка: относительно реальности, ее социальной обусловленности и субъекта познания;

в ней должна признаваться и обосновываться многомерность права (множество модусов бытия: не только в качестве нормы, правопорядка и правосознания, но и как института, практики его воспроизводства и человека, конструирующего и воспроизводящего институт);

в ней должна постулироваться сконструированность и одномерно социокультурная обусловленность правовой реальности;

наконец (хотя этот перечень может быть продолжен), она должна стать «человекоцентристской», т. е. полагать человека как творца правовой реальности, воспроизводящего ее своими практиками.

Из изложенных оснований постклассической юриспруденции с очевидностью вытекает необходимость как минимум рефлексии, а как максимум трансформации методологических ее оснований. Одной из самых актуальных для современной теории права, как и

¹⁶ О том, что юридическая наука находится в кризисе, сегодня не пишет только ленивый. В то же время встречается не так много серьезных исследований на данную тему. Из последних интересных работ см.: Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. По мнению В. Н. Синюкова, «причины кризиса современной юридической науки кроются в отсутствии новых методологических концепций, адекватных вызовам времени. “Старые” теории не в силах предложить адекватные меры разрешения противоречий современного государства и права, кроме традиционного усиления (ослабления) вмешательства государства, коллективизма (индивидуализма) как методологии правового статуса личности». — Синюков В. Н. Указ. соч. С. 33.

для всей юридической науки, проблем является плюрализм правопонимания. Не секрет, что сегодня существуют разные подходы к пониманию и теоретическому осмыслению права, во многом в силу его сложности и многомерности. Так, кроме трех традиционных типов правопонимания (юридический позитивизм, теория естественного права, социология права) сегодня активно развиваются «неклассические» или «постклассические» типы правопонимания. К ним, например, относятся: антропология права, феноменология права, критические правовые исследования, феминистическая теория права, правовой экзистенциализм и др. Сейчас важно подчеркнуть не то, какие именно существуют концепции права, а то, что они дают разную оценку правовой реальности, прежде всего законодательства, по-разному трактуют основные юридические понятия и квалифицируют юридически значимые ситуации. Сложность усугубляется тем, что ни один из типов правопонимания сегодня не в состоянии убедить своих оппонентов в собственной правоте, большей обоснованности. Выход в теоретическом аспекте может быть только один: постоянно обосновывать собственную позицию в диалоге с другими точками зрения.

Вышесказанное наглядно свидетельствует о том, что в современной ситуации эпистемологической неопределенности кардинально возрастает роль общетеоретического осмысления права. Именно теория права, включающая теории отраслевых и специальных юридических дисциплин, обязана взять на себя функцию рефлексии методологии всей юриспруденции. Поэтому она должны включать в себя такие междисциплинарные проблемы, как теория юридической формы, теория доказательств, юридическая техника и др. Только так теоретические исследования права выполняют свою онтологическую (обоснование права) и методологическую (разработка методов научного исследования и практического применения права) функцию.

Сформулируем несколько принципов постклассической методологии юриспруденции.

Принципы неопределенности и дополнительности. Из принципа квантовой физики *постулат неопределенности* утверждает неполноту нашего знания в силу как потенциальной неисчерпаемости мира, так и ограниченности человеческого разума¹⁷.

¹⁷ Претензии «законодательного разума» эпохи Просвещения, как и науки, на привилегированный эпистемологический и тем самым социальный статус остались в прошлом. Никакая «единичная, индивидуальная вещь не может быть охарактеризована никаким конечным перечнем свойств, — пи-

Отсюда очевидна невозможность полного, аподиктического описания, объяснения и тем более предсказания поведения любого более или менее сложного социального явления или процесса (к коим, несомненно, относится право)¹⁸. Более того, принцип неопределенности не позволяет дать однозначную оценку какому-либо социальному (и правовому) явлению или процессу в связи с невозможностью рассчитать его латентные дисфункции и отдаленные последствия, а тем самым выяснить (по крайней мере количественно) социальное действие правовых норм и институтов и права в целом. *Принцип дополнительности*¹⁹ постулирует отсут-

шет Э. Агацци, — поскольку любому такому перечню могут в принципе удовлетворять и другие вещи... Вещь есть “потенциально бесконечная связка предикатов” (и в то же самое время — независимо существующее). Понимая под этим, что вещь может рассматриваться с потенциально бесконечного числа точек зрения и, таким образом, считаться обладающей бесконечным числом свойств». — Агацци Э. Указ. соч. С. 270—271.

¹⁸ У. Бек по этому поводу пишет: «Мировое общество риска... является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания». — Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 153.

¹⁹ Первоначально этот принцип имел узкоспециальную направленность на решение проблемы, вытекающей из принципа неопределенности В. Гейзенберга (точность определения координаты частицы и точность определения соответствующей компоненты ее импульса обратно пропорциональны). Н. Бор не был согласен ни с континуально-волновой позицией Э. Шредингера, ни с корпускулярной позицией В. Гейзенберга. Для него исходным пунктом анализа была парадоксальная неотделимость двух аспектов, которые в классической физике исключали друг друга. В более широком контексте (чем определение кванта как волны и (или) частицы) этот принцип включает и онтологический, и методологический аспекты: «Нельзя сколь угодно сложное явление микромира описать с помощью одного языка». — Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 51—52. Можно согласиться и с мнением В. В. Налимова о том, что «принцип дополнительности меняет наше научное видение Мира — постепенно оно становится все более и более полиморфным. Мы готовы одно и то же явление видеть в разных ракурсах, описывая его теперь не конкурирующими друг с другом моделями. Даже математическая статистика, традиционно устремленная на выбор лучшей — истинной модели, готова теперь согласиться на существование множества равноправных моделей». — Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995. С. 355. Применительно к социальной реальности (а право — момент, сторона социальной реальности) принцип дополнительности означает контекстуальность смысла, а также доминирующее положение целого относительно частей (принцип холизма), проявляющееся, например, в теории поля К. Левина, гештальтпсихологии М. Вертгеймера или системном подходе (элементы системы не существуют вне

ствие единственной привилегированной точки зрения на объект и зависимость картины объекта от использованного метода его конструирования и познания. Отсюда можно сделать вывод о приоритете методологии над онтологией права или о зависимости картины правовой реальности от точки зрения наблюдателя и способов определения — конструирования — объекта (правовой реальности) на основе принятых методов. Принцип дополнительности в то же время постулирует неисчерпаемость измерений, точек зрения на объект и, как следствие, множественность типов правопонимания.

Приход «постклассики» обусловлен *лингвистическим «поворотом»*, который можно назвать *принципом знаково-символического опосредования всех социальных (и правовых) явлений*. Любое действие, предмет материального мира, сам человек становятся социальными явлениями, только будучи означенными и осмысленными в знаково-символических формах. Язык (точнее — человек, использующий язык) обозначает актами номинации, классифицирует, категоризирует и квалифицирует социальные ситуации, превращая некоторые из них — представляющиеся наиболее значимыми — в правовые. Тем самым, конструирование и воспроизводство правовой реальности происходит с помощью знаковых форм, наиболее важной из которых является язык²⁰.

системного — социального — контекста). В юриспруденции принцип дополнительности пока не получил должествующего ему применения. Косвенно он используется одним из лидеров критических исследований в юриспруденции США, профессором школы права университета Колорадо П. Шлагом. — Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev. 1991. № 69 ; Idem. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev. 1991. № 139. В частности, американский юрист поднимает проблему субъекта права и «взгляда изнутри» на право (с точки зрения судьи). Такой взгляд, по его мнению, неизбежно является односторонним, и ведет к радикальному упрощению права. — Schlag P. Normativity ... P. 1115. Из одной-единственной перспективы вытекает вера в то, что существует единственно верная онтология права, которая не зависит от всех субъектов права (за исключением судей). — Schlag P. Normativity ... P. 1116—1117. Принцип дополнительности включает в методологию современной криминологии Я. И. Гилинский. — Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. С. 25—26.

²⁰ Не случайно П. Бурдые полагал критерием, или основанием, позволяющим идентифицировать социальную группу и социальный статус, официальную номинацию мира: классификацию, категоризацию, а также юридическую оценку социальных явлений и процессов. Поэтому социальная жизнь, в таком случае, — это борьба за право официальной номинации социального мира. «Лингвистический поворот, — пишет Э. Агацци, — можно рассматривать как расширение тезиса “невозможности выйти за рамки языка”, согласно которо-

Знаковость права — это один из аспектов его многогранности, как минимум, дуальности: взаимодополнительности материального (реального, фактического — в терминологии Р. Алекси, и идеального. Знаковость с точки зрения постклассики предполагает приоритет прагматики или включение прагматики в семантику — использование знака дискурсивными и поведенческими (включающими дискурсивность как психический аспект) практиками людей — носителей статусов субъектов права. Поэтому недостаточно постулировать наличие материального и идеального аспектов в праве, но необходимо показать, как они взаимодействуют, взаимодополняют друг друга. Юридически значимое действие включает в качестве «субъективной» стороны «значимость» или процесс «означивания» (по терминологии Ю. Кристевой) — приписывание социального значения и индивидуального смысла соответствующему действию. Именно значения и смыслы через мотивацию направляют поведение человека, в том числе при конструировании и реализации права.

Контекстуализм, историческая и социокультурная обусловленность или релятивность права, приходящие на смену универсализму, свойственному классическому правопониманию, предполагают относительность, релятивизм права по отношению к обществу, представленному социальными феноменами (политикой, экономикой, культурой и т. д.) и воспроизводимому практиками людей. Тип общества с помощью правовой культуры определяет содержание и формы права. В то же время этим не отрицается универсальность права, которая состоит в его функциональной значимости.

Релятивизм является одним из принципов постклассической картины мира и, соответственно, эпистемологии. Он говорит, прежде всего, об относительности знания об объекте, включенном в субъект-субъектные интеракции и межкультурный контекст. Знание об объекте является всегда неполным, ограничен-

му любое исследование, кажущееся относящимся к некоторому предмету, не может не быть исследованием дискурса или дискурсов, в которых этот предмет описывается или рассматривается. Следовательно, любая реальность всегда дается нам в языке и, согласно знаменитому тезису Витгенштейна, “границы моего языка означают границы моего мира”. Этот тезис очень похож на фундаментальный тезис о “невозможности выйти за границы мысли”, отстаиваемый идеалистами, согласно которому невозможно утверждать нечто “внешнее” по отношению к мысли, поскольку самим этим утверждением мы включим это нечто в мысль». Но в то же время ошибочна идея, будто «реальность можно “свести” к языку (или мысли)». — Агацци Э. Указ. соч. С. 443.

ным, обусловленным господствующими ценностями, идеологией, общественной доксой, научными традициями и т. п., следовательно — относительным. Социальная эпистемология (Б. Барнс, Д. Блур, С. Фуллер и др.) начиная с 70-х годов XX века обосновывает зависимость научного познания от субъект-субъектных отношений, от социокультурного контекста.

Таким образом, релятивизм преодолевает наивно-реалистическое представление о познании и мире: познание не является отражением природы («зеркалом природы» по Р. Рорти), так как мы никогда не сможем сравнить представление о реальности с самой реальностью (Т. Рокмор), ибо последняя дана нам только как представление.

Все это относится и к юридическому знанию, которое с точки зрения постклассической эпистемологии обладает лишь относительной автономностью в среде социогуманитарного знания и обусловлено социокультурным контекстом (прежде всего господствующими типами правопонимания), господствующей картиной мира, мировоззрением. Юридическая наука — это «частная социальная теория», содержание которой определяется связью с социальной философией и другими общественными науками, обладающая лишь относительной автономией. Если знание о праве относительно (социально обусловлено), то тем самым с постклассической точки зрения обосновывается тезис Гегеля, что право — момент, сторона общества.

В связи с вышесказанным можно сформулировать онтологический принцип релятивизма права: ***право — это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым*** (последнее — не более чем социальное представление, по терминологии С. Московичи, объединяющее людей на определенной территории). Отсюда напрашивается тезис, который может показаться эпатажным: нет «чистых» правовых явлений, как нет и не может быть «чистой системы права» Г. Кельзена. Право, как и любой социальный институт, хотя и не имеет единственного и единого референта — оно многогранно, многоаспектно, существует в социальном мире в виде взаимодействий людей, опосредованных социальными (интериоризируемыми в индивидуальные) представлениями. В этих интеракциях всегда существуют психика (психические феномены), культура, язык, часто — экономика, политика и т. п. Выделить юридический

момент, например, в договоре купли-продажи, перевозки или в голосовании на избирательном участке, в подаче жалобы и т. д. можно только аналитически. Таким образом, *нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л. И. Петражицкий), экономическими, политическими и т. д., в широком смысле — социокультурными феноменами.*

Вышесказанное не означает, что релятивность права — это произвол и анархия. Как отмечалось выше, релятивность права — это зависимость и обусловленность права обществом. Право, с точки зрения развиваемой автором диалогической социологии права, как и любой другой социальный институт, выполняет социальную функцию: обеспечивает нормальное функционирование социума (как минимум — самосохранение, как максимум — процветание). Право это делает с помощью нормирования наиболее значимых общественных отношений; экономика — используя производство и распределение материальных благ; политика — путем принятия политических решений и т. д. В этом как раз и состоит сущность права, минимум его универсальности. Почему минимум? Потому что содержательно — это «голая абстракция», наполняемая конкретным содержанием в различные исторические эпохи и в разных культурах-цивилизациях. Конкретное содержание права как раз и задается контекстом исторической эпохи и культуры-цивилизации²¹.

Релятивность права (точнее — законодательства) не дает возможности сформулировать универсальные содержательные критерии, например, уголовно-правовых запретов. Я. И. Гилинский в этой связи справедливо замечает: «В реальной действительности нет объекта, который был бы “преступностью” (или “преступлением”) по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis, per se*. Преступление и преступность — понятия релятивные (относительные), *конвенциональные* (“договорные” — как “договоряются” законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые

²¹ В кросс-культурной психологии признается, что во всех культурах можно встретить множество примеров универсального социального поведения, например приветствия, семейные отношения, гендерные и возрастные поведенческие различия и т. д. Но все они в разных культурах реализуются разными способами, в зависимости от местных культурных традиций. — Кросс-культурная психология. Исследования и применение : пер. с англ. / Дж. В. Берри и др. Харьков, 2007. С. 66.

люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.»²². Признавая справедливость идей известного криминолога, в то же время замечу, что без уголовного запрета, например, убийства ни одно общество не в состоянии существовать, хотя формулировка этого состава преступления, конечно, порой значительно отличается. Поэтому в любом социуме есть те нормы, которые обеспечивают его воспроизводство. Проблема их выявления — одна из насущных для теории права. Сегодня невозможно сформулировать универсальные содержательные критерии их экспликации. Но это не означает, что их нет. Для их обнаружения требуется социолого-правовое исследование данного конкретного социума, призванное зафиксировать, в том числе «качественными методами», широко распространенные, многократно используемые и положительно оцениваемые нормы (правила) и практики их использования в повседневной жизнедеятельности как правоприменителями, так и обывателями.

Практический поворот предполагает выявление юридических практик, которыми воспроизводится (как традиционно, так и инновационно) правовая реальность. Именно практики образуют содержание юридической догмы и позволяют показать механизм правовой институционализации. В юридических практиках происходит пересечение личностных интенций (потребностей, интересов, целей) с требованиями институций. Правовая культура производит социализацию человека — носителя статуса субъекта права, актора, и включает его в механизм воспроизводства системы права. Тем самым практический поворот акцентирует внимание на динамичности и процессуальности вместо статичности права.

Суть практического поворота применительно к юриспруденции состоит в том, что право существует только в том случае, если оно (его знаковое выражение) действует, т. е. претворяется в практиках людей — носителей правовых статусов. Действие (а значит, и бытие) права — это поведение и ментальные (психические) активности людей, взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга как идеальное (психическое) значение и персональный смысл дополняет практическое действие и его

²² Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 37.

результат. Соотнесение своего представления, выраженного в ожидании, с нормой права — обезличенным (обобщенным и социально значимым) Другим (его образом), воплощаемым персональным человеком и типизированной ситуацией, — и реализация его (представления — ожидания) в юридически значимом поведении и есть бытие права.

Такой подход предполагает переосмысление практически всех юридических категорий с формально-догматической на социолого-практическую. Система права, в таком случае, — это ментальные представления (и ожидания), воплощаемые в массовые практики в масштабах социума, соотносимые с господствующими (официальными) системами знаков. При этом действия и социальные представления референтной группы конструируют и трансформируют систему знаков (законодательство). То же самое касается и отдельной нормы права: это социальное представление, выражающее правовые статусы применительно к типовой ситуации и их воплощение в массовых практиках. Важно иметь в виду, что социальные представления и практики складываются из представлений и действий отдельно взятых индивидуумов и включают их личностное, неявное (или фоновое) знание²³. Механизм преломления законодательства в социальные представления и господствующие практики, всегда соотносимый с этим личностным знанием, должен быть объектом пристального внимания социологии права, если она претендует на то, чтобы стать основой практической юриспруденции.

Практический поворот в социологии права призван показать, как именно конструируется правовая система и как она воспроизводится. Очень важным в этой связи является процесс создания реифицирующих понятий, юридических конструкций, составляющих догму права. Юриспруденция не может существовать без них. Но задача социологии права состоит как раз в том, чтобы «расколдовать» их якобы естественность, продемонстрировать их сконструированность и оценить эффективность, чтобы вовремя изменить. «Расколдовывание» реифицирующих понятий предполагает анализ первичного «произвола» (по терминологии П. Бурдьё, заимствованной у Б. Пасалья) и его последующей социальной амнезии — институционализации на основе формирования массо-

²³ О личностном, фоновом знании см.: Searle J. The Background of Meaning // Speech Act Theory and Pragmatics / ed. by J. Searl et al. Dordrecht, 1980 ; Райл Г. Понятие сознания. М., 1999 ; Полани М. Личностное знание. М., 1985.

вого поведения и социального представления, в котором эта многократно повторяющаяся деятельность воспринимается и закрепляется в ментальной (психической) форме. Принципиально важная роль в этом процессе принадлежит правящей элите и референтной группе. Выявление интересов, которые преследуются и теми, и другими и их последующей объективации в социальных представлениях и практиках — важнейшая задача социологии права²⁴.

Еще более важной задачей, позволяющей повернуться социологии права лицом к практическим нуждам юриспруденции, является демонстрация действия права. Что это означает? В догматическом смысле слова — юридическое действие, т. е. вступление в силу нормативного правового акта. В социологическом же смысле — это многоуровневая деятельность²⁵ по трансформации мировоззрения в принципы права, юридические конструкции, систему форм внешнего выражения норм права, господствующие методики практической деятельности, традиции и обычаи, в которых воплощаются массовые практики, трансформация всего этого в навыки (личностное знание) конкретного человека в соотнесении с его интересами (которые, в свою очередь, представляют собой пересечение интересов социальной группы и личных мотивов).

В этом процессе, выражающем сущность практического поворота, принципиально важную роль играют *господствующие в соответствующей сфере юриспруденции практики, социальные представления о праве (типичных юридически значимых ситуа-*

²⁴ Так, по мнению П. Бурдые, в основе формирования современного бюрократического государства лежал интерес социальной группы юристов по упрочению своего социального статуса. — Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Бурдые П. Социология социального пространства. М. : СПб., 2005. (Gallicinium).

²⁵ Г. Д. Гурвич еще в середине XX века описывал структуру права в соответствии с многослойностью социальной реальности как совокупность собственно правовых институтов, традиционных и новых отношений, обычаев, правовых идеалов и ценностей, коллективных актов признания. Источником правовой реальности для него выступают акты признания. Правовая реальность, по его мнению, интерпретируется юридическим опытом. Субъекты права — конкретные индивиды — попадают в юридически значимые ситуации, в результате чего и приобретают этот опыт. Он же, в свою очередь, интегрируется (объективируется) в «коллективные акты признания». В результате переноса этих актов признания в новые ситуации они приобретают характер нормативных фактов и являются основанием действительности правовых норм. — Gurvitch G. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Neuwied, 1960.

циях), личностное фоновое знание (или юридические личностные стереотипы), персонализация типизаций и идеализаций, индивидуальные смыслы, которыми персонализируются господствующие значения применительно к юридически значимым ситуациям в их интерпретации, а также мотивация.

Принцип диалогичности права выступает квинтэссенцией постклассической методологии с точки зрения авторской позиции, развиваемой в данном учебном пособии. Диалогичность является содержанием социальности как таковой, так как представляет собой опосредование, взаимодополнение вышеназванных моментов (принципов в онтологическом смысле) социальной (и правовой) реальности. Диалогичность как принятие позиции социально значимого Другого образует содержание легитимации правовых институтов и норм, так как соотносит требования общества (транслируемые через статус социально значимого Другого) с личностными интенциями и потребностями.

Любое социальное явление диалогично в том смысле, что оно одновременно и уникально, и типично (социально), а социальный институт (например, право) — это система связей между безличностными социальными статусами, объективированными в соответствующем ментальном представлении, и реализация этих связей в фактически совершающихся взаимодействиях персонифицированных индивидов. Другими словами, диалог — это отношение Я—Ты, за которым всегда скрыто Оно, это уникальная встреча двух личностей, которая трансформируется в типизированную безличностную связь, а затем — в последующие фактические взаимодействия.

В окружающем нас мире фактически существуют единичные люди и взаимодействия между ними. Однако в силу необходимости экономии мышления конкретные жизненные ситуации, так же как и их участники, объективируются человеческим сознанием в статичные формы, подводятся (в юриспруденции для этого существует специальный термин — квалифицируются) под знакомые типичные взаимодействия. В силу такой объективации они наделяются (в массовом представлении) сверхъестественными, надындивидуальными чертами и «превращаются» в субстанциональные сущности. При этом люди в таких ситуациях ведут себя так, как если бы они были такими (сверхъестественными) на самом деле. В результате происходит «удвоение» социальной реальности: над фактическими взаимодействиями «надстраивают-

ся» социальные роли, выражающиеся, например, в правовых статусах персонифицированных субъектов.

Предложенные принципы постклассической методологии права, открытые с точки зрения их количества²⁶ и содержания, определяют объект и предмет юридической науки.

1.2. Объект и предмет науки

Объект науки — это то, на что направлена познавательная активность субъекта²⁷. Объект (так предполагается в классическом науковедении) есть некая данность, которая противостоит, внеположена субъекту и не зависит от его знаний, действий, намерений и т. п.; именно в этой независимости от субъекта заключено основное свойство объекта²⁸. В то же время, с позиций неклассической и постклассической парадигм, объекту имманентен субъект, и наоборот. Э. Агацци утверждает, что объект есть существующее, одинаковое «для всех субъектов, знающих его в результате ознакомления. <...> Следовательно, то, что внутренне присуще объекту, должно быть интерсубъективным»²⁹. Критерий же интерсубъективности научного объекта — согласие научного сообщества. Именно это общее согласие переводит акт единично-

²⁶ Этот перечень может и должен быть дополнен принципами человекоразмерности, интерсубъективности, конструктивизма и др. См. подробнее: Честнов И. Л. Основные характеристики постклассической теории права // Современное правопонимание : курс лекций / отв. ред. В. М. Марченко. М., 2016. С. 283—308.

²⁷ Лекторский В. А. Объект // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 3. С. 136.

²⁸ «Объект — предметная область (реальная или воображаемая), на которую направлены интерес и внимание человека». — Гусев С. С. Объект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 642.

²⁹ Агацци Э. Указ. соч. С. 109—110. При этом критерием «реального существования», по мнению итальянского философа, является отличие от «ничто». В этом смысле реальное существование может быть приписано «снам и галлюцинациям» или «родам реальности», числам и другим сущностям. Поэтому «мы имеем право сказать, что для того, чтобы знать, “что есть реальность”, ей недостаточно просто “быть”; она должна вступить в некоторое отношение с познающим субъектом. Если это знание принимает, например, формы восприятия, мышления, говорения и т. д., мы должны сказать, что в этих разных отношениях “реальность есть то, что воспринимается”, “реальность есть то, о чем думают”, “реальность есть то, о чем говорят”... Как следствие, мы должны говорить, что некоторая реальность есть множество восприятий (т. е. красная, круглая, гладкая и т. д.) в рамках контекста восприятия...». — Агацци Э. Указ. соч. С. 252, 300.

го конструирования («приватную» научную деятельность отдельного субъекта) в социальную или публичную плоскость³⁰.

Представление об объекте непосредственным образом связано с философскими дискуссиями, которые ведутся с момента ее — философии появления: существует ли объективная реальность сама по себе (позиция реалистов) или же она существует только если имеются знания о ней (антиреализм или трансформированный не- или постклассический реализм)³¹. Сегодня, после лингвистического поворота, который стал основой методологии XX века, о реальности можно говорить, только если ее — реальность можно каким-то образом представить. Это не означает, что наше знание конструирует реальность, но вне или без ее восприятия у нас нет оснований утверждать, что она есть. Так, один из ведущих американских философов второй половины XX века Х. Патнэм формулирует концепцию «внутреннего реализма», в которой заявляет: вопрос «Из каких объектов состоит мир?» имеет смысл задавать только в рамках некоторой теории или описа-

³⁰ О парадоксе конкретности единичного акта познания, единичного опыта, индивидуально локализованного фактами и вещами, и объективности как всеобщности и необходимости научного знания см.: Агацци Э. Указ. соч. С. 98, 174 и след.

³¹ Во многом эта проблема воспроизводит средневековый спор реалистов, концептуалистов и номиналистов относительно универсалий, включающих абстрактные понятия, свойства, классы, числа. У. Куайн, один из наиболее влиятельных логиков XX века, по этому поводу писал: «Три главных средневековых позиции по вопросу универсалий обозначаются историками как реализм, концептуализм и номинализм. По существу, эти же самые доктрины вновь возникают в XX веке в изысканиях по философии математики под новыми именами: логицизм, интуиционизм и формализм. Реализм, как это слово употребляется в связи со средневековым спором об универсалиях, представляет собой платонистскую доктрину, что универсалии, или абстрактные сущности, независимы от сознания; сознание может открывать их, но не может их создать. Логицизм, представленный Фреге, Расселом, Уайтхедом, Черчем и Карнапом, закрывает глаза на то, что связанные переменные указывают на абстрактные сущности безотносительно к тому, известны они или же нет, специфицированы или не специфицированы. Концептуализм считает, что универсалии есть, но они суть создания ума. Интуиционизм, разделяемый в наше время в той или иной форме Пуанкаре, Брауэром, Вейлем и другими, придерживается того, что связанные переменные указывают на абстрактные сущности, только когда эти сущности индивидуально приготовлены из заранее определенных ингредиентов... Формализм, ассоциируемый с именем Гильберта, вторит интуиционизму в сожалении по поводу слишком несдержанного отношения логицистов к универсалиям. Но формализм находит неудовлетворительным и интуиционизм». — Куайн У. В. О. С точки зрения логики : 9 логико-философских очерков / пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева ; под общ. ред. В. А. Суровцева. М., 2010. С. 38—39.

ния. Поэтому «объекты» не существуют независимо от концептуальных схем. Мы «разрезаем мир на объекты», когда вводим ту или иную схему описания³².

Объект науки, в некотором смысле, это план, общее представление о том, что предполагается изучать, а предмет — процесс и результат (всегда промежуточный) изучения выделенной стороны, или аспекта, из объекта.

Особая сложность обнаруживается при определении объекта социальных наук. Таковым выступает социальная реальность, которая «по определению» связана с человеком — его поведением, мышлением, языком. Как провести в таком случае различие между объектом и субъективностью человека, сформулировать независимость социальной реальности от сознания, языка, деятельности людей? В парадигме социального конструктивизма социальная реальность образуется социальными представлениями, верой, вымыслами³³. Так как социальная реальность есть «продукт человеческих действий» (добавлю — и их интерпретации), то к ней «не применим тезис о предсуществовании объекта познания по отношению к познающим субъектам, который лежит в основе религиозного и естественнонаучного знания. С точки зрения феноменологической социологии любое знание в некотором смысле тождественно самому объекту: объект — это существующие на данный момент коллективные представления о нем»³⁴. «Современные теоретики, — пишет С. С. Гусев, — не разделяют идею об абсолютном противопоставлении субъекта и объекта, обращая внимание на необходимость связывать утверждение о существовании какого-то объекта с указанием на конкретный комплекс “субъектно-объектных отношений”»³⁵. Об этом же пишет и В. А. Лекторский: «Исторически объективный мир жестко противопоставлялся субъективному. Сегодня во многих случаях ясна невозможность такого противопоставления.

³² Putnam H. R. *Troth and History*. Cambridge, 1981. P. 50, 52.

³³ На это обращает внимание В. Ф. Петренко. — Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2010. С. 166. По мнению лидера социального конструкционизма К. Дж. Гергена, реальное уходит корнями в процессы взаимоотношений, а потому не существует «внекультурального способа» его определения. — Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте : пер. с англ. Харьков, 2016. С. 29.

³⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. *Знание о прошлом*. М., 2003. Т. 2. С. 97.

³⁵ Гусев С. С. *Указ. соч.* С. 643.

1. Существуют серьезные основания считать, что субъективное возникает как результат коммуникативных взаимодействий субъекта с другими субъектами. Коммуникация, предполагая участвующих в ней субъектов и тем самым относясь к субъективному, в то же время осуществляется в пространстве и времени, т. е. в объективном мире и с помощью определенных материальных, т. е. объективных средств (знаки языка, жесты, действия и т. д.). Такого рода О. иногда называют интерсубъективным.

2. О. может быть независимым от индивидуального субъекта с его сознанием по существованию, но не по происхождению. Это относится к вещам, созданным субъектом, а также к детям.

3. Предметы культуры и воплощенные в них смыслы (включая орудия, инструменты, приборы, произведения архитектуры, художественные, научные, философские и иные тексты) существуют объективно, но в то же время предполагают индивидуальных субъектов с их субъективным миром и субъектов коллективных. Во-первых, потому что именно субъекты создают предметы культуры и их смыслы. Во-вторых, потому что объективные смыслы, в том числе и те, которые пока никем не осознаются, могут существовать лишь постольку, поскольку имеются субъекты, способные их выявить, сделать собственным субъективным достоянием (поэтому неправ К. Поппер, допуская возможность существования объективного знания без познающего субъекта). В том случае, если такие субъекты по каким-то причинам не имеются (они погибли, забыли язык, на котором написаны тексты, и т. д.), О. предметов культуры превращается в О. физических вещей, а их объективные смыслы утрачиваются»³⁶.

Действительно, вне сознания и языка невозможно полагать, что что-то (какой-либо объект) реально существует. Поэтому социальная реальность есть, прежде всего, господствующие в данном социуме, в определенной культуре социальные представления о мире, структуру которых образуют «информация об объекте», существующая в знаковой форме, «поле представления» и «аттитюд» как общая ориентация по отношению к объекту социального представления³⁷. Но это не означает субъективного произвола в содержании социальной реальности. Социальные представления объективны в том смысле, что не зависят от знаний, воли, желаний, поведения *отдельно взятых людей*, хотя обу-

³⁶ Лекторский В. А. Объективное // Энциклопедия эпистемологии ... С. 644.

³⁷ Moscovici S. La psychanalyse son image et son public. Paris, 1976. P. 69.

словлены волей, желанием, поведением *человечества*³⁸. Социальные представления, в свою очередь, репрезентируют (можно сказать моделируют, конструируют) практики людей, в том числе предметные, и их результаты, воплощающиеся в материальных и ментальных объектах. Таким образом, *социальную реальность образуют люди (человечество), их социальные представления и практики*³⁹.

*Объектом юридической науки выступает правовая реальность, т. е. процесс конструирования людьми господствующими сегодня социальных представлений о праве*⁴⁰, *включая знаковое их воплощение в законодательстве и других формах нормативности права, и их воспроизводства в юридически значимых практиках*. При этом знаковая форма социальных представлений и юридические практики взаимодополняют друг друга: последние существуют только тогда, когда о них известно, а это возможно только если они опосредованы знаковой формой, задающей значения и смыслы.

Объект науки — это «первое приближение» к изучаемому, очерчивание того, что предполагается исследовать, «смутный образ» того, на что направляется познавательный интерес. *Предмет же науки — это сконструированный (и постоянно переконструируемый) образ объекта, основанный на современных методах*⁴¹, *задаваемый потребностями и интересами субъекта*. Выбор объекта исследования, который превращается по ходу

³⁸ Ю. М. Лотман писал, что знать, что такое реальность, — это значит, во-первых, «знать, как она устроена, во-вторых, знать, чему она служит, в-третьих, знать, что с ней будет в будущем. Ни на один из этих вопросов относительно жизни мы ответить не можем». — Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г. Диалог с экраном. Таллинн, 1994. С. 7.

³⁹ Практики всегда опосредованы предметами деятельности и объективируются в результатах.

⁴⁰ Г. В. Мальцев утверждает, что «почти все политико-правовые категории и институты, начиная с понятий права и государства, относятся к такого рода идеальным предметам, создаваемым нашим сознанием в результате интенсивной “работы чувств” и представлений». — Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 130—131.

⁴¹ В. Ф. Петренко настаивает на том, что «предмет науки как идеальная модель задается методами (естественно, различными для указанных подходов) и специфическим языком описания, многие понятия которых операциональны, т. е. в свернутой форме содержат процедуру построения». — Петренко В. Ф. Указ. соч. С. 92.

научного познания в предмет науки, обусловлен господствующей картиной мира, формулированием научной проблемы, опосредованной «социальным заказом», идеологическими и научными пристрастиями субъекта. Собственно, эти же (и другие) факторы влияют на конструирование предмета науки. При этом предмет науки предполагает согласие если не всего, то по крайней мере части научного сообщества относительно выделения соответствующей области реальности как значимой, актуальной с точки зрения научного ее исследования⁴².

С позиций постклассической эпистемологии, которая ставит под сомнение исходные постулаты классического науковедения, *предмет науки* следует рассматривать как *рефлексивное отношение субъекта и объекта, включенное в процесс интересубъективной коммуникации*. Предмет науки, следовательно, это не сама по себе объективная реальность (в таком случае предмет науки не отличим от объекта), и даже не ее рефлексивный образ⁴³, а гносеологическое отношение познания (восприятия, описания, объяснения, интерпретации и, насколько это возможно,

⁴² См.: Агацци Э. Указ. соч. С. 174, 176.

⁴³ Одним из первых на это, казалось бы, очевидное различие объекта и предмета применительно к теории права обратил внимание В. А. Козлов. — Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. Так же, в общем и целом, решают данную проблему В. С. Нерсисянц, Н. Н. Тарасов и А. В. Поляков. Первый проводит различие между тем, что еще предстоит познать (объект науки), и познанными сущностными свойствами объектами (предмет науки). — Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 58. По мнению Н. Н. Тарасова, «обращаясь к познанию законов мира, наука с помощью своих познавательных средств “выделяет” в данной картине мира некоторый фрагмент (объект науки), в процессе исследования которого и формируется теоретическая модель данного фрагмента реальности — предмет науки». — Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 156. Собственно, так же определяет соотношение объекта и предмета общей теории права (а по большому счету — и всей юриспруденции) А. В. Поляков: «Объект науки — то, на что направлена познавательная деятельность. Предмет науки — совокупность знаний об объекте, заданных специфическим ракурсом его рассмотрения. ... **Предмет науки** можно охарактеризовать как результат тематизированной рефлексии об объекте науки, получивший текстуальную форму выражения». — Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003. С. 18. Однако большинство теоретиков права продолжают отождествлять предмет науки с закономерностями объекта. См. дискуссию по этому вопросу между Ю. И. Гревцовым и А. В. Поляковым: Коммуникативная концепция права: вопросы теории : обсуждение монографии А. В. Полякова. СПб., 2003. С. 25, 102—103.

предсказания) субъектом выделяемой из объекта его определенной части (стороны, аспекта) с последующей практической деятельностью по ее использованию. Предмет юриспруденции (как науки) — это та сторона, или момент объекта, которая попадает в поле зрения субъекта познания в силу обстоятельств, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, предмет науки вообще и юриспруденции в частности определяется как объектом (в нашем случае — спецификой правовой реальности), так и субъектом (факторами, с субъектом связанными)⁴⁴. Рассмотрим эти *факторы, определяющие предмет юридической науки*, подробнее⁴⁵.

Условно эти факторы можно аналитически подразделить на интраюридические (внутринаучные) и экстраюридические (внешние относительно юриспруденции)⁴⁶. Прежде всего, предмет юриспруденции зависит собственно от того, что изучается. Очевидно, что изучать правовую реальность — это одно, а звезды на небе — несколько иное. Однако образ права формируется «позднее» (после его описания, объяснения и интерпретации) и на основе тех обстоятельств, которые были обозначены как субъективные (относящиеся к субъекту, а не к креативной воле субъекта).

Предмет юридической науки зависит от уровня накопленных знаний, связанного с историей соответствующего общества. Оче-

⁴⁴ То, что познание (как процесс, так и результат) зависит от социокультурных и исторических, а также психологических факторов, считается доказанным в социологии знания и социальной психологии науки (и когнитивной психологии).

⁴⁵ См. подробнее: Честнов И. Л. История и методология ... С. 21—41.

⁴⁶ В реальной действительности научной деятельности они взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга. И. Т. Касавин утверждает, что «внутреннее» и «внешнее» — это «две противоположности, которые переходят друг в друга и сливаются воедино в современной лаборатории. Для идеологов классической науки все, что не относится к природному объекту исследования, должно быть элиминировано из процесса и результата познания. Эта методологическая норма, выражая собой некоторую объективистскую сверхзадачу и моральный призыв к специфически понятой научной добросовестности, никогда не могла быть реализована на практике в полном объеме. В современной науке растет осознание того обстоятельства, что познание представляет собой целостный естественный процесс. Его элементы (исследователь с его языком, понятиями, теориями и способом видения; приборы, инструменты, материалы; пространственно-временные параметры исследования: изучаемые объекты; коммуникативные партнеры; стимулы и ограничения, налагаемые социальными условиями; общекультурные ресурсы) не могут быть произвольно, в угоду некоторой методологической программе изолированы друг от друга». — Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М., 2016. С. 14—15.

видно, что по мере «взросления» социума представления о праве изменяются в сторону их уточнения⁴⁷. При этом изменяется акцент субъекта познания на те или иные стороны объекта в силу их актуальности для данного социокультурного контекста — соответствующего общества. Смена актуализации той или иной стороны объекта обусловлена как объективными обстоятельствами (спецификой состояния общества), так и сменой доминант (универсалий, по терминологии В. С. Степина, или эпистем, если следовать словарию М. Фуко) культуры — господствующих в данное время в данной цивилизации представлений о мире, человеке в нем и т. д. Так, эпистема Нового времени (эпохи Просвещения) определила юснатуралистическое представление о праве и, соответственно, предмет юридической науки. Позитивистская эпистема эпохи модерна — это ориентация на внешние признаки права, вследствие чего изменяются и границы предмета юридической науки.

Предмет юридической науки исторически изменчив и обусловлен соответствующей исторической эпохой. Несмотря на сохраняющиеся юридические понятия и конструкции, образующие содержание юридической догматики и соответствующую традицию, «ремесло юристов», «способ юридического мышления»⁴⁸, сформированные в эпоху Средневековья, каждая эпоха переформулирует и адаптирует к изменяющемуся историческому контексту. А. М. Михайлов правильно пишет: «Не требует особых доказательств утверждение *ex nihilo nihil* — ни одна идея, концепция, конструкция не рождается из вакуума, из абсолютного небытия. <...> Все юридические гипотезы, аргументы и выводы формируются в определенном историко-культурном и профессиональном контексте — путем интегрирования частных или сугубо профильных теорий в более общую, комплексную, помещения их в более широкий контекст, при помощи количественного дополнения и качественной корректировки предшествующих теорий, через отрицание их базовых положений и предложения собственных гипотез, аргументов и выводов. <...> Для правопведения время тоже “кожа, а не платье”»; ни один профессиональный

⁴⁷ В силу некумулятивности науки говорить о росте знаний достаточно проблематично. Более того, по мере накопления знаний (расширения, предположим, границ предмета науки) расширяется и граница непознанного.

⁴⁸ О догматической юриспруденции см.: Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики : монография. М., 2012 ; Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 244 и след.

юрист не в состоянии отринуть те структуры, которые определяют его мышление и которые сформировались благодаря незримой корпоративной традиции»⁴⁹. Об этом же писал в начале XX века Г. Радбрух: «Каждая новая эпоха лишает факты, относящиеся к ценности прошлой эпохи, их существенности, и наоборот, выдвигает на первый план факты до сих пор малозначимые с точки зрения их отношения к ценности. Например, в каждую эпоху меняется разграничение между исторически значимыми и просто устаревшими фактами. Каждая эпоха переписывает историю по-новому. И поэтому нет ничего удивительного также и в том, что каждая эпоха должна заново создавать свою науку права»⁵⁰.

Принципиальное значение для определения предмета юриспруденции играет тип цивилизации, в которой существует эта дисциплина и к которой принадлежит субъект, его конструирующий. Разные типы цивилизаций обуславливают различные образы правовой реальности⁵¹ и отличающиеся друг от друга правовые системы. В результате предмет юридической науки (как и ее существование) получает специфическое именно для данной культуры — цивилизации характерные черты. Несмотря на процессы глобализации, культурные различия продолжают оказывать определяющее воздействие на научную деятельность и ее предмет. Это доказывается тем несомненным фактом, что наука не может существовать вне научного сообщества. А последнее является носителем специфических культурных особенностей

⁴⁹ Михайлов А. М. Генезис ... С. 5—6.

⁵⁰ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 139.

⁵¹ Несомненный интерес в этой связи представляют исследования Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского и Ю. С. Степанова, в которых показывается специфика русской культуры и ее отличия от западной культуры, прежде всего в восприятии социально-политических явлений. — Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1 ; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. Небезынтересным является также российско-французское исследование восприятия образа права. — Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции. М., 1996 ; Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права : Правовая социализация в изменяющейся России. М., 2008. В то же время сторонники юридического либертариизма утверждают, что существует только одна правовая реальность и, соответственно, правовая культура как универсальные явления, а все иные типы реальностей и культур являются «неправовыми». В этом утверждении имплицитно (а у некоторых сторонников этой парадигмы — эксплицитно) содержится европоцентристская установка.

соответствующего социума. Это же касается и специфики социальной стратификации данного общества, того места, которое в нем занимает наука (и юриспруденция в частности). В социальной психологии доказано, что классовая принадлежность во многом обуславливает специфику восприятия любого социального явления⁵², в том числе и права. Вышеизложенное необходимо отличать от вульгарного социологизма, коим страдают наиболее радикальные концепции социологии знания. Социальный контекст, безусловно, оказывает значительное влияние как на отдельного представителя научного сообщества, так и на всю совокупность ученых. Однако это воздействие не прямое, а опосредованное, в частности, существующими ценностями и нормами науки, ее внутренней структурой, категориальным аппаратом и др., преломляющими и адаптирующими социокультурное воздействие. В то же время нельзя не обращать внимание и на процесс трансляции и даже переноса и заимствования научных знаний, как в исторической ретроспективе, так и в кросс-культурном аспекте (речь идет о навязывании образцов науки, в том числе юридической, Западом всем остальным регионам мира). В любом случае отрицать влияние социокультурного контекста на формирование предмета теории права (юриспруденции) невозможно, однако не следует его и переоценивать, считать, что он прямо и непосредственно его (предмет) определяет.

На предмет юриспруденции влияет также отношение социума, точнее, власти, к данной дисциплине, выражающееся как в «научной политике» — применимости соответствующих знаний на практике, так и в институционализации этой дисциплины. Важным показателем востребованности научной дисциплины в этой связи выступает ее престиж в общественном сознании и, как следствие, ее выбор абитуриентами и процесс образования. Результат востребованности и престижа соответствующей научной дисциплины во многом определяется расстановкой сил в «поле

⁵² Так, в серии ставших знаменитыми экспериментов Дж. Брунера показано, что дети из разных социальных групп по-разному воспринимают размер монет одного достоинства (менее обеспеченные явно его переоценивают). — Брунер Дж. Психология познания. М., 1977. В социальной психологии также доказано, что люди с более низким социально-экономическим статусом отличаются более низким локусом контроля: склонны относить происходящее с ними на счет причин внешнего порядка и что внешние обстоятельства определяют судьбу человека, а не он сам. — Gurin P., Gurin G, Morrison B. M. Personal and ideological aspects of internal and external control // Social Psychology. № 41. P. 275—296.

науки», по терминологии П. Бурдьё — местом борьбы агентов за монополию научного авторитета. Научное поле — «это всегда место более или менее неравной борьбы между агентами, которые неравным образом наделены специфическим капиталом и которые, следовательно, неравны с точки зрения способности осваивать продукцию научного труда (а также в некоторых случаях внешние прибыли, такие как экономическое или чисто политическое вознаграждение), которую производит в результате объективного сотрудничества совокупность конкурентов, применяющая совокупность имеющихся в наличии средств научного производства»⁵³. На необходимость исследования чрезвычайно сложных отношений наука—власть обращают внимание представители Эдинбургской школы социологии знания Д. Блур и Б. Барнс.

Необходимо обратить внимание и на зависимость предмета науки (в том числе и юридической) от господствующих социальных и научных представлений, существующих в данном обществе, от специфики культуры социума, его господствующих ценностей⁵⁴. Эта зависимость прекрасно показана представителями школы П. Бурдьё, продемонстрировавшими, что даже статистика⁵⁵, казалось бы, неангажированная наука, оперирующая «объек-

⁵³ Бурдьё П. Поле науки / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской // Социо-Логос постмодернизма : альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб., 2002. С. 96.

⁵⁴ В связи с ценностями постсовременного информационного социума потребления И. Т. Касавин отмечает интересный и заставляющий о многом задуматься парадокс: информационное общество, обеспечив общедоступность знаний, немедленно обесценивает их. «Люди пресытились знанием, страдают его несварением. Они еще готовы платить за него, но оно уже предстает в идеальном образе компьютерного чипа, который внедряется в тело и автоматически снабжает соответствующей полезной информацией. Цена отчужденного знания призвана заменить тяжелый труд самостоятельного познания точно так же, как человек покупает в магазине огурцы вместо выращивания их в собственном огороде. Манипуляция инновационными артефактами и лавирование в информационных потоках заменили познавательную творческую деятельность и лишили ее внутренней ценности. Знание как самоцель и самооценочность не востребовано в обществе потребления. Поэтому призыв к “когнитивной демократии”, к ограничению коммерциализации в науке и образовании бьет мимо цели в условиях отсутствия потребности знать». — Касавин И. Т. Указ. соч. С. 13, 232.

⁵⁵ Об этом же пишет Дж. Ло: «Вероятно, “социальное” было произведено по мере того, как они [множество допущений о природе социального] развивались и становились носителями стратегий социального и государственного контроля. Теперь, однако, принимая во внимание, сколько повседневных практик (публичных и частных) зависят от официальной и иной статистики, возможность ее устранения вызывает сомнения. Ее можно подправить, но полное избавление от

тивными» данными, является «ставкой в борьбе за символическое доминирование». Выбор объекта социологического исследования, способ классификации явлений внешнего мира и их номинации всегда избирательны и зависят от позиции субъекта в поле символического капитала⁵⁶. Таким образом, очевидно влияние идеологии⁵⁷ и политики в области права (правовой политики) на формирование предмета юриспруденции. Философия политики изучает и тем самым во многом определяет границы юридикации социума — пределы правового регулирования — на основе господствующей идеологии⁵⁸.

Предмет юриспруденции зависит и от того, какой тип правопонимания господствует в данную эпоху, в данной культуре и в данном научном сообществе (или у конкретного исследователя). Представитель юснатурализма основной акцент будет делать на природе человека или принципах морали, обуславливающих вечные и неотчуждаемые права личности; сторонник позитивизма — на внешних формах права; социолог права — на влиянии общества на право и права на общество. Между этими подходами к определению предмета юриспруденции существуют точки соприкосновения. Все они, например, не могут не включать в предмет этой дисциплины нормы права. Однако воспринимаются нормы права сторонниками различных концепций правопонимания по-разному: как «природа человека», статья нормативно-правового акта или обычай.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать промежуточный вывод: ***предмет юридической науки не является заданным, но конструируется субъектом в рамках объекта***. Определение предмета науки — это активная деятельность субъекта, но отнюдь не произвольная: она обусловлена как объектом, так и историческим и социокультурным контекстом, о котором речь шла выше.

нее будет очень дорогим и буквально, и метафорически. Как результат, мы вынуждены жить в социальной реальности (и при этом мы созданы ею), которая частично квантифицирована весьма специфическими способом». — Ло Дж. Указ. соч. С. 85.

⁵⁶ Так, от того, каков официальный возраст выхода на пенсию, зависит количество пенсионеров. То же самое касается уголовной статистики: она напрямую зависит от того, что закон объявляет преступным. — См.: Начала практической социологии / Р. Ленуар и др. М.: СПб., 2001.

⁵⁷ См. подробнее: Радбрух Г. Указ. соч. С. 74—86.

⁵⁸ См. подробнее: Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010.

Каково *содержание предмета юридической науки*? Классическое науковедение одно из главных отличий науки от «ненаучных» форм знаний видит в том, что именно наука изучает закономерности соответствующего объекта. Другими словами, предмет науки с этой точки зрения образуют закономерности, изучаемые наукой. Поэтому предмет юриспруденции образуют закономерности возникновения, развития и функционирования правовых явлений. При этом закономерность (или закон), как утверждается поборниками классического науковедения, это связь сущностей явлений, процессов, порядок или последовательность их возникновения, изменения и развития, действующие при определенных условиях⁵⁹.

По поводу приведенной точки зрения следует заметить, что, во-первых, предмет юридической науки образуют не сами по себе, допустим, закономерности, но *знания, представления о них субъекта*. Не случайно В. М. Сырых говорит о «познанных закономерностях», утверждая далее, что структуру правовой науки образует не юридическая практика, а знания⁶⁰. Во-вторых, большинство сложных систем (а право, несомненно, относится к чис-

⁵⁹ См.: Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2000. Т. 1. С. 49. Ниже он (что весьма симптоматично) указывает не только на условность законов, но и на их вероятностный, статистический характер (С. 53). При этом в предмет общей теории права, по мнению В. М. Сырых, входят закономерные связи права с неправовыми явлениями (С. 63). См. также: «...объект теории государства и права как основа, начальный пункт научного познания должен включать не только политико-правовые феномены (государство, право, правоотношения, правонарушения), но и конкретно-исторические условия их существования. Особое внимание следует уделять реальному поведению индивидов и иных субъектов права, направленному на реализацию норм права в конкретных правоотношениях, а также правовой психологии граждан, должностных лиц, их оценкам действующего права, деятельности государственных органов и мотивам правомерного или противоправного поведения. Именно в этих реальных процессах определяется способность действующего права быть эффективным регулятором общественных отношений, равно как и способность государства обеспечивать эффективное управление делами общества». — Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М., 2012. С. 37. И далее: «...все законы природы, подобно социальным законам, действуют при наличии строго определенных условий. <...> Социальные законы не действуют с математической точностью, как законы физики или химии, а проявляются в виде тенденции, предрасположенности определенных событий, явлений, процессов к определенному результату. Такой результат в каждом отдельном случае может быть, а может и не быть». — Сырых В. М. История и методология ... С. 432—433.

⁶⁰ Сырых В. М. Логические основания ... Т. 1. С. 296.

лу таковых) являются диссипативными⁶¹, т. е. открытыми (постоянно обменивающимися веществом и энергией со средой), неравновесными (характеризующимися неустойчивой внутренней структурой) и нелинейными (способными к самоорганизации). Устойчивое состояние в таких системах складывается из синтеза порядка и хаоса, которые не могут существовать один без другого, так как являются условиями существования друг друга⁶². Такие системы можно представить также в виде аутопойетических⁶³, характеризующихся постоянным самосозиданием, осуществляющимся в процессе коммуникации. В них нет заранее предопределенного единства и иерархичности (ее элементы — не атомы, а события — не объединены в фундаментальную целостность)⁶⁴. Идеи аутопойезиса использовал в своих исследованиях Н. Луман. В частности, его знаменитое определение права как «продолжения коммуникации другими способами» свидетельствует о том, что задача права состоит в редуцировании до минимума сложности (контингентности) перенасыщенного возможностями мира через разрешение конфликтов⁶⁵. Все это свидетельствует о том, что признание существования законов (по крайней мере, в их классическом варианте), наиболее важным из которых является причинно-следственная зависимость, сегодня достаточно проблематично. Н. Н. Моисеев в этой связи пишет, что закон причинности «нельзя доказать логически и вывести из каких-либо других аксиом. Или даже четко определить! <...> Нам следует набраться мужества отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же “причины”, действующие на один и тот же “объект”, обязательно долж-

⁶¹ Диссипация — рассеяние вещества и энергии.

⁶² Порядок в такой системе сопровождается снижением в ней энтропии. Но это происходит за счет увеличения беспорядка в окружающей среде, что оказывает на систему обратное воздействие в силу ее «оперативной открытости». См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

⁶³ Этот термин, буквально означающий самотворчество, самопроизводство, введен в научный оборот чилийским биологом У. Матураной. — Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995.

⁶⁴ См. подробнее: Чичнева Е. А. Философия права в эпоху постмодернизма, или новое правовое мышление // Историко-философский ежегодник' 99 / отв. ред. Н. В. Мотрошилова М., 2001. С. 416 и след.

⁶⁵ Luhman N. Ausdifferenzierung des Rechts. Beitrage zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt am Main, 1981. S. 511.

ны порождать одни и те же следствия»⁶⁶. Р. Будон небезосновательно заявляет, что крах теорий социального изменения, которые строились на основе прогнозов и были опровергнуты самой жизнью, произошел из-за господства в классической науке закономерностей, рассматривавшихся как универсальные и вневременные. Это заставляет пересмотреть теорию причинности и, соответственно, представление о социальных (добавим от себя — и правовых) закономерностях⁶⁷.

Если можно говорить о правовых закономерностях, знания о которых образуют предмет юридической науки, то лишь как об условных и вероятностных тенденциях. Такого рода тенденции существуют в науке (собственно этим наука отличается от собрания нарративов — рассказов). Но они действуют только при определенных исторических и социокультурных условиях и проявляются как закон больших чисел. В. М. Сырых по этому поводу пишет: «Одна и та же объективная закономерность в различных конкретно-исторических условиях проявляет себя по-разному, действует инвариантно. И доказать преимущество какого-либо одного варианта перед другим, апеллируя к познанным объективным закономерностям, не представляется возможным. <...> Методом проб и ошибок, последовательно проверяя научные теории, государство устанавливает более или менее эффективную систему действующего права»⁶⁸. Тенденции функционирования правовой реальности, описываемые, объясняемые и интерпретируемые категориями юридической науки, и образуют содержание ее предмета.

Проблематичность экспликации предмета юридической науки состоит в том, что правовая реальность характеризуется ускользающим от объективации бытием⁶⁹. В связи с принципами неопреде-

⁶⁶ Моисеев Н. Н. Указ. соч. С. 61. В 1986 году сэр Д. Лайтхил, ставший позже президентом Международного союза чистой и прикладной математики, сделал удивительное заявление: он извинился от имени своих коллег за то, что в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на законах Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм оказался ошибочной позицией. — Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 48.

⁶⁷ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 5, 216 и др.

⁶⁸ Сырых В. М. Логические основания ... Т. 1. С. 325.

⁶⁹ На этом моменте акцентирует внимание В. В. Лазарев. По его мнению, правовая реальность суть интегративный феномен, включающий «и правовой

ленности и дополнительности она (правовая реальность) потенциально неисчерпаема в своих проявлениях⁷⁰. Будучи механизмом воспроизводства социума (действуя вместе с другими социальными подсистемами), она изменяется вместе с трансформациями, происходящими в обществе. В связи с этим происходят модификации предмета юриспруденции в сторону междисциплинарности и связи с другими социальными явлениями и процессами.

Предмет юриспруденции, если подходить к нему с позиций постклассической эпистемологии, является внутренне *диалогичным*. Классическая наука, в том числе и юридическая, исходила из примата одной стороны наиболее важной антиномии социального мира (личность — общество). В результате господствовал либо методологический (превращающийся в онтологический) индивидуализм, представленный, например, индивидуалистическими теориями естественного права⁷¹, или общественного договора, либо органицизм, выраженный в концепциях исторической школы права или институционализма. Первые постулировали приоритет самовольящего индивида, который по своему разумению устанавливает социальные институты, тогда как вторые в качестве основания утверждали социальное целое,

идеал, и явление, и нормативный факт, и концепт». Поэтому юридическая наука не имеет «овеществленного предмета». «Правовая реальность своим существованием во многом обязана государству и праву. А государство и право, в свою очередь, суть конструкции самой теории. “Сила абстракции” способна творить чудеса. Сама общая теория права и государства есть в значительной степени та копия, то зеркало, тот набор знаков, который призван отразить то, что нельзя ни взвесить, ни измерить, поскольку нет той инстанции, того мерила, которым безоговорочно можно было бы соизмерить представляемое теорией государство и право. Только сама теория претендует на эту роль, но, как мы понимаем, в теории нет определенности (разные теории и оценки), нет и истинности». — Лазарев В. В. Полемические вопросы развития общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография / Ю. Г. Арзамасов и др. ; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. М., 2016. С. 29–30.

⁷⁰ «Правовая реальность, — пишет Ю. А. Веденеев, — сложное явление, соединяющее в себе языковые, культурно-исторические и политические практики производства и воспроизводства права. Это совокупность правовых идей и понятий, правовых ценностей и ориентаций, обеспечивающих процесс социального общения в различных нормативных модусах его юридической организации». — Веденеев Ю. А. Правовая реальность как категория юриспруденции // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. М., 2017. С. 158—159.

⁷¹ Имеются в виду западные теории естественного права Г. Гроция или Д. Локка, но не концепции Б. Н. Чичерина или В. С. Соловьева.

выводя его из постулируемой объективной потребности (духа нации или солидарности)⁷².

Диалогическая эпистемология (и онтология) в качестве основания считает не один из аспектов (сторон) социального образования, а процесс их взаимообусловленности и взаимоперехода. В то же время диалог возможен только между людьми. Однако люди как социальные существа являются носителями социального статуса (всегда во множественном числе). Поэтому в диалоге всегда присутствуют два (как минимум) человека (не обязательно реально — всегда фактический диалог (интеракцию) дополняет внутренний, мыслительный диалог с социальной ролью) и их социальные статусы (даже такие личностные, как муж, друг, коллега, пассажир в транспорте и т. д.). Суть диалога — принятие точки зрения Другого как носителя соответствующего социального статуса. Через такое принятие происходит упорядочение экспектаций — взаимных ожиданий должного в соответствующей ситуации поведения, т. е. правовое регулирование (если это поведение и ситуация юридически значимы). Тем самым обезличенный Другой (обобщенный или социально значимый Другой — в терминологии социальной феноменологии) выступает в роли социальной структуры — совокупности социальных ролей. Так, социальный (и правовой) институт есть безличностная связь между социальными (правовыми) статусами (характеристика органицизма), воспринимаемая в правосознании и воспроизводимая конкретными действиями персонифицированных субъектов (подход индивидуализма). Государственный служащий, например, в таком случае — это «диалог» (взаимообусловленность) юридического статуса и конкретного человека — носителя должностной компетенции. При этом взаимообусловленность социальных (и правовых) явлений предполагает их взаимную зависимость, а также связь с социумом как целым.

Другой не менее важной антиномией социального мира является противоречие идеального и материального. Их диалогичность проявляется в том, что любое социальное (и правовое) действие, процесс, явление «сопровождается» (воспроизводится, моделируется, при этом всегда частично, но включая характеристики, не присущие материальному объекту) его идеальным образом. По-

⁷² Проблема оснований социальной теории созвучна герменевтическому «кругу» — проблеме того, что должно изучаться вначале: части, из которых складывается целое, или само целое.

следний всегда «домысливает» те стороны и аспекты социального явления, которые остаются непосредственно не наблюдаемы⁷³. Так как любой образ (знак) имеет референт, объективированный хотя бы словесно (когда речь идет, например, о симулякрах), то, следовательно, право — это не фикция, но система знаков, которая реализуется в определенных объективированных и потому материальных формах и фактических действиях, производящих изменения в материальном мире⁷⁴. Все это свидетельствует о необходимости учитывать (вводить в предмет юриспруденции) как объективные (материальные) характеристики права, так и представления о них субъекта правовой реальности.

Пожалуй, наиболее важным и одновременно дискуссионным вопросом, относящимся к обсуждаемой теме, является *самостоятельность* права как объекта (и предмета) юриспруденции. Является ли оно самодостаточным, автономным, замкнутым и непротиворечивым явлением? «Право, — неоднократно повторял вслед за Гегелем и Марксом Л. И. Спиридонов, — лишь момент общества, реально существующий как элемент (сторона) социально-экономической формации. Оно не имеет собственной истории, отдельной от истории социаль-

⁷³ Активный характер идеального (психического, знакового) — отличительная черта постклассической эпистемологии и онтологии. Он проявляется в так называемом опережающем отражении, т. е. в восприятии социального явления на основе уже существующей категориальной «сетки», которая формулирует образ объекта (возможно, на основе принципа ассоциативной связи, т. е. по аналогии) исходя из принципиально неполной о нем информации. «...Настоящее детерминировано будущим», указывал Л. И. Спиридонов (Спиридонов Л. И. *Философия права* // Спиридонов Л. И. *Избранные произведения* : Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб., 2002. С. 22), воспроизводя синергетическую идею об определяющей роли потенциальности (возможного будущего состояния системы) в определении актуального. В социальной феноменологии общетеоретическое значение приобрела теорема У. Томаса (как назвал один из его афоризмов Р. Мертон): «Если ситуация определяется как реальная, то она является реальной по своим последствиям» (Thomas W. *Das Kind in Amerika* // *Person und Sozialverhalten* / hrsg. von E. Volkart. Neuwied, 1965), подчеркивая активность наших представлений относительно материального аспекта реальности.

⁷⁴ По мнению А. С. Александрова, право — это не действующий закон с раз и навсегда установленным смыслом, а дискурс, текст, т. е. совокупность самопроизводных, сменяющих друг друга, конкурирующих друг с другом речевых практик, опосредующих, легитимизирующих применение насилия в обществе. И далее: «Эффект “права” производится языком, речью». — Александров А. С. *Введение в судебную лингвистику*. Н. Новгород, 2003. С. 5, 20.

ной»⁷⁵. В другом месте он отмечает: «Право, нравственность, искусство или религия не могут быть воспроизведены в самостоятельной, т. е. несоциологической, а лишь юридической, этической и т. д. теории, не признающей общество неременной предпосылкой всех своих последующих рассуждений. Не обладает такой “самостоятельностью” и экономика. Все общественные науки социологичны по самому своему существу...»⁷⁶. Это говорит о том, что право (и предмет юриспруденции) обладает лишь относительной самостоятельностью и не может быть отгорожено «китайской стеной» от политики, экономики и других социальных явлений. Или можно сказать по-другому: не существует «чистых» правовых явлений, которые не были бы одновременно психическими⁷⁷, экономическими, политическими и т. д. феноменами. Право — это границы поведения человека, а потому представляет собой рамки для иных социальных связей и отношений. Не случайно В. М. Сырых к предмету юриспруденции относит и неправовые явления: «Невозможно познание предмета общей теории права без системного и целенаправленного вторжения в сферу неюридического»⁷⁸. Значительный интерес в этой связи представляют исследования американской школы «Правового реализма» и их продолжателей, показавших, что на принятие судебного решения оказывают огромное влияние политика, экономика, биографические особенности судьи, его личностные пристрастия и другие обстоятельства «человеческого фактора»⁷⁹.

Единственным объектом юридической науки является право. Поскольку оно не существует как самостоятельное явление (таким его можно представить лишь аналитически, абстрагируясь от множества социальных связей, в которые право вплетено), а всегда проявляется вместе с политикой, экономикой и другими социальными явлениями, процессами, постольку в предмет

⁷⁵ Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 11.

⁷⁶ Там же. С. 91.

⁷⁷ О роли психической регуляции в праве подробно и обстоятельно пишет Г. В. Мальцев. — Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 116—250.

⁷⁸ Сырых В. М. Логические основания ... С. 75. Особую роль В. М. Сырых придает связи права с экономикой и социальной психологией. (Там же. С. 66—72, 74 и след.).

⁷⁹ American court system : Readings in judicial process and behavior / ed. by S. Goldman, A. Sarat. San-Francisco, 1978.

юриспруденции неизбежно входят представления о государстве, экономике, демографических процессах и т. д. Однако неюридические явления (представления о них) входят в предмет юриспруденции не в «полном объеме», и не непосредственно, а опосредованно и в том объеме, в каком они влияют на право. Каков этот объем — решает научное сообщество.

Сфера юридического различается с другими социальными явлениями правовой политикой — деятельностью власти по означиванию некоторых социальных ситуаций как наиболее важных и закреплению их в юридической форме. Юридическая наука призвана изучать не только эту форму внешнего выражения права, не только правила юридической квалификации, но и сам механизм наделения социальных явлений и процессов юридическим значением, их реализации в практиках людей — носителей статусов субъектов права и оценивать этот механизм с позиций адекватной теории. Другими словами, предмет юриспруденции должен конструироваться с учетом проблематики правовой политики как механизма конструирования и воспроизводства правовой реальности.

Подводя итог вышеизложенному, представляется возможным и необходимым заметить следующее. Предмет любой науки, и юридической в частности, не есть некая объективная данность, непонятно кем и когда созданная, а представляет собой конструкт, обусловленный объектом, потребностями социума (точнее — представлениями о потребностях социума), господствующими представлениями, включая мировоззрение, картину мира данной культуры, а также научными предпочтениями субъекта, прежде всего принятой им методологией⁸⁰. Акцент на ту или

⁸⁰ Предмет научного исследования превращается в предмет науки, инкорпорируется в него тогда, когда референтная группа (например, экспертный совет министерства науки и образования или представители «Лиги плюща» в США) признают, что сконструированный этим субъектом — ученым (или группой ученых) предмет научного исследования актуален, перспективен, а потому заслуживает социальной поддержки. «Рождение науки, — пишет Э. Агацци, — (или некоторой подобласти науки, а иногда также новой теории в данной науке) выступает как нечто “случайное” в том смысле, что у него нет внутренней необходимости случиться. Это историческое событие, т. е. нечто такое, что происходит, когда некоторое количество людей приходят к согласию относительно использования определенных инструментов, с которыми они в достаточной мере знакомы или должны ознакомиться и которые они применяют одинаковым образом. Такой факт можно даже считать конвенциональ-

иную сторону объекта со временем изменяется вместе с трансформацией философских, методологических, мировоззренческих оснований науки и может предстать в виде социологически ориентированной юридической науки, антропологической или культурологической, лингвистической или какой-либо другой; хотя возможно, что усилия ученых по переформулировке предмета юриспруденции приведут к возникновению новых научных дисциплин — антропологии, культурологии или семиотики права. Наиболее перспективна, как представляется, такая переформулировка предмета юридической науки⁸¹ в связи с приходом постклассической картины мира, которая предполагает акцент на междисциплинарности, процессуальности и наполнении новым содержанием основных категорий теории права, которые достались ей в наследство от юридической догматики как реификация человеческой жизнедеятельности в безличностную объективную данность⁸².

ным: и он действительно конвенциональный, хотя и до некоторой степени». — Агацци Э. Указ. соч. С. 143.

⁸¹ «Теория права ищет свой предмет, ищет лениво и пока не находит», — несколько эпатажно заявляет Ю. Е. Пермяков... и добавляет: «Признание того обстоятельства, что у теории права имеется свой предмет, к сожалению, не вызывает у правоведов интереса к вопросу о том, каким образом предмет ограничивает и организует научный спор и научное исследование. Сам предмет молчит, и о нем, как об ушедшем, говорят безбоязненно. Опровержения не последуют. Рассуждения об эмпирических основаниях юридической науки и предметности утвердительных суждений ученых теряются в дискуссии о специфике юридической науки и невозможности эмпирической проверки гуманитарного знания». — Пермяков Ю. Е. Стандарты научности в современной юридической теории // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права: материалы пятых и шестых филос.-прав. чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2011. С. 21—22, 26.

⁸² См. подробнее: Честнов И. Л. Теория права: постклассическое измерение // Российская наука теории и истории государства и права в начале XXI века: сб. науч. ст. / сост. А. А. Дорская, Н. Ю. Иванова. СПб., 2010. С. 10 и след. О принципиальной важности сравнительно-правовых исследований в рамках теории права (как ее методологии), предполагающей анализ «незападных» правовых систем и концепций права, пишет У. Твайнинг. «Видение права в масштабах мира, сфокусированное только на праве национальных государств и публичном международном праве, было бы по многим причинам слишком узким. Например, достаточно трудно оправдать исключение исламского права или других более важных традиций религиозного права из такой перспективы. <...> Движение в направлении расширения концепции права за счет расширения круга тех основных социальных феноменов, которые традиционно рассматривались в качестве предмета нашей научной дисциплины, несомненно, вызывает ряд концептуальных затруднений. Однако эти обстоятельства не являются доста-

1.3. Структура науки

Наука представляет собой сложноструктурированный, многогранный феномен, призванный систематически воспроизводить знания. *Наука — это не только сумма знаний, но и социальный институт, выражающий потребности общества в определенном виде знаниях, институт по их производству, фиксации, трансляции и применению на практике (в последнем случае наука трансформируется в технологию).* Тем самым науку образует, ко всему прочему, научное сообщество — люди, производящие, фиксирующие, транслирующие и применяющие научное знание.

Структуру юридической науки можно рассматривать с нескольких позиций⁸³: во-первых, с точки зрения знаний, выделяя философский, теоретический и эмпирический ее уровни, а также исторические и социокультурные типы знаний, включая индивидуальные стили научного мышления; во-вторых, по критерию научного сообщества и дисциплинарной его принадлежности (сюда относится дискуссионный вопрос о научных школах, «незримом колледже», а также разделении научного сообщества (и, соответственно, вырабатываемых знаний) на «передний край» и «периферию»); в-третьих, с точки зрения регулятивов научной деятельности⁸⁴. Поскольку к методологии научного исследова-

точным основанием для возвращения к знакомому уже кругу внутрисударственного права, дополненного несколькими “правообразными” аналогиями». — Твайнинг У. Общая теория права // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010. СПб., 2011. С. 256—257.

⁸³ См. подробнее: Честнов И. Л. История и методология ... С. 41—93.

⁸⁴ Возможны, конечно, и иные подходы к структурированию науки. В. М. Сырых к структуре общей теории права (следовательно, и любой другой юридической науки) относит: предмет, объект, эмпирическое основание, философское основание, совокупность эмпирических знаний, «собственно общую теорию права, представляющую систему взаимосвязанных понятий, категорий, закономерностей, отражающих предмет данной науки...», метод. — Сырых В. М. Логические основания ... Т. 1. С. 503—504. В то же время систему юридической науки он определяет через ее отрасли (отрасли знаний): отрасли правовой науки по сфере действия закономерностей функционирования и развития государства и права, образующих их предмет, по его мнению, «делятся на две группы: общие и специальные (конкретные). В первую группу входят: общая теория права, история политических и правовых учений, история государства и права, методология правовых исследований (метод правовой науки). Вторую группу составляют все остальные отрасли правовой науки. Специальные отрасли права, в свою очередь, систематизируются на четыре группы: 1) отраслевые юридические науки; 2) науки об организации деятельности судов, правоохранительных органов и учре-

ния относится в первую очередь проблематика научного знания, именно этот подход к структурированию науки и будет взят за основу.

Если науку рассматривать как *систему знаний*, формализованную в теорию⁸⁵, то ее структуру можно рассматривать:

ждений юстиции; 3) прикладные юридические науки; 4) наука международного права». — Сырых В. М. История и методология ... С. 108, 111 и след.

⁸⁵ Под теорией традиционно понимается высшая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных (структурных, функциональных, каузальных, генетических) связях определенной области описываемой действительности. В структуре полностью развернутой теории выделяют: 1) фундаментальную теоретическую схему — исходные принципы, универсальные для данной теории, законы, основные системообразующие категории и понятия; 2) возможные дополнительные частные теоретические схемы, конкретизирующие фундаментальную теоретическую схему и проецирующие ее на сопредельные предметные области; 3) идеализированную (концептуальную) схему (модель, объект) описываемой области с «прписыванием» основных связей между ее элементами (структурно-организационный срез предметного поля), на которую проецируются интерпретации всех утверждений теории; 4) логическую схему теории, включающую множество допустимых внутри теории правил вывода, способов доказательства и принципов ее оформления; 5) языковой тезаурус, синтаксис как нормы построения языковых выражений и предъявления полученных результатов; 6) интерпретационную схему, программирующую возможность перехода от концептуальной (реже — фундаментальной) схемы к уровню фактов и процедур наблюдения и эксперимента (задающую операциональный смысл теории); 7) совокупность законов и утверждений, логически вытекающих из фундаментальной теоретической схемы. — См.: Абушенко В. Л. Теория // Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 1035. В этой связи необходимо заметить, что социальные и, в том числе, юридические теории не отличаются такой систематичностью и завершенностью. «Теория — это утверждение, определяющее способ воздействия одних феноменов (всех или нескольких одинакового типа) на другие (все или несколько одинакового типа). В современной терминологии эти феномены мы называем переменными. <...> Во многих других случаях термин “теория” используется для обозначения утверждения, выражающего нечто абстрактное и противопоставляемое чему-то конкретному... Следовательно, теория является инструментом мышления, используемым для организации определенного логического порядка в размытой и сложной реальности. <...> “Внешний вид” теории может значительно различаться. Иногда целая книга может быть “теорией”. Теория может также принять форму математической формулы или краткого предложения. В социальной науке мы часто также наблюдаем ситуацию, когда авторы используют термины “теория” и “модель”, не вкладывая в их содержание каких-либо различий. Случается, что при обсуждении конкретной гипотезы теория не передается простыми словами, а молча подразумевается в качестве основного условия». — Теория и методы в социальных науках / под ред. С. Ларсена. М., 2004. С. 15—16. «Теории представляют собой структуры высказываний, фиксирующих определенную перспективу, в

во-первых, с точки зрения содержания ее предмета, о чем речь шла выше. Проблемным вопросом здесь является введение в предмет юриспруденции неюридических понятий и способов конституирования их значений;

во-вторых, с точки зрения структурных элементов юридической теории как социального института. Такими структурными элементами можно считать научно-исследовательские программы, состоящие из ядра (их в структуре правоведения образуют институционализированные типы правопонимания — юридический позитивизм, социология права, теория естественного права, феноменология права и т. п.), защитного пояса, т. е. совокупности вспомогательных гипотез, предохраняющих ядро от фальсификации и изменяющихся от теории к теории, а также из позитивной и негативной эвристик (методологических правил, способствующих позитивному развитию программы и ограничивающих множество возможных путей исследования)⁸⁶;

в-третьих, с точки зрения выделения уровней науки. В этой связи традиционно выделяются теоретические знания и эмпирические, отличающиеся тем, что первые служат идеализации (построению модели) изучаемого объекта, тогда как вторые ориентируются на непосредственное изучение объекта. С позиции современного науковедения к ним добавляется «метауровень» — философские основания науки. В связи с этим представляется целесообразным выделить философию права (верхний уровень), теорию права (средний уровень) и эмпирический (нижний) уровень⁸⁷. Рассмотрим эти уровни подробнее.

которой рассматривается предметная область. Основную совокупность понятий для описания этого предмета и, наконец, содержащих ряд проверенных и затем рассматриваемых как верные высказываний о свойствах предметной области». — Методические подходы политологического исследования и мета-теоретические основы политической теории : Комментированное введение / сост. Н. Конеген, К. Шуберт. М., 2004. С. 133.

⁸⁶ Термин «научно-исследовательская программа» введен в научный оборот известнейшим постпозитивистом И. Лакатосом, одним из лидеров философии науки второй половины XX века. — Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. Однако его эвристически ценные исследования применимы к естественным наукам (на примере которых и разрабатывалась конструкция научно-исследовательских программ). Использование же этих идей в социальных науках как минимум проблематично, по крайней мере это требует серьезной их адаптации к проблематике, в частности, юриспруденции.

⁸⁷ В. С. Швырев выделяет четыре компонента (уровня) теории: 1) исходный эмпирический базис, который включает множество зафиксированных в данной

Наиболее спорным вопросом является *дисциплинарное и содержательное определение философии права*. Это связано с тем, что право — сложный, многогранный феномен, являющийся объектом многих наук. В то же время с «легкой руки» позитивистов сохраняется некоторое недоверие к философскому знанию, квалифицируемому ими как знание «бессмысленное». В любом случае большинство философов проводят жесткую демаркационную линию между знанием научным и философским⁸⁸. Поэтому в современной юридической литературе не прекращается спор по поводу того, что же такое философия права — составная часть философии (ибо она не может не исследовать такой феномен, как право), самостоятельная научная дисциплина или часть (уровень) теории права.

Наиболее последовательно проблему понятия, структуры и функций философских оснований науки решает В. С. Степин. Они (философские основания науки), с его точки зрения, включают в себя нормы и идеалы исследования, научную картину ми-

области знания фактов, достигнутых в ходе наблюдений и экспериментов и требующих теоретического объяснения; 2) исходную теоретическую основу — множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории; 3) логику теории — множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания. При этом четкая фиксация правил логического вывода и доказательства осуществляется далеко не во всех теориях, а только в тех, что соответствуют идеалу их дедуктивного построения. Этот идеал реализуется в лучшем случае только в некоторых разделах математики и в математической логике. — Швырев В. С. Теория // Энциклопедия эпистемологии ... С. 974.

⁸⁸ Так, Э. Агацци проводит различие между «метафизикой» и «наукой» по критерию общности знаний: «метафизика» исследует «реальность как таковую», общие ее черты, «высшие принципы самой реальности», в том числе «те измерения реальности, которые превышают ее эмпирически проверяемый уровень». «Естественные науки (но также и другие науки в современном смысле этого понятия) не занимаются исследованием всеобщих черт реальности как таковых, и они ограничиваются теми уровнями реальности, которые познаваемы эмпирически». — Агацци Э. Указ. соч. С. 627. В другом месте он замечает: «В современной науке опасно не утверждать, что научные пропозиции истинны, а претендовать на то, что они полны в том смысле, что высказывают “всю истину” о реальности, что они применимы к существованию в целом... <...> Однако научные высказывания не могут претендовать на полноту, поскольку они всегда оставляют вне рассмотрения существенные части реальности; и они могут оказаться ложными, если будут претендовать на покрытие также и этих частей реальности». — Агацци Э. Указ. соч. С. 405.

ра и философские идеи и принципы, с помощью которых обосновывается картина мира и эксплицируются нормы и идеалы исследования⁸⁹. Тем самым основания науки выполняют эвристическую и адаптационную функции: детерминируют научный поиск, адаптируя социокультурные факторы до- (вне-) научного порядка к данной отрасли научного знания.

Э. Агацци обращает внимание на то, что «любой научный дискурс приобретает форму, лишь начиная с некоторого уже существующего культурного фона, который не только содержит существовавшие ранее объективизации, но также и картину интеллектуальных рамок, которые мы можем определить как принципы, многие из которых имеют такую степень общности, что они тоже образуют структуру здравого смысла, понимаемого глубоким, нетривиальным образом»⁹⁰. Философия, будучи рефлексией над основаниями культуры, призвана в первую очередь прояснять эти исходные начала науки, «герменевтический контекст или критерии понимаемости», «идеи, принципы, материальные или ментальные техники, когда они фактически становятся рамками для построения некоторой научной теории (а именно, предоставляя герменевтический контекст для выбора базовых понятий или совокупность логических и математических конструкций, лежащих в основе теоретической архитектуры данной дисциплины)»⁹¹. Одновременно постклассическая философия науки (этим активно занимается социальная эпистемология) призвана прояснять механизм интериоризации исторического и социокультурного контекста в когнитивные рамки науки.

Исходя из вышеизложенного ***философия науки (конкретной научной дисциплины) является не отдельной областью знаний, существующей вместе (рядом) с этой наукой, а ее «верхним» уровнем — уровнем ее оснований.*** На этом уровне происходит «соприкосновение» мировоззрения, философии и этой научной дисциплины — философские знания (в том числе идео-

⁸⁹ См.: Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 188 и след. В другой работе он пишет: «Система философских идей и принципов, обеспечивающих эвристику поиска и обоснование полученных результатов при их включении в культуру, образует особый компонент научного знания — философские основания науки». — Степин В. С. Конструктивные и прогностические функции философии // Человек в мире знания : к 80-летию Владислава Александровича Лекторского / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин ; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М., 2012. С. 90.

⁹⁰ Агацци Э. Указ. соч. С. 459.

⁹¹ Там же. С. 478—479.

логические и обыденные знания, подвергшиеся философской рефлексии) применяются для онтологического и гносеологического ее обоснования. Как видим, философия науки (как ее соответствующий уровень) — это не наука, но такое знание, без которого наука (в нашем случае юридическая) невозможна⁹².

Таким образом, **философия права — это «верхний» уровень юриспруденции, обеспечивающий онтологическое и методологическое обоснование права.** Необходимо заметить, что такое обоснование невозможно без участия всех трех уровней науки — и философского, и теоретического, и эмпирического. Эту функцию философия права (как уровень юридической науки, а не какая-то самостоятельная дисциплина) осуществляет особым способом — привлекая именно философское знание. Как именно?

Прежде всего, философия права конструирует и проясняет смысл наиболее фундаментальных понятий юриспруденции — права, государства, нормы права⁹³ и др. Тем самым производится один из этапов формирования этих предельно общих для юридической науки понятий, дополняемых данными догмы права и практической юриспруденции. При этом используется аналогия из других областей знаний, метафоризация⁹⁴, метонимия. Таким

⁹² В. А. Лекторский пишет, что «решения в науке... возможны постольку, поскольку исходят из принимаемой парадигмы, картины мира и ряда других допущений, которые всеми исследователями, работающими в рамках данной парадигмы, считаются непререкаемыми и не обсуждаются. Философия обсуждает обоснованность самих оснований наших рассуждений и показывает возможность их иного понимания, а в ряде случаев изменения». — Лекторский В. А. Философия как понимание и трансформирование // Человек в мире знания ... С. 90. «Невозможно заниматься наукой, не имея и не используя некоторого рода метафизического фона, — пишет Э. Агацци, — но мы не утверждаем, что невозможно заниматься наукой, не зная явно и осознанно метафизики». — Агацци Э. Указ. соч. С. 638.

⁹³ Для определения, например, нормы права необходимо привлечение знаний о норме вообще и праве (признаках права); такие знания юриспруденция неизбежно черпает из философского дискурса.

⁹⁴ Сегодня считается доказанным, что фундаментальные научные понятия включают в себя метафоризацию явлений жизненного мира: сравните понятия «тело», «масса», «сила». Это же характерно и для понятий «право» и «государство». «Так называемые чисто интеллектуальные концепты, например, понятия научной теории, часто (а возможно, и всегда) основаны на метафорах с физическим и (или) культурными основаниями». — Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. М., 2008. С. 43. Чрезвычайно важные изыскательские работы на этот счет содержит лингвистика, в частности труды Э. Бенвениста, А. Вежбицкой, М. В. Ильина, Ю. С. Степанова. О роли метафоры в юриспруденции см.: Горяинов О. В. Проблемы языка юридической науки:

образом, исходные онтологические допущения, входящие важнейшим компонентом в картину мира, «переводятся» в юридическую сферу — предмет юридической науки. Привлечение данных других наук, т. е. проведение междисциплинарных исследований, также входит в разряд философско-правовых исследований. Благодаря привлечению данных из других наук, т. е. междисциплинарности, возникает возможность увидеть старое в новом свете⁹⁵. Тем самым философия права задает научную эвристику — формулирование рабочих гипотез, определяющих направление научных исследований права.

Онтологическим аспектом философии права является, ко всему прочему, определение роли и значения права в обществе. Онтологическая проблематика философии права предполагает также разработку вопросов взаимосвязи юридической науки и социальной практики. Эти вопросы включают, во-первых, адаптацию социокультурных факторов применительно к юриспруденции (в том числе формулирование социального заказа для юридической науки и практики) и, во-вторых, выработку критериев оценки юридической практики, т. е. разработку вопросов эффективности права, смыкающуюся с определением значения юридической реальности в обществе. Все это относится к «политике права» как элементу философии права.

К этой онтологической проблематике примыкает определение предмета юридической науки. Так как предмет науки — это гносеологическое отношение субъекта и объекта познания, зависящее от того, как предварительно определяется объект — соответ-

знание и власть в зеркале метафорической методологии // Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст., переводов, рефератов / под ред. С. Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 63—101.

⁹⁵ «Междисциплинарные взаимодействия... на современном этапе становятся все более значимым фактором роста научного знания. Новые результаты порождаются благодаря трансляции концептуальных средств и методов из одной дисциплины в другую. Целый ряд перспективных направлений в науке возник как раз за счет такого рода междисциплинарной трансляции (биохимия, биофизика, кибернетика, синергетика). <...> “Парадигмальные прививки” могут открывать новое поле научных проблем и затем обнаружить новые явления и законы, которые до этой прививки не попадали в сферу научного поиска. Примерами здесь могут служить формирование биохимии и биофизики, применение кибернетических методов в биологии, использование представлений и методов синергетики в естественных и социально-гуманитарных науках». — Степин В. С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. С. 56, 60.

ствующая реальность (в данном случае — правовая), то определение предмета данной конкретной научной дисциплины включает в себя вопросы и онтологии, и гносеологии. При этом важно иметь в виду, что это именно философско-правовая проблематика, так как определить предмет юриспруденции (как и любой другой научной дисциплины), оставаясь в рамках юридической науки, невозможно⁹⁶. Для этого необходимо произвести рефлексию над ней, а это в состоянии сделать только философия права, используя, конечно, сугубо юридические (в том числе и практические) знания. Близок к этой проблеме вопрос структурирования юридических наук и определения их предметов, хотя здесь связь с проблематикой науки теории права еще более наглядна; в то же время решить вопрос о структуризации правовой системы без привлечения философского знания невозможно.

К гносеологической проблематике философии права относится определение критериев научности юридического знания — применение общих критериев научности к области юридического знания. Другой важной составляющей гносеологии права является адаптация общенаучных методов применительно к познанию правовых явлений⁹⁷.

К рассмотренной проблематике философии права примыкает ее мировоззренческая функция, связанная с формированием «правовой картины мира»⁹⁸. Именно философия как мировоззре-

⁹⁶ В этой связи вспоминается фраза, принадлежащая известному физiku XX века П. Эренфелсу, а именно: проблема определения предмета физики не является проблемой физики.

⁹⁷ Сравните с функциями «общей теоретической ориентации», как назвал философский уровень науки Р. Мертон. «Общая теоретическая ориентация» включает в себя деятельность по прояснению и уточнению языка теории, очерчиванию концептуального поля фундаментальных понятий теории и связей между ними, по концептуализации и кодификации знания. Сюда же относится отбор исследовательских методов и рамок для концептуализации и сравнения результатов эмпирических исследований. — Merton R. On Theoretical Sociology: Five Essays, Old and New. N.Y., 1967. P. 151—153.

⁹⁸ По мнению Ю. А. Веденеева, в основании правовой реальности лежит «юридическая картина мира», составной частью которой является юридический концепт действительности. <...> Именно в рамках юридической картины мира протекают процессы концептуализации, институционализации, позитивации и интериоризации права. Юридическая картина мира — это своего рода коллективное бессознательное и сознательное, метапредставления о должном или не-должном порядке социальных отношений, ожидание права и переживание отсутствия права». — Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира как предмет юриспруденции // Проблемы истории, методологии и теории юридической

ние обуславливает, например, предпочтение естественно-правовой ориентации теоретика права, а не позитивистской или социологической, постклассической, а не классической и т. д.

Отмеченные проблемы — функции философии права, обозначенные выше, чрезвычайно сложны, неоднозначны, особенно в ситуации постмодерна, и нуждаются в специальных исследованиях.

Таким образом, *философия права — это онтологическое и гносеологическое обоснование права философскими методами (определяющее, что есть право, каково его значение в обществе, каковы социальный заказ и критерии оценки юридической практики, предмет юридической науки, критерии ее научности и методы научного познания правовых явлений), представляющее собой «верхний» уровень юридической науки, обеспечивающий взаимодействие философии (рефлексии над основаниями культуры) с правоведением.*

Средний, теоретический уровень юридической науки, по мнению С. С. Алексеева и некоторых других ученых, представлен догмой права (специально-юридической теорией или общей позитивной теорией)⁹⁹ в виде традиционной для теории права проблематики. С таким мнением можно согласиться лишь отчасти. Если исследователь не является сторонником юридического позити-

науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. М., 2017. С. 183, 184. Полагаю, что сама по себе юридическая картина мира существует на всех «уровнях» юриспруденции: на философском, теоретическом, практическом, обыденном. Рефлексия относительно правовой картины мира — это удел философии права.

⁹⁹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 18. Догма права — это «средний» уровень теории права, или теория права как таковая (если из нее элиминировать философский и эмпирический уровни). «Для юридической догматики XIX века признаки и отличительные особенности науки были свойственны в очень малой степени, она больше являла собой некое ремесло, введение в делопроизводство или, выражаясь современным языком, одну из отраслей социальной технологии. Догматика права, помогая юристам правильно понимать друг друга в процессе их профессиональной деятельности, очерчивала круг юридических понятий с предзаданным (и потому необсуждаемым) содержанием». — Пермяков Ю. Е. Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности ... С. 101—102. Представляется принципиально важным проводить различие между догматикой как «ремеслом» юридической профессии и научным описанием и объяснением этой деятельности. Первое — это практика, которая наукой, конечно, не является, даже при решении «сложных дел» судьями Конституционного Суда Российской Федерации (являющимися поголовно докторами юридических наук) или Верховного Суда США, а вот второе вполне может претендовать на статус науки исходя хотя бы из цели и институционализации этой деятельности.

визма, то это совсем не обязательно должна быть формально-догматическая теория права, описывающая и объясняющая основные общеправовые институты. Сама по себе догматика необходима как практической юриспруденции, так и юридической теории (включая отраслевые юридические дисциплины). Для того чтобы «позитивное право успешно выполняло свою регулятивную функцию, элементы механизма правового регулирования должны носить не только социально легитимный характер, но и быть догматизированы в профессиональном сознании юридического сообщества», — справедливо пишет А. М. Михайлов¹⁰⁰. Теория права (включая отраслевые юридические науки) не может и не должна ограничиваться анализом формы права, сколь бы высокой и важной не была ее роль. Теория только тогда может претендовать именоваться столь громким словом, когда она сможет сформулировать критическую оценку некоей самоочевидности, предложить вариант ее усовершенствования, без чего невозможен прогресс как изменение к лучшему.

Вообще сам термин «теория среднего уровня» был введен в научный оборот знаменитым американским социологом Р. Мертоном в основном для критического анализа структурного функционализма Т. Парсонса¹⁰¹. С точки зрения Р. Мертона, такие

¹⁰⁰ Михайлов А. М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции : монография. М., 2016. С. 78. «Догматизация как в правоведении, так и в любой другой профессиональной сфере, — есть способ присвоения сознанием базовых оснований, привязки к определенной сфере и трансляции знания без критического осмысления, проблематизации его оснований. Догматическое знание не объясняет что-либо, а закладывает фундамент профессиональной картины мира, выступая истинной, самоочевидной и неизменной его основой. Догматизация представляет собой перевод некоторого содержания в канон профессионального мышления. Основания догматизируемого содержания сознание не способно обосновать, но при этом такое содержание воспринимается как предельно авторитетное, полное и точное». — Там же. С. 76.

¹⁰¹ См.: Merton R. On Theoretical ... В другой работе Р. Мертон пишет о том, что теории среднего уровня — «это теории, находящиеся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в изобилии в ходе проведения рутинного исследования, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения».

Теория среднего уровня используется в социологии в основном как ориентир для эмпирического исследования. Она находится между общими теориями социальных систем, слишком далекими от частных классов социального поведения, организации и изменения, чтобы объяснить наблюдаемые явления, и теми подробными четкими описаниями частных случаев, которые совершенно не

теоретические конструкции, как исторический материализм Маркса, теория социальных систем Парсонса и интегральная социология Сорокина — это скорее общие теоретические интерпретации, чем строгие системы типа общей теории в физике¹⁰². Чтобы связать эти философские концепции с эмпирическими фактами, как раз и необходимы теории среднего уровня, значительно менее абстрактные и более верифицируемые, нежели первые¹⁰³.

В теории права структурные элементы предмета и образуют подобные теории. При всех содержательных различиях сторонников позитивизма, социологии права или теории естественного права, сюда традиционно относятся теория правовых норм, теория правоотношений, теория правонарушений, теория юридической ответственности и некоторые другие. Они формируются «на стыке» философского их осмысления (например, исходя из социально-философских представлений о норме как таковой) и эмпирических проверок данными из отраслевых юридических наук (нормами уголовного, гражданского и т. д. отраслей права, закрепленными в соответствующих формах норм права). Тем самым теория права обобщает, оценивает, теоретически интерпретирует данные отраслевых юридических наук, без которых она превратилась бы в спекулятивную, схоластическую дисциплину. При очевидной целесообразности выделения теорий среднего уровня нельзя не отметить и проблемы, нерешенные вопросы, возникающие в этой связи. Прежде всего это относится к тому, что между философским и теоретическим уровнями нет однозначной связи. Одна и та же теория среднего уровня может быть обоснована, с некоторыми модификациями, различными философскими концепциями, и наоборот (эта же проблема относится и к нижнему уровню теории права — эмпирическому).

обобщены. Теории среднего уровня, разумеется, содержат отвлеченные понятия, но они достаточно тесно связаны с наблюдаемыми данными, чтобы их можно было ввести в утверждения, допускающие эмпирическую проверку». — Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 64—65.

¹⁰² Merton R. On Theoretical ... P.68.

¹⁰³ «Догматическое правовое исследование, — пишет В. И. Сырых, — является наиболее распространенным в правовой науке, поскольку именно оно обеспечивает правоведов достоверными и полными знаниями о системе действующего права, ее отдельных отраслях, институтах и нормах права. Изучение же названных явлений составляет начальную задачу данной науки». — Сырых В. М. История и методология ... С. 327.

Теория «среднего уровня» определяется исходными философско-правовыми допущениями, используемыми в соответствующем исследовании. В этой связи справедливо замечание Н. В. Варламовой о том, что соответствующая правовая доктрина выдвигает «содержательные требования» к «юридической догматике»¹⁰⁴. *Если придерживаться постклассической онтологии права (несмотря на существование разных ее версий), то юридическую догматику необходимо модифицировать в теории «среднего уровня» через придание ей практико-антропологического содержания.* В таком случае к юридической догматике (пусть будет использоваться этот принятый в юриспруденции термин) относятся не «научные юридические конструкции как теоретические модели»¹⁰⁵, а теоретические модели того, как юридические понятия и конструкции формируются и используются в правотворчестве, систематизации¹⁰⁶ и реализации права, в том числе в правоприменении, людьми — носителями статуса субъекта права. Поэтому теория юридического мышления не может ограничиваться анализом юридических конструкций¹⁰⁷. Она должна выявлять «первичный произвол» (по терминологии П. Бурдые), который лежит в основе любого понятия и конструкции, и те типизации, с помощью которых они используются в практической юридической жизнедеятельности.

Эмпирический уровень — это уровень научных фактов, полученных в результате конкретных исследований. Эмпирия — это знания о мире в его существовании, т. е. в его внешних проявлениях. Эмпирический факт представляет собой индивидуальную характеристику, данную в непосредственном опыте, он представляет объект в его единичном существовании¹⁰⁸. Термин

¹⁰⁴ Варламова Н. В. От философии права к юридической догматике // Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. С. 126.

¹⁰⁵ Так полагает Н. Н. Тарасов. — Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 252.

¹⁰⁶ По мнению К. Альчуррона и Е. Булыгина, «поиск так называемых общих принципов права и конструирование “общих частей” кодексов — эти две задачи обычно рассматривались как основной предмет правовой догматики...». — Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010. СПб., 2011. С. 314.

¹⁰⁷ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 259.

¹⁰⁸ В этой связи неверно представлять научные факты в онтологическом смысле как некие объективные данности. «“Факты” не имеют единообразного существования вне зависимости от индивидов, их наблюдающих и интерпретирующих. Скорее, “реальные” факты являются способами, с помощью которых

«факт», по мнению М. Коэна и Э. Нагеля, используется в научной литературе как минимум в четырех смыслах: 1) иногда, используя термин «факты», мы имеем в виду некоторые элементы, выделенные из чувственного восприятия; 2) термин «факт» иногда обозначает суждения, которые интерпретируют то, что нам дано в чувственном опыте; 3) термином «факт» также обозначаются суждения, которые истинно утверждают неизменное следование или конъюнкцию характеристик; 4) термином «факт» обозначаются вещи, существующие в пространстве и времени, и отношения между ними, в силу которых суждения становятся истинными. Факты в данном смысле не являются ни истинными, ни ложными. Они просто существуют и могут осознаваться нами частично посредством чувственного восприятия¹⁰⁹. Научный факт — это всегда суждение, в котором фиксируется модус существования какого-либо единичного явления¹¹⁰.

Неверно отождествлять «факт» лишь с чувственным отражением определенных сторон объективного мира, рассматривать его исключительно как чувственный образ того или иного события, явления. Чувственных образов как таковых, «очищенных» от рациональных компонентов мышления просто не существует¹¹¹, как не существует фактуального вне оценочного¹¹². Более того, ни одна теория никогда полностью не подтверждается фактами, всегда имеет место «фактическая недоопределенность»

разные люди познают и определяют ситуацию» — так переформулировал «Теорему Томаса» Р. Мертон. — Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, 1957. P. 193. О «Теореме Томаса» в связи с «самоосуществляющимися пророчествами» см.: Мертон Р. Социальная теория ... С. 605—606.

¹⁰⁹ Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010. С. 304—305.

¹¹⁰ Вещь «становится научным объектом», когда она становится референтом некоторой науки. — Агацци Э. Указ. соч. С. 401.

¹¹¹ «Признавая, что инструментами научного познания должны оставаться опыт и логос, мы должны признать, что они никогда не бывают чистыми, но вписаны и нюансированы в соответствии с контекстами интерпретации, в рамках которой они оперируют. <...> Данные опыта, служащие эмпирическим базисом наук, никогда не имеют абсолютного значения». — Агацци Э. Указ. соч. С. 499, 501. Невозможно перевести все высказывания о физическом мире в высказывания о непосредственном опыте. — Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // Куайн У. В. О. С точки зрения логики ... С. 72.

¹¹² «Каждый факт нагружен ценностями и каждая из наших ценностей нагружает собой какой-либо факт», — утверждает Х. Патнэм. — Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge, 1981. P. 201.

теории¹¹³ (об этом еще пойдет речь ниже). Любая фактическая информация о конкретном, единичном событии или явлении всегда фиксируется в языке науки и тем самым становится (может стать) всеобщим достоянием и оценивается с какой-либо позиции, выступающей нормативным ее измерением. Фактуальные предложения научного языка практически всегда включают в себя специальные термины, смысл которых может быть понят лишь в контексте определенной научной теории. Поэтому фактами науки могут быть лишь те данные, которые «ассимилированы» определенной теоретической концепцией, включены в систему научного знания путем их отображения в понятийной системе некоторой теории. Например, те или иные данные (результаты анализа, наблюдения и т. д.) о конкретных нормах права станут научными фактами только тогда, когда будут интерпретированы в соответствии с представлением о норме права как таковой (например, как о статье нормативно-правового акта или как фактическом состоянии общественных отношений). При этом следует заметить, что процедура интерпретации следует не за эмпирическим исследованием, а всегда вместе с ним одновременно¹¹⁴. Поэтому выделить эмпирический уровень теории права в чистом виде, без теории, практически невозможно, но можно лишь аналитически.

Серьезной проблемой является вопрос об эмпирическом уровне теории права и юриспруденции в целом. Дело в том, что теория права — общеюридическая концепция и сама по себе не имеет «прямого» выхода на эмпирику¹¹⁵. Поэтому эмпирический

¹¹³ Догмой эмпиризма назвал такие попытки У. Куайн еще в 1950 году. Интересно, что один из основоположников логического позитивизма Р. Карнап в конце концов признал неосуществимость программы верификации теории к протокольным предложениям.

¹¹⁴ «Как только мы начали исследовать реальность с некоторой “точки зрения”, мы уже применяем к ней некоторую конкретную интерпретацию (герменевтический уровень) — интерпретацию, которая руководит нашим выбором понятий (семантический уровень) и нашим планированием операциональных процедур проверки (референциальный уровень)». — Агацци Э. Указ. соч. С. 528.

¹¹⁵ Кроме всего прочего, сложность связана и с тем, что право невозможно непосредственно наблюдать. В практической жизнедеятельности мы обнаруживаем взаимодействия людей, и только некоторые из них квалифицируются, т. е. аналитически вычлениаются и оцениваются, как правовые. В этой связи прав В. М. Сырых, утверждающий, что «возможности исследователя непосредствен-

уровень теории права зачастую опосредован данными отраслевых юридических и смежных общественных дисциплин. Невозможно эмпирически представить норму права, систему права или правоотношение как фактические данности, так как это — абстрактные понятия¹¹⁶. Еще сложнее это сделать применительно к праву — многогранному, многоаспектному феномену¹¹⁷. Но это не означает, что мысленно невозможно соотнести эти понятия с единич-

но наблюдать реальную жизнь права, юридическую практику весьма ограниченно». — Сырых В. М. Логические основания ... Т. 1. С. 293.

¹¹⁶ Более того, опыт невозможно обосновать самим опытом. Для этого требуется *теория* опыта, задающая критерии его оценки.

¹¹⁷ «Права “как такового” не существует, — утверждает А. В. Поляков. — Это означает, что у данного слова нет определенного эмпирически узнаваемого референта. Слово “право” не привязано жестко к какому-либо внешнему эмпирическому объекту». — Поляков А. В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск, 2012. С. 19. «Нам следует принять или признать, — делает весьма радикальное заявление канадский философ и теоретик права Б. Мелкевик, — что право не имеет никакого реального или эмпирического “существования” в этом мире. Право не имеет никакого физического или материального существования в социальном или политическом мире, и еще меньше — существования с точки зрения наличия или действительности, не говоря уже о том, чтобы быть или иметь и что в конечном счете следует действовать и думать соответствующим образом. <...> В этом смысле не существует никакого “объекта”, называемого “правом”, в реальном, материальном, фактическом или просто “осязаемом” мире! Право не является чем-то “самим по себе” или не имеет этого признака, и мы не располагаем таким средством научного познания, которое позволило бы нам установить, чему может реально, действительно или объективно соответствовать эта символическая репрезентация, называемая “правом”. Итак, ошибочно писать и думать будто “право” существует как “объект” который можно схватить!». — Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / пер. с фр. и англ. : М. В. Антонова и др. ; отв. ред. М. В. Антонова. СПб., 2015. С. 139. «Так как право является непрерывным процессом, — утверждает Ч. Варга, — мы не можем помыслить его в его целостности (т. е. помыслить “право вообще”) как единообразное, завершенное и неизменно самотождественное. Будучи явлением, получаемым посредством различных беспрестанно действующих противодействующих процессов, оно всегда будет демонстрировать различные стороны, компоненты и способы формирования (с возможностью временных конфликтов и одного окончательного на данный момент результата) в каждый момент времени. <...> По определению, а также согласно своему онтологическому основанию, право является многофакторным процессом, состоящим из суммы актуализаций, выражающихся в цепочке различных связанных между собой и исторически обусловленных актов». — Варга Ч. Загадка права и правового мышления : избранные произведения : пер. с англ. и венгер. / сост. и науч. ред. М. В. Антонова. СПб., 2015. С. 37.

ными суждениями. Поэтому трудности выделения эмпирического уровня теории права не дают оснований для отказа от теории права как таковой и от признания ее наукой¹¹⁸.

Многогранность права проявляется через человека — носителя статуса субъекта права, его действия (в широком смысле этого слова — активность, проявляющуюся вовне) и знаковые формы, в которых осмысляются сам человек, его действия, вещи материального мира, с которыми оперирует человек, и он сам (его социальный статус). Единичные суждения об этом и образуют эмпирический уровень юриспруденции и теории права.

По мнению В. А. Четвернина, к правовым явлениям относятся: 1) поведение, подчиненное праву; 2) проявления права в сознании; 3) авторитетные тексты, в которых формулируется право. Категорично заявляя, что «других видов правовых явлений не существует», В. А. Четвернин исключает из их числа правовые нормы на том основании, что это «правила должного, которые проявляются посредством правовых явлений». Соответственно, делает вывод автор, «правовые явления — это способы бытия правовых норм»¹¹⁹. Ю. Е. Пермяков полагает, что эмпирической базой «юридической науки, т. е. правом как фактической реальностью, выступает обширная практика утвердительных суждений о статусе, часть из них облекается в особую — юридическую форму и возможна лишь внутри строго определенных процедур. Судебные решения, награждения, приобретения, заключение договоров и совершение разнообразных сделок — все это можно

¹¹⁸ Ю. Е. Пермяков категорично заявляет: «Желание иметь науку о праве вместо метафизики права оказалось, как показал XX век, неосуществимо: не отдавая отчет о границах реальности, юридическая наука беззащитна перед собственными заблуждениями, которые она предъявляет в качестве описания права. <...>

Простые для обыденного понимания вопросы, например, о том, что такое следование правовой норме, по-разному интерпретируются правоведами, которые придерживаются разных типов правопонимания и, соответственно, описывают действие права с помощью разных категорий и в разных смысловых контекстах. <...> Научная доктрина приписывает праву свойство «быть реальностью» без всякого желания пояснить, а что же это за качество и соответствует ли понятию права некий референт в объективной действительности. <...> Нельзя требовать реализма от юридической науки в изучении такого права, которое, понимаемое как текст, в большей степени отвечает критериям литературного вымысла, нежели обстоятельства, подчиняющего себе поведение людей». — Пермяков Ю. Е. Юриспруденция ... С. 111—112.

¹¹⁹ Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие. М., 2003. С. 144.

понять как различные варианты достижения субъектом права статуса, который он считает достойным самого себя. Субъект, контрагент (Другой) и авторитетная инстанция — вот три онтологических полюса правовой жизни. <...> Юридическая наука и практика в описании эмпирических объектов пользуются суждениями, которые опираются на право как свой собственный критерий. Суждения, опирающиеся на право, — это, во-первых, суждения о законности (легитимности). Они являют собой верхний класс, высший уровень обобщений. Вне права суждения такого рода не встречаются. Вторая группа правовых суждений — суждения о статусе, которые в свою очередь могут быть классифицированы более детально (демонстрация легитимности, суждения о компетенции, об ответственности и виновности, о доказанности, о наличии права, а также правовая квалификация как пространственное определение взаимных расположений субъектов права). Третья — о стратегии поведения в правовом пространстве. Три уровня правовой реальности могут быть представлены в научном суждении о поведении субъекта: законно-незаконно (раздел аналитического правоведения, повествующий о формальных основаниях правовых суждений с позиции инстанции), надлежащий-ненадлежащий (раздел аналитического правоведения о субъекте права, его полномочиях и компетенции), правильно-неправильно (практическая юриспруденция как выбор оптимальных правовых конструкции направления движения к надлежащей инстанции)»¹²⁰. Представляется возможным согласиться с приведенной интересной классификацией юридических суждений, если, во-первых, соотнести их с субъектом высказывания¹²¹ и, во-вторых,

¹²⁰ Пермяков Ю. Е. Юриспруденция ... С. 154—155. В этой связи вызывает недоумение утверждение автора о том, что юридическая наука относится к наукам о мышлении (хорошо хоть так — несколько раньше Ю. Е. Пермяков вообще отрицал научность правоведения), в которых ««эмпирическое» отсутствует, а критериями истинности выступает не соответствие факту, а соответствие конкретного утверждения правилам аксиоматично заданной понятийной системы, будь то определение понятия преступления или числа». — Там же. С. 143—144.

¹²¹ Интересно, что Ю. Е. Пермяков в другом месте пишет: «Описание правовых норм, лишенное смысловой связи с субъектом, бессобытийно, как содержание телефонного справочника: оно не может претендовать на некое случившееся изменение, поскольку любое изменение в правовой жизни своим онтологическим основанием имеет изменение статуса (модуса бытия) субъекта права. Таким образом, научное описание правовой реальности имеет место там, где повествуется о жизни и судьбе субъекта права, он оказывается в центре правовой картины мира». — Пермяков Ю. Е. Юриспруденция ... С. 139.

с научным, а не практическим их характером (очевидно, что суждения о статусе, законности и т. д. могут быть сугубо практическими, но могут представлять собой обобщения практических ситуаций и использоваться для научных целей: в таком случае происходит их «удвоение» — это будут суждения о практических суждениях).

В. М. Сырых к эмпирическим основаниям общей теории права относит: источники права; акты официального и неофициального толкования законов и иных нормативно-правовых актов; правоприменительные акты; письменные документы (соглашения, договоры и др.); письменные и иные источники, отражающие процессы правотворческой и правоприменительной деятельности государства; научные публикации и рукописные научные работы; письменные документы и иные источники, свидетельствующие об организации и деятельности научных и образовательных юридических учреждений; формы первичной статистической отчетности судов, правоохранительных органов; документы, которые объективируют, выражают правовую политику государства, отношение государственных органов и должностных лиц к правовым ценностям, действующему состоянию законодательства, состоянию законности и мерам по укреплению правопорядка, а также документы, выражающие правовую идеологию политических партий, движений и иных общественных объединений; материалы прессы и иных средств массовой информации; художественную литературу; источники морали, обычаев, религиозных и корпоративных норм; письменные документы, отражающие состояние правовой психологии населения¹²². Думается, что в данном случае известный ученый смешивает внешнее проявление права (причем не во всем его объеме) с эмпирическим уровнем науки. Последний не может быть образован реальными процессами и явлениями правовой жизни, а представляет собой эмпирическое знание о таковых, т. е. научные факты¹²³.

¹²² Сырых В. М. Логические основания ... Т. 1. С. 298—304.

¹²³ Тем более что сам В. М. Сырых далее совершенно правильно пишет: «По своей логической природе научный факт представляет собой суждение в форме утверждения или отрицания. По существу, это ассерторическое суждение, в котором связь между подлежащим и сказуемым определяется как фактически, реально существующая либо несуществующая». — Сырых В. М. Логические основания ... Т. 1. С. 307. В другой работе он замечает: «Отождествление научного факта с самим явлением так же неправомерно, как и отождествление человека с его фотографией. Реально существующее явление и результат его познания хотя и находятся в тесной связи и зависимости, но тем не менее представ-

Такова структура науки, включая юридическую, с когнитивной («знаниевой») точки зрения. Другие критерии структуризации науки изложены в научной литературе¹²⁴.

1.4. Постклассические критерии научности

Проблема критериев научности, в частности, юриспруденции — одна из наиболее актуальных. Она «спровоцирована» тем, что в нынешней ситуации, именуемой постмодерном или «постклассикой», поставлены под сомнение критерии научности как таковые, как и привилегированный статус науки. В соответствии с принципом пролиферации, сформулированным П. Фейерабендом, чем более несовместимой с господствующей точкой зрения является выдвигаемая гипотеза, тем лучше. Действительно, многие научные открытия представлялись поначалу научному сообществу абсурдными. И чем их больше, тем, по мнению знаменитого философа, в большей степени будет обеспечен прогресс науки. Но в то же время стоит ли любую «сумасшедшую» идею считать научной и пытаться применять на практике и преподавать в вузе? В любом случае принцип пролиферации и близкий ему принцип релятивизма размывают границы между научным и ненаучным.

Наука чаще всего отождествляется с суммой знаний¹²⁵. Знания, претендующие на статус научных, должны отвечать крите-

ляют две качественно различные сферы — социальное бытие и мышление». — Сырых В. М. История и методология ... С. 56.

¹²⁴ См.: История и методология юридической науки : учеб. для вузов / под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. СПб., 2015. Разд. 2.

¹²⁵ А. П. Огурцов пишет, что «обычно в анализе науки используются три подхода, благодаря которым в ней вычленяются три характеристики — наука 1) как социальный институт, обладающий особой системой норм и ценностей, 2) как социальная по природе познавательная деятельность, осуществляющаяся научным сообществом и регулируемая определенными регулятивами и идеалами, 3) как система знания. Первые два подхода рассматривают науку в ее тесной связи с социокультурной системой. Третий же подход исключает науку из социокультурного контекста, подчеркивая неподвластность объективно истинного научного знания социально-историческому анализу. Научное знание при этом подходе трактуется как некое “чистое” знание, объективное, незаинтересованное, ценностно нейтральное, существующее вне контекста властных отношений в обществе. <...> Сущность научно-теоретического знания усматривается в постижении исследуемого объекта самого по себе. В овладении истиной. “Чистота” научного знания замутняется при его использовании в промышленной технологии, социальной инженерии. Превращение науки в служанку каких-то вне-

рию истинности. Долгое время считалось, что критерии истины и, следовательно, научности вечны и неизменны. Сама же наука, предполагалось, развивается от меньшего объема знаний к большему, т. е. к открытым истинам добавляются все новые и новые. Ранее установленная истина при этом сомнению не подвергалась — ведь это абсолютно достоверное знание. Такая концепция науки, зародившаяся в Новое время и доминировавшая до середины XX века, в современном науковедении получила название кумулятивной.

На место философии Нового времени в XIX веке приходит несколько другая (хотя и в рамках той же эпистемы — ценностей и мировоззрения техногенной цивилизации) науковедческая программа — позитивистская. Позитивисты решили отбросить всякие абстрактные рассуждения, которые не могут быть сведены к опытным данным. С этого времени торжествует эмпиризм, а познание ограничивается изучением исключительно внешних признаков непосредственно наблюдаемых предметов. Именно в это время возникает теория права как самостоятельная научная дисциплина, на формировании которой не могла не сказаться интеллектуальная атмосфера эпохи.

Именно в XIX веке складываются классические критерии научности, выступающие эталоном научной деятельности. К ним относят логические и эмпирические критерии: «непротиворечивость», «полнота» и «независимость», характеризующие знание с позиций его формальной адекватности, стройности, совершенства внутренней организации, и «опытная оправдываемость», означающая принципиальную эмпирическую апробируемость систем знания. Под апробируемостью понимается процедура, обеспечивающая возможность установления истинности (ложности) теоретических положений путем соотнесения их с определенным непосредственно наблюдаемым положением дел. И. Д. Невважай в качестве универсальных критериев научности, которые выработаны в математике и естественных науках и кото-

научных сил губительно для науки. Такова весьма распространенная позиция, которая ограничивает применение понятий и методов социологии изучением взаимоотношений науки и общества, но считает непозволительным анализ научного знания с социокультурной точки зрения, форм организации знания, способов его функционирования в обществе и культуре». — Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух подходов) // Философия науки: двадцатый век ... Ч. 2. С. 237. Именно такой подход к сущности науки сформировался в Новое время и стал «классическим».

рые могут быть адаптированы в юриспруденции, называет «предметность, объективность, истинность, обоснованность, верифицируемость, фальсифицируемость»¹²⁶.

На основе этих критериев были сформулированы императивы «классического» научного этоса, которые, по мнению Р. Мертон, включают социальные отношения научного сообщества и социума. К ним американский социолог относит «четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм». Универсализм находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены заранее установленным безличным критериям: должны согласовываться с наблюдением и ранее подтвержденным знанием. «Коммунизм», в неспециальном и более широком смысле общего владения благами, — второй неотъемлемый элемент научного этоса. Фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для сообщества. Они образуют общее наследие, в коем доля индивидуального производителя строго ограничена. Закон или теория, носящие чье-либо имя, не входят в исключительную собственность первооткрывателя и его наследников, равно как нравы не наделяют их особыми правами пользоваться и распоряжаться ими. Наука, как и вообще все профессии, включает в качестве базисного институционального элемента незаинтересованность. Этот императив предписывает исследователю руководствоваться только и именно поиском объективной истины без опоры на иные интересы, внешние по отношению к научным задачам. Организованный скептицизм требует от ученого руководствоваться доказательностью, обоснованностью, рациональностью, не воспринимать на веру чужие идеи, не следовать слепо авторитету, предполагает готовность к критическому отношению сообщества к его научному результату¹²⁷.

Для позитивизма, следовательно, критериями научности выступают либо *эмпирические факты*, либо *формальная логика* (наиболее последовательно представленная Венским кружком, Берлинской и Львовско-Варшавской школами и заложившая основы современной аналитической философии). С этими установ-

¹²⁶ Невважай И. Д. О возможностях адаптации критериев научности в науках о праве // Стандарты научности ... С. 127.

¹²⁷ Мертон Р. Исследования по социологии науки // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 770—781.

ками соотносятся корреспондентская и когерентная теории истины, основанные на соответствии чувственно данному, в первом случае, и другим теоретическим утверждениям, во втором¹²⁸.

Эти положения должны были бы стать основой построения юриспруденции как строгой науки. Однако позитивистская программа так и не стала методологической основой юриспруденции. Уже в начале XX века надежды позитивизма были поставлены под сомнение. Кризис классической физики привел к убеждению, что опыт (и эксперимент) должен учитывать его условия (в том числе пространственно-временные), принимать во внимание методику его проведения, например используемые приборы и самого наблюдателя. В этом суть сформулированного Н. Бором принципа дополнительности: объективная реальность зависит от способа ее описания, поэтому квант — это и волна, и частица (а может быть, заметим от себя, и еще что-то третье, пятое, десятое). Результаты опыта (становящиеся тем самым научными фактами) принципиально зависят от их интерпретации. Поэтому оказалось, что одна и та же теория может быть подтверждена принципиально разными (несоизмеримыми) фактами, а один и тот же факт может входить в состав различных (несоизмеримых) теорий. Более того, факт — это не просто единичный предмет (элемент) объективного мира, но единичное суждение о предмете (элементе) или, как пишет Э. Агацци, «точка зрения на ... некоторый конкретный объект»¹²⁹. А такая точка зрения всегда контекстуальна, зависит не только от теоретических взглядов субъекта, но и от его мировоззрения, идиосинкразии (Р. Рорти). Таким образом, любой научный факт является «теоретически и мировоззренчески нагруженным» и зависит от множества социокультурных факторов¹³⁰. Поэтому один и тот же результат эмпирического

¹²⁸ См. подробнее: Куслий П. С. Понятие истины в аналитической философии // Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А. Л. Никифоров. М., 2008. С. 64—72. О применимости когерентного, прагматического и семантического подходов к концепции истины в юриспруденции см.: Невважай И. Д. Указ. соч. С. 128—129.

¹²⁹ Агацци Э. Указ. соч. С. 130. В другом месте он пишет: «...объекты... всякой науки... должны пониматься как сеть отношений, из которых основные устанавливаются между атрибутами, определяемыми операционально с использованием инструментов и часто уже выраженными в форме абстрактных количеств, а остальные получаются путем более или менее сложной математической обработки этих исходных данных». — Там же. С. 159.

¹³⁰ О том, что «один и тот же криминологический факт интерпретируется в различных контекстах и имеет неодинаковый смысл», говорил в начале 1980-х

изучения правосознания или факт принятия нового нормативно-правового акта может быть интерпретирован совершенно по-разному, например с точки зрения разных типов правопонимания.

С другой стороны, как справедливо замечает А. Л. Никифоров, человек не «открывает» заранее «заготовленные природой факты, а активно воздействует на природу, налагая на нее отпечаток своей личности и деятельности... Факты возникают как итог деятельности человека, как результат его активного творческого воздействия на мир»¹³¹. Следовательно, факты (практика как единственный и потому всегда ограниченный опыт) никогда не подтверждают теорию целиком и полностью и не могут служить единственным неопровержимым критерием ее истинности¹³².

«Надо сказать, — пишет Ю. Е. Пермяков, — вопрос о собственных эмпирических основаниях юридическую науку на протяжении ее истории практически никогда не волновал. Было очевидно, что юридическая практика и законотворческая деятельность нуждаются в научных рекомендациях и представляют собою обширное поле для научных наблюдений и критического анализа. <...> Дело лишь в том, что ни один факт, заимствованный у юридической практики, не был способен опровергнуть научный тезис, поскольку для любого события юридическая теория могла легко подобрать такое определение и выбрать такую интерпретацию, которые оставляли бы в неприкосновенности любой научный и идеологический постулат»¹³³. Проблематичность эмпирической проверяемости юридической теории, тем не менее, не отрицает необходимости таковой и превращения юрис-

годов Л. И. Спиридонов. — Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика : сб. материалов советско-скандинавского симпозиума (1983 г). М., 1985. С. 19—22. (Другое издание этой же работы см.: Спиридонов Л. И. Избранные произведения : Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб., 2002. С. 361—364.)

¹³¹ Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М., 1998. С. 166—167.

¹³² Социологами науки было подсчитано, что ученые проверяют свои гипотезы в среднем 2,5 опыта, считая, что их достаточно для обоснования вывода. — См.: Mahoney M. J. *Scientifics as subjects : The psychological imperative*. Cambridge, 1976. Не случайно К. Поппер отказался от критерия верификации как критерия научности теории в пользу ее фальсификации, утверждая, что любая теория неизбежно будет опровергнута новой теорией. Неопровержимыми же являются метафизические концепции. — Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М., 1983.

¹³³ Пермяков Ю. Е. *Юриспруденция ...* С. 133.

пруденции в «науку о духе», или «идеальных сущностях»¹³⁴. На этом, например, настаивает Б. Лайтер, утверждая: «С моей точки зрения, философы права ведут ошибочный спор о методологии юриспруденции: в действительности правовая философия с очевидностью является описательной точно так же, как важная описательная составляющая присуща большинству других направлений практической философии. Главная проблема, связанная с юриспруденцией, заключается не в том, что она является описательной — конечно, она описательна (или стремится быть таковой), — но, скорее, в том, что она базируется на двух центральных приемах обоснования — анализе понятий и обращении к интуиции, которые являются несостоятельными с эпистемологической точки зрения»¹³⁵.

Изложенную проблему практической проверяемости научной теории можно продемонстрировать на примере применения юридической теории. Во-первых, юридическая теория не воздействует прямо и непосредственно на социальную реальность: ее действие всегда опосредовано принятием политического решения (например, о реализации закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа разделения властей), ее адаптацией отраслевой юридической наукой (в случае с концепцией разделения властей — теорией конституционного права), а также правосознанием чиновников и населения. Только преломляясь (и, конечно, искажаясь) сквозь эти «фильтры», соответствующая юридическая теория воплощается в правовом порядке. Однако эффект от ее воздействия на правовой порядок практически (и теоретически) не поддается расчету, если не «закрывать в скобки» многие существенные факторы. Например, конечным результатом криминологической теории должно стать снижение преступности. Однако на снижение преступности влияет не только и не столько принятие, например, нового УК или специальные предупредительные

¹³⁴ Невозможно согласиться с категоричностью следующего пассажа Ю. Е. Пермякова: «Если эмпирическим опытом считать лишь чувственный опыт, который порождается взаимодействием внешних тел, юридическая наука и даже право не сохраняют никаких шансов на свою причастность эмпирической реальности, которая в таком случае целиком уплывает в умопостигаемую область, становясь неким трансцендентальным понятием». — Пермяков Ю. Е. Юриспруденция ... С. 133.

¹³⁵ Лайтер Б. За пределами спора Харта и Дворкина: проблема методологии в юриспруденции // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011. С. 143—144.

меры (допустим, регистрация или дактилоскопирование всех приезжих), но и деятельность полиции, судебной системы, экономическая ситуация в стране, рост (или падение) демографических показателей и т. д. Любой социальный фактор в той или иной степени влияет на состояние преступности, и не только социальный: известно, что солнечная активность оказывает значительное воздействие на лиц с неустойчивой психикой. Таким образом, даже отказавшись от корреспондентской теории истины (как это сделал, например, Р. Рорти) в пользу ее инструментальной или прагматистской версии, обосновать научность теории на основе ее только практической проверяемости невозможно.

Сторонников логического позитивизма также ожидал неожиданный «сюрприз»: теоремы неполноты К. Геделя в начале 30-х годов XX века доказали нереализуемость их программы. Оказалось, что даже формальную арифметику невозможно обосновать ее собственными средствами. Для этого требуется метаязык (метасистема), с позиций которого возможна эта процедура. Но для обоснования метаязыка требуется мета-метаязык... Все это — регрессия в «дурную бесконечность», с чем, кстати, столкнулись и Г. Кельзен (при обосновании Grundnorm). На ограниченность логики применительно к социальной деятельности (в том числе юридической) обращали внимание Г. фон Вригт, К. Гемпель, У. Дрей и др. Благодаря идеям этих философов в науку прочно вошло разграничение естественнонаучного объяснения и объяснения интенционального, характерного для общественных наук¹³⁶. Нельзя не обратить внимание также и на тот факт, что норма права — центральный элемент правовой реальности и юридической науки — не может быть объяснена с помощью формальной логики¹³⁷. С другой стороны, истинность логического вывода отнюдь не свидетельствует об истинности посылок, из которых этот вывод сделан. Поэтому логика, как минимум, является ограниченным критерием научности. На то что логика занимает весьма ограниченное место в юриспруденции, указывали в 30-е годы XX века «реалисты» США (К. Ллевеллин,

¹³⁶ Никифоров А. Л. Указ. соч. С. 182—189.

¹³⁷ Невозможность логически вывести модальные суждения (возможно, должно, запрещено) из дескриптивных (описательных) суждений именуется «парадоксом Юма». В XX веке эта проблема связана с именем А. Расса. — См.: Ross A. Imperatives and Logic // *Theory*. 1941. Vol. 7. Это, впрочем, не исключает возможности научного обоснования нормы права, на чем настаивает Ю. Е. Пермяков. — Пермяков Ю. Е. Юриспруденция ... С. 152—153.

О. Холмс, Д. Фрэнк)¹³⁸. Сегодня эту позицию достаточно обстоятельно аргументируют представители постмодернистской юриспруденции США Р. Познер и П. Шлар¹³⁹.

Все это привело к тому, что в 60-е годы XX века возникла новая модель науки — постпозитивистская, некумулятивная и, соответственно, изменились критерии научности¹⁴⁰. Т. Кун, С. Тул-

¹³⁸ Т. Бендит отмечает, что для О. Холмса бытие права — это не догмы, логические построения и теории, а практика, опыт, на который гораздо большее влияние оказывают господствующая в обществе мораль и институты публичной власти. — Benditt Th. M. Law as rule and principal : Problems of legal philosophy. Stanford, 1978.

¹³⁹ См.: Posner R. A. The Problems of Jurisprudence. Chicago, 1990 ; Idem. How Judges Think Cambridge, 2008 ; Schlag P. Missing Pieces : A Cognitive Approach to Law // Texas Law Review. 1989. № 67. P. 1195 — 1250.

¹⁴⁰ Некоторые авторы используют другие термины, например А. П. Огурцов пишет об идеалах научности или «идеалах познавательной деятельности» как о «когнитивных, так и социальных, характеристиках познания, которые позволяют рассмотреть и способы организации познавательной деятельности, нормы и регулятивы исследования и изложения, и механизмы социально-психологической сплоченности группы, и социальные формы коммуникаций между учеными, и способ интеграции научно-исследовательской деятельности и ее результатов в культуре — в системе образования и подготовки научных кадров, в формировании интеллектуальных традиций, оказывающих обратное воздействие на ход научной работы, на выбор проблематики и средств исследования. <...> С помощью идеалов научности регулятивы и результаты научно-исследовательской деятельности обретают культурно значимый смысл, а сама познавательная деятельность интегрируется в культурно-смысловое единство». — Огурцов А. П. От исследовательских программ — к образцам культуры // Философия науки: двадцатый век ... Ч. 2. С. 38. В. Г. Графский предпочитает говорить о «стандартах» научности, которые, по его мнению, «можно представить в двух измерениях: как *концепт знания* о научном творчестве в его фиксированном результате и как своего рода *канон знания*. В первом случае — это некая сумма индивидуальных или групповых результатов эвристических усилий субъектов познания. Например, безымянный или персонафицированный результат усилий по созданию правового учения (теории, концепции), в появлении которого различимы типические (стандартизированные) стадии и результаты, например стадия возникновения учения, стадия его оформления и утверждения, а также его судьба при жизни создателя и в последующее время. Канон знания с творческой стороны — это способ возникновения и распространения особым образом упорядоченного знания, его общепризнанная теоретическая и практическая ценность, константы его целостного или фрагментарного воспроизведения, цитирования и т. д.». — Графский В. Г. Точку ставить рано: вместо заключения // Стардарты научности ... С. 154—155. Представляется, что терминологически идеалы, стандарты и критерии научности можно рассматривать как синонимы. В этой связи справедливо замечание И. Д. Невважая, что «критерии научности есть признаки, которыми мы оцениваем знание и деятельность. Стандарт научности — это образец, на который ориентируются науки. Стандарт определяется наличием соответствующих признаков». — Невважай И. Д. Указ. соч. С. 126.

мин, П. Фейерабенд и другие сторонники этого подхода подвергли сомнению прежде всего поступательность развития науки, когда к «старым истинам» добавляются новые, открытые недавно. Для них же научное открытие — это всегда отрицание старого, его опровержение. Поэтому история идей с точки зрения постпозитивизма — это история заблуждений, так как главное отличие науки от философии, идеологии или религиозной веры состоит в возможности фальсификации (опровержения) любого научного открытия новым. Философские или религиозные постулаты не доказуемы, но и не опровержимы в принципе. Все это привело к тому, что в современном науковедении стали утверждаться конвенциональный и коммуникативный критерии научности.

Конвенциональность как главный на сегодняшний день критерий научности вытекает из онтологической и гносеологической конвенциональности: социальные нормы, в отличие от законов природы, суть соглашения (хотя и не произвольные)¹⁴¹, и их познание всегда обусловлено историческим и социокультурным контекстом, а потому является относительным¹⁴², а также неустранимости философского (метафизического — неverifiedируемого) компонента из научного знания. **Коммуникативный критерий**, выступающий содержанием конвенции экспертного научного сообщества, постулирует процессуальность и риторические, дискурсивные приемы обоснования научной точки зрения. Отсюда вполне оправданно утверждение, что в гуманитарных науках «господствуют часто не строго определяемые логические понятия, а именно концепты, выражающие скорее интуитивно, нежели логически, схватываемые смыслы»¹⁴³. Поэтому **позитивистский эталон научности в принципе не может быть реа-**

¹⁴¹ Искусственность социальных норм состоит не в том, что они произвольно сконструированы, а в том, что люди их измеряют и оценивают и, тем самым, несут за них моральную ответственность, т. е. «искусственность ни в коей мере не влечет за собой полный произвол». — Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 99.

¹⁴² Такую точку зрения активно развивает Л. А. Микешина. — См.: Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. С. 20 и след. ; Ее же. Конвенции как следствие коммуникативной природы познания // Субъект. Познание. Деятельность. М., 2002. С. 507—533.

¹⁴³ Микешина Л. А. Философия познания ... С. 23. Ниже она пишет: «...гуманитарное знание оперирует понятием “теория” в широком смысле, как некоторой концепцией, совокупностью взглядов мыслителя, некоторой системой высказываний, не связанных жесткой дедуктивной последовательностью» (С. 32).

лизован в любой науке, в том числе юриспруденции. Не существует абсолютных критериев научности; они относительны и зависят от исторической эпохи и социокультурных особенностей того или иного социума.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что практическая (фактическая) проверяемость и логика являются ограниченными критериями научности. Их нельзя полностью сбрасывать со счета, но и абсолютизировать их не стоит. Им на смену приходит (или уже пришел) конвенциональный критерий научности, выражающий соглашение научного сообщества о том, что считать эпистемологическим эталоном. Этот критерий основан на научных традициях, опыте других стран, относительной практической проверяемости и логической обоснованности и гораздо более консервативен, чем, может быть, кажется. Научное сообщество скорее не пропустит в пантеон наук новую, экстраординарную концепцию, чем даст ей право на официальное существование. В то же самое время нельзя забывать и о трансцендентном (точнее — трансцендентальном) критерии научности, выражающемся в конечной результативности научной деятельности — самосохранении общества. Очевидно, что наука (и юридическая в том числе) призвана оказывать воздействие на социум. Нормальное функционирование, поддержание целостности социального организма (в нашем случае — приемлемого правопорядка) — показатель научности тех концепций, которые применяются на практике (при этом, конечно, следует иметь в виду, что этот конечный результат зависит не только от научной деятельности, но и от всех иных социальных и природных факторов).

Сохраняются ли в ситуации «постклассики» такие критерии научности, как объективность, универсальность, истинность, достоверность знания? Дабы не впасть в неумеренный радикализм и не призывать к их «сбрасыванию с корабля истории», следует еще раз заметить, что критерии классической науки наполняются другим значением, принципиально отличающимся от традиционного. Другими словами, можно сохранить старые названия, но в новом контексте их содержание значительно иное по сравнению с «классическим»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Иной точки зрения придерживается М. В. Антонов. Он полагает, что многогранность права (включая позитивное право, идеальное право и социальное право) невозможно изучать одним методом или одной методологией. Отсюда он

Объективность научного знания становится интерсубъективной¹⁴⁵, ментальной конструкцией. Объективно сегодня то, что приобрело значение объективного в общественном сознании. В основе так понимаемой объективности лежит конструктивистская деятельность референтной группы по формированию ментальных (социальных) представлений и соответствующих «воображаемых сообществ» (по терминологии Б. Андерсона)¹⁴⁶. Но будучи сформированным, социальное представление (докса) существует *как* (или *как бы*) не зависимое от воли и желания отдельно взятых индивидов. Требуются серьезные усилия по изменению или ликвидации (устранению) таких правовых явлений (чаще всего — институтов), которые одновременно являются научными понятиями. Тем самым правовое явление (институт) существует неразрывно с социальным представлением о нем, зачастую приобретающим понятийную форму.

Универсальность в условиях постклассического науковедения вытесняется контекстуальностью (как исторической, так и социокультурной). На статус универсального может претендовать

постулирует отказ от макротеорий в пользу микро- и мезотеорий, в том числе переосмысление догматики права исходя из изменившихся исторических, прежде всего экономических и политических, реалий нашего общества. Более того, он считает, что «методология науки предполагает разделение понятий научности и истинности, где последнее обозначает логическую последовательность, непротиворечивость теории. Любое логическое умозаключение неизбежно претендует на универсальность, тогда как принципы научности теории в такой претензии не нуждаются — эти принципы валидны в своей области знания, но неприменимы ко всему знанию в целом». В то же время признание контекстуальности критериев научности, с его точки зрения, «не исключает возможности устанавливать адекватность научных теорий, придерживаясь классических путей поиска истины для тех, кто не разделяет уверенности в состоятельности дискуссий о постклассических, постмодернистских и иных “пост” реалиях научного знания». — Антонов М. В. О принципах научности и развитии правовой теории // Стандарты научности ... С. 148—153. Если критерии научности контекстуальны, исторически изменчивы, то как можно изучать значительно трансформировавшуюся правовую реальность старыми «классическими» методами и насколько такое исследование будет адекватным? В этом противоречивость позиции молодого ученого.

¹⁴⁵ «Наиболее распространенный смысл объективности, несомненно, тот, который отождествляет ее с интерсубъективностью», — заявляет Э. Агацци. — Агацци Э. Указ. соч. С. 102. При этом интерсубъективность он связывает с публичным научным дискурсом (С. 103, 172, 173).

¹⁴⁶ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of Nationalism. N.Y., 1991.

только самая «голая» (поэтому бессодержательная) абстракция: идея необходимости нормативного регулирования общественных отношений и его восприятия в общественном сознании.

Истина, о чем уже шла речь выше, трансформируется от корреспондентской теории (соответствие знака референту) к когерентной (соответствие знака другим знакам) и к коммуникативной (значение знака как общезначимого в научном дискурсе)¹⁴⁷ или прагматической (истинность знака — это вера в его эффективность)¹⁴⁸.

А. Я. Гуревич в 1973 году (!) писал: «Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны. Помещаясь в человеческих головах, владея живыми сердцами, истина, направляющая людей на те или иные поступки, не может не окрашиваться эмоциями, целевыми установками и даже эстетическими тонами. И незачем рыдать над утратой ею “химически чистой” нейтральности, которой она никогда не обладала! Для того чтобы служить людям, истина, наука должны подышать их воздухом, пропитаться их стремлениями и страстями. Худо, когда наука превращается в проститутку, но слепая девственность, страшаясь всего земного, — бесплодна»¹⁴⁹. Из того, что «вещь может рассматриваться с потенциально бесконечного числа точек зрения и, таким образом, считаться обладающей бесконечным числом свойств», следует относительность истины, ее «онтологическая ангажированность» и бесконечность задачи познания реальности¹⁵⁰.

Достоверность научного знания сегодня не может быть полной, окончательной. О достоверности можно говорить лишь применительно к определенному контексту и с некоторой степенью вероятности¹⁵¹. Граница между наукой и иными формами

¹⁴⁷ Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt am Main, 1988 ; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1981. Bd. 1, 2.

¹⁴⁸ Один из наиболее радикальных вариантов критики репрезентатизма (и корреспондентской теории истины) принадлежит Р. Рорти, который вслед за У. Джеймсом и Д. Дьюи предложил заменить понятие «истина» как соответствие объективному положению вещей в природе тем, во что лучше (полезнее) верить («лучшая идея, которую мы принимаем для объяснения происходящего»), и вообще отказаться от теории познания в пользу теории полезности. — Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton (N.J.), 1979 ; Его же. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

¹⁴⁹ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 184.

¹⁵⁰ Агацци Э. Указ. соч. С. 270, 312, 410.

¹⁵¹ «Научные высказывания, — утверждает Э. Агацци, — это всегда релятивизированные предложения, имея в виду, что они содержат лишь ограниченный перечень технических терминов, что их значения определяются конкретным

культуры стирается, пролиферируется. Возможно, именно поэтому наука утратила свой привилегированный социальный статус в современном мире.

Таким образом, во второй половине XX века произошли принципиально важные изменения в эпистемологии, благодаря которым классические критерии научности трансформируются в постклассические. Можно согласиться с позицией А. П. Огурцова, что тенденции в философии конца XX века «привели: а) к трансформации способов существования и статуса норм (и этических, и логико-методологических), которые из всеобщих, необходимо истинных и облигативных предписаний стали пониматься как правдоподобные, прецедентные, используемые по аналогии и в той или иной степени вероятные по своему статусу способы достижения общего решения; б) к радикальному сдвигу в трактовке критериев знания: вместо поиска истины — определение правдоподобности, вместо дедуктивного вывода — логика аргументации, вместо гомогенного трансцендентального Субъекта — коммуникативное сообщество. Этот поворот в философии можно назвать коммуникативным, и он связан с анализом возможностей и условий коммуникаций как внутри языкового сообщества, так и внутри научного сообщества»¹⁵². В другом месте он пишет: «Коммуникативный поворот в философии вообще и в философии науки в частности привел к поискам согласованного дисциплинарного поля на основе “фамильного сходства” дискурсов и различных дискурсивных практик; к замещению истины — правдоподобием; теоретического ядра исследовательских программ — убеждениями (belief), признанными научным сообществом; согласованных усилий научного сообщества — достижением консенсуса; логики научного исследования — ситуационными исследованиями. Научное знание предстает как разнovidность убеждений, которые являются частью более широкого поля убеждений данного общества.

Коммуникативный поворот в философии завершается обращением к средствам *неориторики* в анализе научного знания, причем она оказывается определенным видом аргументации

контекстом, в который они помещены, что они подчиняются некоторым установленным для их проверки правилам и т. д.». — Агацци Э. Указ. соч. С. 128.

¹⁵² Огурцов А. П. Этнос науки и поворот к коммуникативной рациональности // Философия науки: двадцатый век ... Ч. 2. С. 370.

своих убеждений и отстаивания их в научных дискуссиях и спорах, разновидностью или “языковых игр”, или нарративов»¹⁵³.

Коммуникативный поворот в эпистемологии наиболее последовательно представлен теорией глобального дискурса К.-О. Аппеля и Ю. Хабермаса. Для них дискурсивная рациональность предстает как делиберативное интерсубъективное понимание и признание в рамках идеального коммуникативного сообщества¹⁵⁴. К.-О. Аппель формулирует принципы, или правила, аргументативного дискурса, которые можно считать синонимичными критериям научности: 1) правило воздержания от применения неаргументированных высказываний в ходе процесса аргументации; 2) правило контрафактической антиципации идеального аргументативного сообщества (требование выдвигать такие аргументы, которые были бы приняты коммуникативным сообществом, и требование способствовать установлению структур и правил идеального аргументативного сообщества в реальности); 3) требование признания других как равноправных участников аргументации в том случае, если они сами соблюдают правила аргументации; 4) требование прилагать необходимые усилия для расширения горизонта понимания своих аргументов другими участниками аргументации, способствуя тем самым реализации в реальном коммуникативном сообществе оснований общественной¹⁵⁵.

Таким образом, коммуникативный поворот, как справедливо полагает А. П. Огурцов, повлек за собой «не просто “ослабление” жесткой парадигмы доказательного знания, но и расширение способов доказательства, включение в “поле доказательства” тех форм аргументации, которые не принимались в качестве доказательных процедур. В область аргументированного знания оказались включены те формы знания, которые не релевантны дедуктивно выводному знанию и которые связаны с судебной практикой, с защитой своей позиции и критикой своих оппонентов на

¹⁵³ Огурцов А. П. Философия науки XX века и историография науки: основная линия и новые тенденции в их взаимоотношениях // Философия науки: двадцатый век ... Ч. 3. С. 196.

¹⁵⁴ К.-О. Аппель полагал, что кантовский вопрос об условиях возможности и значимости научного познания сегодня стал вопросом о возможности интерсубъективного взаимопонимания. — Appel K.-O. Transformation der Philosophie. Frankfurt am Main, 1973. Bd. 2. S. 173.

¹⁵⁵ Appel K.-O. Die Erklären-Verstehen-Kontroverse in transzendentalpragmatischer Sicht. Frankfurt am Main, 1979. S. 112 und and.

гражданско-политических форумах и др.»¹⁵⁶. В то же время приходится признать, что коммуникативная стратегия фиксирует внимание на институционализации научного знания (оно должно пройти процедуру делиберации — всестороннего обсуждения), но не на его производстве. Тут, полагаю, уместна «прививка» со стороны социальной эпистемологии, постструктурализма или фукольдианской теории власти-знания.

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, можно констатировать, что в условиях постклассического науковедения кардинально изменились (изменяются) критерии научности, в том числе юридической теории. Чтобы претендовать на статус научной, юридическая теория должна учитывать многомерность права, его сконструированность референтной группой и постоянное воспроизведение ментальными образами и действиями широких народных масс, относительность, т. е. обусловленность, применительно к социальному целому и другим социальным явлениям и принципиальную незавершенность, неполноту (а значит — антидогматичность) нашего знания о правовой реальности¹⁵⁷. При этом позволительно говорить об интересубъективной, ментальной объективности знания о праве, универсальности как необходимости этого знания самого по себе (как и права), о коммуникативной истине этого знания, контекстуальная и вероятностная достоверность которого обретается в качестве общезначимости в предельно широком социально-научном дискурсе о праве.

Эти выводы не плод досужих размышлений, а общепризнанные философские (и философско-правовые) положения — основания постклассической научной картины мира. Юридическая наука только в том случае преодолет состояние методологической неопределенности (можно сказать резче — кризиса, стагнации), если сумеет вписаться в обозначенные выше критерии и, следовательно, найти адекватный ответ на вызов постсовременности.

¹⁵⁶ Огурцов А. П. *Этос науки ...* С. 392.

¹⁵⁷ Уместно процитировать воспоминание А. Я. Гуревича по этому поводу: «Перед лицом одержимых нетерпимостью и фанатизмом ортодоксов я настаиваю на том, что существо всякой науки, в том числе и исторической, составляют открытость, множественность точек зрения, соперничающих между собой, сопоставляющих себя друг с другом». — Гуревич А. Я. *Указ. соч.* С. 187.

Раздел 2. МЕТОДИКА КОНКРЕТНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Требования, предъявляемые к конкретному юридическому исследованию

Конкретное юридическое исследование, чтобы считаться таковым, должно отвечать некоторым требованиям. Их уместно назвать эпистемологическими, так как они определяют содержание научного исследования в области права. Более того, они закреплены в нормативных правовых актах и потому носят, в том числе, формально-юридический характер. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 утверждено Положение о присуждении ученых степеней, в п. 9 которого сформулированы критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней. Уместно процитировать эти требования: «Диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны». В этих формулировках содержится главное требование, предъявляемое к научному исследованию, — требование научной новизны. В. М. Сырых учит нас видеть в научной новизне приоритетность сформулированного в литературе научного суждения. При этом приоритет в познании «имеет смысл лишь по отношению к знаниям, являющимся плодом сложной мыслительной деятельности, а не результатом простого чувственного восприятия, доступным для всех или большинства

субъектов. <...> Научная новизна присуща не любому новому, оригинальному высказыванию, положению, а лишь тем из них, которые обладают признаками научного знания: рациональностью, обоснованностью, достоверностью, логической непротиворечивостью, соответствием основополагающим принципам науки»¹⁵⁸.

По мнению известного методолога, научную новизну в конкретном юридическом исследовании можно подразделить на новизну эмпирических, теоретических и метатеоретических исследований. Новизну эмпирических юридических исследований составляют «описания и оценки впервые вводимых в науку единичных, обобщенных или статистических фактов, корреляционных связей или классификаций»¹⁵⁹. Благодаря этому в юридическую науку вводятся новые эмпирические данные, которые затем могут быть использованы для догматических, сравнительно-правовых, исторических и метатеоретических исследований. Новизна теоретических исследований в юриспруденции характеризуется прежде всего совершенствованием понятийного аппарата; иногда — принципов и закономерностей правовой реальности. Последние исследования претендуют на «создание новой теории, которая позволяет с принципиально иных теоретических и методологических позиций подойти к изучению явлений и процессов, составлявших объект науки, и дать им, как представляется автору теории, более глубокое и точное объяснение, приблизиться к знанию действительных закономерностей развития предмета правовой науки»¹⁶⁰. Тем самым ученый выходит на новизну методологического уровня, в область метатеоретических правовых исследований¹⁶¹. Метаюридическая научная новизна может заключаться в формулировке нового методологического подхода к исследованию правовой реальности, в обосновании перспектив использования методологии из других областей научного знания, в переформулировке предметной области юридических исследований, в обосновании нового правопонимания и т. п. и, как правило, предполагает уровень диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук.

¹⁵⁸ Сырых В. М. История и методология ... С. 241, 243.

¹⁵⁹ Там же. С. 245.

¹⁶⁰ Там же. С. 251—252.

¹⁶¹ Странно, что В. М. Сырых «методологическую новизну» рассматривает отдельно. — Там же. С. 253—254.

Научная новизна, претендующая на степень доктора наук, предполагает научное достижение либо решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение. Такой уровень, как правило отмечает В. М. Сырых, требует в основном решения фундаментальной проблемы юридической науки. А таковые (фундаментальные проблемы) располагаются в области междисциплинарности, «на стыке с другими гуманитарными науками (социологией, политологией, экономическими науками и др.) и (или) конкретно философией»¹⁶².

Научное достижение или решение значимой научной проблемы выражаются в «значительном приращении теоретических знаний, существенном обогащении основ правовой науки». Примерами подобных результатов могут выступать: обоснование необходимости применения в правовой науке какого-либо нового метода научного познания, который «позволит значительно расширить возможности в познании предмета правовой науки, вывести ее “на новые горизонты”»; исследование какой-либо новой фундаментальной проблемы юриспруденции; обоснование правомерности образования новой юридической науки или отрасли права, новых методов систематизации правовой науки или системы права; решение какой-либо дискуссионной фундаментальной проблемы правовой науки, существующей уже длительное время и не находящей надлежащего научного обоснования; исследование основ отраслевой юридической науки, в том числе ее предмета, методов научного познания и метода правового регулирования¹⁶³.

Для «признания обоснованности претензий соискателя на статус кандидата юридических наук требуется подтверждение одного квалифицирующего признака новизны: исследование должно иметь существенное значение для соответствующей отрасли правовой науки. Требования же к предмету исследования кандидатской диссертации сведены к минимуму. Практически в этом качестве может выступать любая конкретная проблема правовой науки, разработка которой может дать требуемую форму новизны. <...> Для признания существенного значения результатов диссертационного исследования для соответствующей отрасли правовой науки соискателю достаточно сформулировать около

¹⁶² Там же. С. 256.

¹⁶³ Там же. С. 257—258.

десять новых положений и выводов. Это могут быть предложения по уточнению содержания правовых понятий, элементного состава исследуемых явлений и их классификации; новые формулировки определений; гипотетические предложения по применению новых подходов к изучению исследуемой проблемы; новые оценки правовых институтов и отдельных норм права, политико-правовой практики; конкретные предложения по совершенствованию правоприменительной практики и др.»¹⁶⁴.

Другим требованием, предъявляемым к диссертационному исследованию, является самостоятельность его выполнения. Оно сформулировано в п. 10 Положения о присуждении ученых степеней в следующей редакции: «Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку». Еще одним требованием выступает необходимость опубликования в рецензируемых научных изданиях основных научных результатов диссертации (п. 11). Для реализации этих требований принципиально важно четко определить программу (развернутый план) конкретного научного исследования.

2.2. Программа конкретного юридического исследования

Программа конкретного юридического исследования должна отвечать общим требованиям научной деятельности, разрабатываемым эпистемологией. Так как юридическое исследование представляет собой частный случай социального исследования, то оно не может не строиться по образу и подобию конкретного социологического исследования. Структурно любое социальное исследование, основанное на классической эпистемологии, содержит сходный перечень разделов или этапов, каждый из которых включает достаточно близкие процедуры научного исследования. Рассмотрим их подробнее.

Конкретное юридическое исследование включает следующие стадии: целеполагание, проведение исследования, анализ результатов и их оформление. Первая стадия, содержанием которой можно считать разработку программы научного исследования, задает его основу, и на этой стадии «решаются главные,

¹⁶⁴ Там же. С. 262—263.

стратегические вопросы научного исследования: 1) что подлежит исследованию; 2) какие позитивные результаты можно ожидать по его завершении; 3) с помощью каких методов могут быть получены ожидаемые результаты»¹⁶⁵. Стадия начинается с формулировки **проблемы**, которая представляет собой «знание о незнании», т. е. осознание неудовлетворительного состояния дел в какой-либо области. Проблема — это осознание противоречия между имеющимся и необходимым, желательным состоянием знания в соответствующей области. В. И. Ильин выделяет две стороны в проблеме: противоречие в практике — между сложившейся ситуацией и осознанными потребностями в практическом аспекте и между информацией и потребностью в ней в гносеологическом аспекте¹⁶⁶. В подавляющем большинстве случаев эти два аспекта взаимообуславливают друг друга: проблемы в практике должны быть осознаны как неудовлетворительность соответствующего теоретического осмысления этой практики.

Проблема мотивирует научное исследование, задает ему должный импульс. Следует иметь в виду, что проблема должна быть социально значимой, связанной с актуальными потребностями общества¹⁶⁷. Проблема находит отражение в названии темы научного исследования и формулируется на завершающем этапе работы, во введении к научному исследованию под рубрикой «Актуальность работы»¹⁶⁸.

В этой связи возникает вопрос о том, каков статус социальной проблемы, что действительно можно считать проблемой, насколько она объективна. Так, в исследовании Р. Лемуара о социальной значимости раковых заболеваний условием социальной

¹⁶⁵ Там же. С. 220—221.

¹⁶⁶ Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006. С. 21—22.

¹⁶⁷ В. М. Сырых в качестве «наиболее значимых факторов диссертательности темы» называет следующие: «1) ее актуальность; 2) достаточно глубокую проработанность при одновременном наличии очевидных белых пятен; 3) малую известность для широкого круга ученых; 4) наличие доступного эмпирического материала; 5) отсутствие у государства, законодательных органов планов на внесение существенных изменений в законодательство, исследование которого составляет непосредственную задачу диссертации; 6) сравнительно невысокий уровень сложности; 7) отсутствие конкурентов, уже пишущих диссертации на аналогичную тему; 8) позитивное отношение научной общественности к теме». — Сырых В. М. Логические основания ... Т 2. С. 64.

¹⁶⁸ Введение всегда пишется в самый последний момент, так как обобщает результаты уже проведенного исследования.

проблема является то, что она затрагивает высокие социальные статусные группы населения¹⁶⁹. Поэтому проблема — это не просто дисфункция, но ее признание и легитимация¹⁷⁰. Проблема приобретает социальное значение в современных условиях благодаря деятельности средств массовой информации¹⁷¹. «Именно через механизм государственного освящения, — подчеркивает Р. Ленуар, — частные, с трудом тематизируемые проблемы возводятся в ранг социальных проблем, требующих коллективных решений, чаще всего в виде всеобщей регламентации, правового обеспечения, материального оснащения, экономических субсидий и т. д. Эти решения почти всегда разрабатываются добровольными или профессиональными “специалистами”. Одна из основных фаз установления проблемы в качестве социальной состоит именно в ее признании в качестве таковой государственными инстанциями»¹⁷².

Таким образом, проблема научного исследования и его актуальность обусловлены степенью социальной значимости, которая определяется, в свою очередь, как объективной функциональной значимостью данной проблемы для общества, так и представлением о ее значимости, формируемым в общественном мнении средствами массовой коммуникации. Это говорит о том, что «объективных» юридических проблем, отражающих «естественную природу вещей», не существует — все они являются интерсубъективными, зависимыми от того, как то или иное социальное явление воспринимается правосознанием основных социальных групп. Любая социально значимая сегодня проблема может оказаться завтра псевдопроблемой. В любом случае формулирование проблемы научного исследования — творческий процесс, зависящий во многом от того, насколько хорошо автор работы знает современное ему общество, правопорядок, образуемый юридическими практиками, и может уловить тенденции его изменения, что зависит как от глубины знаний, существующих по поводу соответствующей проблемы, так и от общего уровня эрудиции субъекта.

Проблема конкретного научного юридического исследования предполагает, таким образом, трансформацию социального в

¹⁶⁹ Начала практической социологии ... С. 104.

¹⁷⁰ Там же. С. 112.

¹⁷¹ Там же. С. 114.

¹⁷² Там же. С. 119.

правовую плоскость, т. е. в проблемы социально-правового и формально-правового аспектов. Как отмечает В. М. Сырых, «проблемы юридической науки признаются актуальными в *научном теоретическом* плане, если их решение окажет положительное воздействие на развитие соответствующей отрасли правовой науки или правоведения в целом: позволит ликвидировать пробел, превратить гипотезу в обоснованное научное знание, дать теоретическую и (или) методологическую основу для решения других проблем науки, открыть новые перспективные направления научных исследований. Проблемы юридической науки признаются актуальными в *практическом* плане, если с ними напрямую связывается решение каких-либо злободневных вопросов правового регулирования общественных отношений, политико-правовой практики, совершенствование деятельности органов государства»¹⁷³. Как правило, теоретическая актуальность проблемы выражается в отсутствии единства мнений в юридической теории по изучаемому вопросу, недостаточной четкости (по мнению исследователя) понятийного аппарата, в несоответствии теории социальной практике. Проблематичность практического плана чаще всего связывается с недостаточной эффективностью правового регулирования соответствующих общественных отношений, пробельностью законодательства или недостатками правоприменительной практики.

В «Методических рекомендациях по подготовке, принятию и защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук», подготовленных Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации, актуальность избранной темы предлагается обосновывать «наличием тенденций, фактов и статистических данных, которые доказывают своевременность и насущную необходимость исследования темы. Формулировка актуальности темы должна представлять развернутый вывод о том, что, несмотря на имеющиеся исследования данного вопроса, научные знания в исследуемой области недостаточны, устарели или отсутствуют. Типичным ошибочным утверждением является тезис о том, что ранее данная тема никем не рассматривалась и исследуется автором впервые. Изложение актуальности целесообразно осуществлять путем перечисления всех относящихся к теме фактов (для кандидатской диссертации 4—5), фор-

¹⁷³ Сырых В. М. История и методология ... С. 222.

мулируемых в творительном падеже. Например, “Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами: во-первых, ...недостаточностью...; во-вторых, наличием пробелов... которые...; в-третьих, увеличением... которое...”¹⁷⁴.

Например, В. В. Колесников в качестве проблемы, породившей потребность в формировании экономической криминологии как отрасли криминологии, выделяет массовость и масштабность экономической преступности, распространенность криминального поведения в бизнесе и в целом в сфере хозяйствования во всех моделях либеральной рыночной экономики; многократно возрастающий ущерб от экономических преступлений; недостаточность применения традиционных методов исследования и рекомендаций по борьбе и превенции в этой сфере¹⁷⁵. Как видим, здесь онтологический аспект социальной проблемы дополняется гносеологическим, связанным с особенностями познания экономической преступности¹⁷⁶. Другими словами, проблема научного исследования определяется не только осознанными потребностями изменить какую-либо сферу общества, но и недостаточной степенью научной разработанности данной проблемы (темы). К. В. Арановский в интереснейшем исследовании, посвященном конституционной традиции в российской среде, в качестве проблемы называет незавершенность конституционного строя в России, неоднозначность «учреждения конституционного строя в разных частях света», нерешенность вопроса о «степени взаимодействия конституции и российской правовой среды»¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Методические рекомендации по подготовке, принятию и защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук / под общ. ред. О. С. Капинус ; Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 7.

¹⁷⁵ Колесников В. В. Основы экономической криминологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии : монография / под ред. Д. А. Шестакова. СПб., 2003. С. 187.

¹⁷⁶ Интересно, что данной работой автор пытается привлечь внимание общественности и представителей государственной власти к поднимаемой проблеме, констатируя, что «государство до сих пор не сформулировало социальный заказ на проведение таких криминологических исследований, отсутствует и соответствующее финансирование и координация НИР, а разработка экономико-криминологической проблематики остается уделом отдельных ученых-энтузиастов». — Колесников В. В. Указ. соч. С. 194.

¹⁷⁷ Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003. С. 9, 12.

Представляется, что *актуальность избранной темы научного юридического исследования включает (должна включать) три аспекта: социальное значение исследуемой проблемы, юридический аспект (недостатки правового регулирования) и недостаточная теоретическая разработанность.*

Формулирование научной проблемы, выражающей актуальность избранной темы, связано с анализом *степени научной разработанности* данной проблемы (темы). Как указывается в «Методических рекомендациях...», «степень научной разработанности темы формулируется в целях определения места работы в системе научных знаний по исследуемому вопросу, потребности восполнения пробелов и исследования соответствующих научных задач и крупных научных проблем. Она формулируется путем перечисления авторов, ранее изучавших проблемы, прямо и косвенно относящиеся к предмету исследования. Фамилии (инициалы пишутся перед фамилией) ученых приводятся в алфавитном порядке и могут быть перечислены не все, для чего достаточно поставить в конце перечисления слова “и др.”»¹⁷⁸.

Сформулированная проблема задает границы научного исследования и во многом определяет его важнейшие характеристики, в частности объект и предмет. *Объектом* научного исследования выступает область социальной (в нашем случае — правовой) реальности, порождающая проблемную ситуацию. Другими словами, объект — это то, на что направлен процесс научного исследования. При этом объект научного исследования, в отличие от его предмета, представляет собой первичное «приближение» к объективной реальности, избранной для изучения, и ее «приблизительный» первичный образ.

Предмет научного исследования формируется в результате гносеологического отношения субъекта познания и объекта; его образуют наиболее значимые с теоретической или практической точки зрения субъекта свойства, стороны, особенности объекта, подлежащие непосредственному изучению. В нем наиболее выпукло отражается сформулированная проблема. Поэтому предмет исследования обычно содержит в себе основной вопрос проблемы, связанный с предположением о возможности обнаружения в нем центральной тенденции.

¹⁷⁸ Методические рекомендации ... С. 7.

Как отмечалось выше, предмет научного исследования конструируется субъектом в границах объекта. При этом, как следует из работ школы П. Бурдьё, исследователю заранее навязывается определенное видение проблемы и тем самым предмета научного познания. Это то, что Э. Дюркгейм назвал «предпонятиями», а представители социальной феноменологии — «ложными очевидностями», продуктами обыденного опыта, ставшими легитимными в силу «естественной установки». В связи с чем определение предмета всегда предполагает рефлекссию над такого рода «очевидностями» и позицией субъекта познания, которые взаимообусловлены.

Таким образом, объект исследования — это изучаемый институт, вид общественных отношений, процесс, событие, учение и т. д. Все они являются многогранными, многоаспектными социальными явлениями. Предмет же юридического исследования — это правовой срез соответствующего социального (социально-правового) явления, который выражается, как правило, в законодательстве и правоприменительной практике. Объект всегда шире предмета, но и тот и другой должны соответствовать теме исследования¹⁷⁹.

Авторы «Методических рекомендаций...» указывают, что «объект исследования — область общественных отношений, в которых реализуются различные аспекты исследуемой проблемы (задачи). В диссертациях по юридическим наукам формулируется примерно так — “совокупность общественных отношений...”. Контрольный вопрос при определении объекта — какие правоотношения, какая сфера общественной жизни рассматриваются. Предмет исследования могут составлять правовые нормы, правовой механизм реализации чего-либо, теоретические разработки, следственная и судебная практика и т. п. — все это должно быть ограничено объектом. Соискатель может проверить себя, задав вопрос, что конкретно исследовалось при написании диссертации. Предмет всегда уже по содержанию и включается в объект»¹⁸⁰.

Рассмотрим некоторые примеры определения объекта и предмета научного исследования. В. В. Колесников к объекту экономической криминологии относит экономическую пре-

¹⁷⁹ См. подробнее: Честнов И. Л. История и методология... С. 242—243.

¹⁸⁰ Методические рекомендации ... С. 8.

ступность в традиционном криминологическом понимании либо экономическую преступность, представляемую как результат преступной экономической деятельности и выступающей на поверхности явлений в превращенных формах — формах криминализации экономики и криминализации экономических отношений, или криминальной экономики¹⁸¹. О. В. Чельшева под объектом криминалистики понимает «определенные явления и процессы действительности, которые познаются данной наукой и преобразовываются в результате внедрения созданных ею продуктов научного труда»¹⁸². При этом общий объект криминалистики содержательно включает две стороны: уголовно-релевантные события и процесс расследования. И. А. Возгрин объект криминалистики определяет через перечисление таких элементов познаваемого мира, как: преступная или криминальная деятельность лиц, подготавливающих, совершающих и скрывающих свои общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под страхом наказания; информация, порождаемая преступлением и связанная с ним; судебно-следственная практика, включающая весь спектр деятельности специально уполномоченных законом должностных лиц, осуществляющих работу по уголовным делам¹⁸³. В. В. Трофимов объект своего диссертационного исследования, посвященного правообразованию в современном обществе, с подзаголовком «теоретико-методологический аспект», определяет «как сложноорганизованный социально-правовой феномен — правообразовательный процесс, так и система социально-интерактивных оснований, обуславливающих механизм формирования права, его основных типов. Теоретико-правовая характеристика рассматриваемого явления предопределила включение в качестве объекта исследования различные формы права, которые выступают в качестве своеобразного итога процесса правообразования»¹⁸⁴.

¹⁸¹ Преступность среди социальных подсистем ... С. 197—198.

¹⁸² Чельшева О. В. Гносеологические основы криминалистики (теоретико-прикладное исследование). СПб., 2003. С. 33.

¹⁸³ Возгрин И. А. Введение в криминалистику : история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 32.

¹⁸⁴ Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 5.

Предметом экономической криминологии, по мнению В. В. Колесникова, является «специфическая система социальных отношений, складывающихся в результате воспроизводства преступной экономической деятельности». Другими словами, «изучению подлежат социальные отношения, детерминированные генезисом как криминализированной экономической деятельности, так и экономической деятельности криминальной»¹⁸⁵. О. В. Челышева считает, что предметом криминалистики, возникающим в результате исследования вторичного (идеализированного) объекта с целью отделения закономерного от случайного, выступают закономерности механизма преступления и закономерности механизма его расследования¹⁸⁶. А. И. Возгрин, определяя предмет любой частной отрасли знания как категорию, отражающую познанные наукой закономерности развития объекта, раскрывает предмет криминалистики через анализ технических, тактических и методических закономерностей предупреждения, раскрытия и расследования преступлений для разработки эффективных средств, приемов и методов судебного разрешения уголовных дел¹⁸⁷.

В. В. Трофимов предмет своего диссертационного исследования определяет через «закономерные связи правообразующих факторов, составляющих онтологическую основу спонтанного и планомерно-рационального процессов правообразования в современном обществе, с характером (типом) создаваемых правовых норм и юридических средств, а также микро- и макросоциальными формами права»¹⁸⁸.

Чрезвычайно важной составляющей программы юридического исследования является определение его *цели и задач*.

Цель исследования — это предвосхищение желаемого результата (Гегель), т. е. конечный результат научного исследования. Она теснейшим образом связана с выделением научной проблемы и построением гипотетической концепции объекта — выделением предмета исследования. Цель конкретизируется в **задачах**, представляющих собой алгоритм достижения цели. Задачи зачастую формулируются в качестве вопросов, на которые должны быть получены ответы для реализации поставленной цели.

¹⁸⁵ Преступность среди социальных подсистем ... С. 199.

¹⁸⁶ Челышева О. В. Указ. соч. С. 94, 105.

¹⁸⁷ Возгрин И. А. Указ. соч. С. 51—52.

¹⁸⁸ Трофимов В. В. Указ. соч. С. 6.

«Цель исследования, — указывается в «Методических рекомендациях...», — не может состоять в исследовании, анализе (это метод), рассмотрении и т. п., но выражается в получении каких-либо теоретических выводов и практических рекомендаций, разработке чего-то нового в теории, науке и практике. Не рекомендуется также формулировать цель исследования через решение научной задачи (научной проблемы). Для достижения цели автор ставит задачи — конкретные императивы, отвечающие на вопрос — что нужно сделать для того, чтобы цель была достигнута. В каждом параграфе, как правило, решается одна задача. Наиболее распространенными могут быть следующие формулировки: “выявить”, “определить”, “сформулировать”, “обосновать”, “разработать”. Нецелесообразно ставить задачу “проанализировать”, так как данная формулировка в качестве решения предполагает всего лишь применение общенаучного метода анализа, что само по себе не имеет научно-практической ценности»¹⁸⁹.

Важным этапом первой стадии является определение *методологии научного исследования*, содержание которой было рассмотрено в первой части нашего учебного пособия. Сейчас же ограничимся следующими замечаниями. По мнению авторов «Методических рекомендаций...», «методологическая основа должна быть представлена в виде перечисления методов или методологических подходов, которые использовались в ходе написания работы. Их можно перечислять по группам (общенаучные и частнонаучные) или не разделяя. Основным условием упоминания того или иного метода становится умение соискателя объяснить, где (глава, параграф, страница), как и для чего был использован тот или иной метод. Например, “дедуктивный метод использован при определении места виктимологического предупреждения в системе обеспечения безопасности осужденных от криминальных угроз при отбывании лишения свободы. При разработке понятийного аппарата, связанного с тематикой исследования, использовались методы индукции, анализа и синтеза. Изучение показателей пенитенциарной виктимизации осужденных проходило с помощью метода статистического анализа. Методы структурного анализа и моделирования использовались при изучении личности осужденного, потерпевшего от пенитенциарного преступления и виктимогенных ситуаций. Методы сравнительно-правового и системно-структурного анализа

¹⁸⁹ Методические рекомендации ... С. 8—9.

позволили выявить пробелы в действующем законодательстве, регулирующем предупреждение пенитенциарной преступности и защиту прав и свобод осужденных. Осуществлено доктринальное толкование отдельных правовых норм»¹⁹⁰.

Программа конкретного юридического исследования в подавляющем большинстве случаев (если работа не является философско-теоретической по своему содержанию) предполагает также уяснение его *нормативной основы*. Нормативной основой будут являться не только «международные договоры и нормативные правовые акты, которые исследовались в работе и послужили правовой базой положений, выносимых на защиту, и основных выводов автора», как указывается в «Методических рекомендациях...»¹⁹¹, но и все иные формы внешнего выражения нормативности права, которые предполагается использовать. Это могут быть судебные решения прецедентного характера, правовые обычаи, юридическая и политическая доктрина, в некоторых случаях — религиозные нормы, имеющие юридическое значение.

Для формулирования программы научного исследования также необходимо определить его *теоретическую основу* — научные труды, которые обусловили общие концептуальные подходы к достижению цели и решению поставленных задач. Этот раздел «формулируется так же, как рубрика “степень научной разработанности”, но более кратко. Если тема мало исследована, допускается в качестве теоретической основы упомянуть статьи или иные научные произведения»¹⁹².

Если исследование не носит сугубо теоретический характер, то его программа должна содержать *эмпирическую основу*. Ее составляют используемые научные факты (или — фактологический материал). Это могут быть «упоминания о материалах прокурорской, судебной и иной правоприменительной практики, статистических данных, а также документах и источниках, не имеющих нормативного правового характера»¹⁹³.

Автору конкретного юридического исследования перед его проведением необходимо определиться с предполагаемой *научной новизной*, о которой уже речь шла выше. «Научная новизна исследования представляет собой совокупность новых результатов —

¹⁹⁰ Там же. С. 9.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

конкретных итогов решения поставленных в параграфах задач, доказанных выводов. Формулируется научная новизна, как правило, одним или несколькими предложениями с конкретным перечислением научных достижений, содержащихся в работе, обладающими признаками новизны. Формулировка научной новизны важна в силу того, что именно она во многом определяет научную ценность работы и ее соответствие критериальным квалифицирующим признакам. Отмечая признаки новизны в автореферате и диссертации, следует избегать крайностей. Так, необоснованно утверждать, что исследование по теме проведено впервые; автор внес “существенный” вклад в науку; “путать” новизну с положениями, выносимыми на защиту. Истинно новым может быть только тот прирост знания, который появился в науке в результате проведенного исследования»¹⁹⁴.

Пожалуй, важнейшим разделом программы конкретного юридического исследования является раздел, в котором излагаются *рабочие гипотезы*. На завершающем этапе оформления результатов научного исследования они формулируются как *положения, выносимые на защиту* (далее — ПВЗ). Как указывается в «Методических рекомендациях...», «они могут содержать: авторские или уточненные автором определения/дефиниции, авторские выводы, принципы чего-либо, классификации, перечни, элементы, особенности или характерные черты чего-либо, направления, пути совершенствования, оптимизации и т. п. Традиционно последнее ПВЗ содержит какие-либо практические предложения о совершенствовании правового регулирования исследуемой области правоотношений. При этом нецелесообразно выносить на защиту проекты нормативных правовых актов, представленных в приложениях, поскольку, по вполне обоснованному мнению представителей ВАК при Минобрнауки России, это является закономерным следствием научно обоснованных решений, но не они сами. <...> ПВЗ должны быть изложены кратко, емко и информативно. Типичной ошибкой является многословие диссертанта при формулировании положений; неумение диссертанта сосредоточиться на главном — сформулировать предложения, касающиеся сути исследуемой проблемы; выдвижение в качестве ПВЗ общеизвестных предложений, не нуждающихся в доказывании.

¹⁹⁴ Там же. С. 10.

При самостоятельной проверке работы необходимо выявить четко выраженную связь: 1-й параграф существует, чтобы реализовать 1-ю задачу в виде 1-го ПВЗ с последующим указанием на это в научной новизне. Для этого целесообразно положить перед собой страницы работы, на которых в указанной ниже последовательности содержатся: задачи исследования — названия параграфов — ПВЗ — научная новизна.

Желательно, чтобы все частные задачи (и, соответственно, параграфы) в качестве результата имели ПВЗ. Исключение могут составлять параграфы, в которых рассматриваются относящиеся к теме исследования история и зарубежный опыт. Результатом их написания могут быть теоретические выводы и практические рекомендации, необходимые для дальнейшего исследования, в том числе в процессе формулирования и доказывания ПВЗ»¹⁹⁵.

Программа конкретного научного исследования содержит еще две рубрики: теоретическая и практическая значимость работы. **Теоретическая значимость** «выявляется путем определения важности конкретных теоретических выводов и ПВЗ, обладающих новизной, для правовой науки. Формулируется как возможность дальнейшего использования результатов исследования в конкретных отраслях знания. **Практическая значимость** предполагает указание на возможность дальнейшего применения предложенных автором практических рекомендаций (содержащихся в приложениях проектов нормативных правовых актов, методических рекомендаций и т. п.)»¹⁹⁶.

Программа научного исследования затем реализуется в его проведении и воплощается в объективированный результат — научную публикацию. Для диссертационных исследований этот важный момент называется **апробацией результатов исследования**. Последняя может осуществляться «в следующих формах: выступление соискателя на научных и научно-практических международных, всероссийских, межвузовских и внутривузовских конференциях; внедрение результатов исследования в деятельность практических подразделений (требуется акт о внедрении); использование при преподавании учебных дисциплин в вузах (требуется акт (справка) о внедрении); публикации, монографии, научные статьи, учебные издания и т. п.»¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Там же. С. 11.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

2.3. Традиционные методики конкретного юридического исследования

Методику конкретного юридического исследования образует совокупность приемов, способов использования определенных методов научного исследования для достижения конкретной цели¹⁹⁸. Так понимаемая методика конкретного юридического исследования представляет собой применение всеобщих и общенаучных методов к анализу правовой реальности.

Традиционные конкретные методики в юридических исследованиях можно классифицировать на теоретические (догматические) и эмпирические (иногда именуемые прикладными)¹⁹⁹.

Среди классических методик конкретного юридического исследования наиболее распространенной является *описание*. Описание предшествует всем иным методикам и лежит в их основе. Описание, в свою очередь, основано на наблюдении — сборе первичной информации посредством ее регистрации наблюдателем²⁰⁰. К описанию уместно относить анализ документов, введение в научный оборот сведений о каких-либо явлениях, событиях, имеющих определенную научную или практическую ценность²⁰¹.

Методика *догматического (или формально-юридического) анализа*. Любое конкретно-юридическое исследование основывается на правилах, приемах интерпретации и оценки юридических явлений, представленных в понятийной форме. Это и составляет содержание догматической методики в юриспруденции. Она предполагает оперирование научными понятиями, установление связей между ними, их классификацию, формулирование новых

¹⁹⁸ Близким понятием является «исследовательская процедура», под которой В. М. Сырых понимает «относительно самостоятельную часть научного исследования, осуществляемую в методологически детерминированной форме и направленную на решение какой-либо конкретной познавательной задачи». — Сырых В. М. История и методология ... С. 277.

¹⁹⁹ Хотя в большинстве случаев научные исследования, особенно диссертационные, включают и теоретическую и эмпирическую составляющие.

²⁰⁰ О видах наблюдений в юриспруденции см. подробнее: Корнев А. В. Методологические основания и методы социолого-правовых исследований // Проблемы истории ... С. 392—394.

²⁰¹ О понятии, видах и правилах описания в юридическом исследовании см. подробнее: Сырых В. М. История и методология ... С. 278—284. В то же время трудно согласиться с мнением известного методолога, утверждающего, что описание включает «систематизацию эмпирического материала». Систематизация это больше, чем описание, и относится к догматической методике, которая основана на описании того, что может быть систематизировано.

понятий и т. п. В то же время все это основано на описании нормативного материала. Поэтому к догматической методике относятся процедуры описания, классификации, формулирования, объяснения, аргументации и критики определений понятий²⁰².

Догматическая методика работы с правовыми текстами включает прежде всего системный метод, или метод структурного анализа, когда научные понятия, воспроизводящие юридические явления и процессы, соотносятся с другими понятиями, принимаемыми в качестве аксиомы, как правило, на основе дедукции (хотя может быть использована и индукция). Для этого используются приемы и способы толкования как юридически значимых ситуаций, так и норм права для последующего их сопоставления (юридической квалификации). В результате такого описания нормативного материала может быть произведена его классификация, систематизация, что также относится к догматическому методу²⁰³. Кроме того, на основе догматического анализа может быть осуществлена оценка нормативного материала и сформулированы предложения по его совершенствованию²⁰⁴. Однако последнее уже выходит за рамки традиционной юридической догматики и относится к политике права. Юридическая догматика сводится к толкованию норм права и методу конструкции. «Метод юридической конструкции представляет собой последовательное применение приемов юридического анализа (сведение юридического материала к простым элементам), логической концентрации материала вокруг центрального понятия и систематического расположение материала»²⁰⁵.

²⁰² Сырых В. М. История и методология ... С. 277.

²⁰³ «Немецкие пандектисты утверждали, что посредством описания фундаментальных элементов права ученые овладевают инструментами, которые делают возможным научное развитие права — системное, логически последовательное, возвышающееся над исторической изменчивостью норм и неприкосновенностью статей кодекса “низшей юриспруденции”». — Михайлов А. М. Генезис ... С. 307.

²⁰⁴ Так, В. М. Сырых к догматической методике относит шесть исследовательских процедур: 1) сбор источников права и выяснение их способности содержать действующие нормы права; 2) толкование норм права; 3) оценка качества выявленных норм права; 4) формулирование обобщенных положений, оценок; 5) объяснение полученных исследовательских результатов; 6) изложение результатов исследования. — Сырых В. М. История и методология ... С. 328.

²⁰⁵ Михайлов А. М. Генезис ... С. 302. Я. М. Магазинер догматический метод описывал следующим образом: «После проведения анализа из букв юридической азбуки составляются основные юридические слова — понятия, каждому из которых дается определение при помощи указания его места в системе и отли-

Эта методика возникает при зарождении юридической науки в школе глоссаторов, развивается постглоссаторами и получает наиболее законченное развитие в немецкой исторической школе права и у пандектистов. Так, Г. Ф. Пухта — основатель пандектистики — полагал, что «вся правовая материя происходит из народного духа, является разумной, поэтому одно положение может быть развито из другого. Все отдельные правоположения представляют собой органическое целое. Задача юридической науки сводится, таким образом, к познанию юридических положений в их систематической связи»²⁰⁶.

Методика анализа юридических ситуаций, норм права и понятий — важный элемент научного исследования правовой реальности. Однако она сама по себе не дает приращения новых знаний, так как, по сути, является методикой догматичной, исходящей из принятых аксиом, которые в рамках данного метода и принятой «системы координат» не могут быть подвергнуты критической оценке²⁰⁷. Поэтому эта методика должна быть дополнена другими, прежде всего эмпирическими, методиками.

Методика *опроса общественного мнения*²⁰⁸. Это наиболее распространенная в социологии методика, активно применяемая в юридических исследованиях, как для изучения обще-

чительных признаков. Затем юридическим словам дается надлежащая классификация на основе существенных сходств между ними. Родственные понятия объединяются в правовые институты — совокупность правовых явлений, связанных единством определенного правоотношения (брак, наследование и т. п.). Важнейшие институты соединяются в отделы права, которые, в свою очередь, образуют систему отрасли или правопорядка». — Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства : избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. С. 56—57. Цит. по: Михайлов А. М. Генезис ... С. 302. Необходимо заметить, что образование институтов права не может быть научной задачей: это нормотворческая деятельность, что не исключает формулирование модели, предлагаемой нормотворческому органу.

²⁰⁶ Дьячек Т. И. Правовое учение Георга Фридриха Пухты: догматический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 17.

²⁰⁷ А. М. Михайлов справедливо пишет: «Социологически ориентированные ученые-юристы первыми указали на методологический изъян юриспруденции понятий, заключающийся в убеждении, что исключительно логическим путем из одних понятий можно вывести новые правоположения и понятия. Обоснованно утверждалось, что логическим путем невозможно вывести никакие новые правоположения, которые бы уже изначально не содержались в том юридическом материале, с которым осуществляются логические операции». — Михайлов А. М. Генезис ... С. 325.

²⁰⁸ См. подробнее: Честнов И. Л. История и методология ... С. 251—257. См. также: Корнев А. В. Указ. соч. С. 390—392.

ственного мнения по юридическим вопросам, так и при опросе экспертов. При этом используется либо анкетирование (составляющее 90—95 % от всех социологических методов), либо интервьюирование. Анкетный опрос проводится по достаточно жестко фиксированному порядку, относящемуся к содержанию и форме вопросов, и подразделяется в зависимости от способа формулирования вопросов на закрытый и открытый. В первом случае все варианты ответов заранее предусмотрены, а во втором респонденту предоставляется свобода в самостоятельном выборе ответа. Достаточно часто используются также полужакрытые анкеты, комбинирующие обе процедуры. Интервью — это непосредственная беседа, т. е. словесное общение интервьюера и респондента, проводимая для получения информации.

На валидность информации, получаемой из анкеты или интервью, влияет, во-первых, формулировка вопроса. Имеется в виду прежде всего степень его понятности. К сожалению, в многочисленных опросах общественного мнения часто имеет место либо навязывание респондентам точки зрения интервьюера, либо выявление отсутствия у большинства населения четких представлений по сложным явлениям. Не следует задавать респондентам вопросы, которые уместны только для специалистов²⁰⁹. Кроме того, социологами установлено, что даже незначительные изменения в формулировке вопроса могут вызвать существенные различия в ответах²¹⁰. С другой стороны, результат ответа обусловлен тем, насколько единообразно понимают оценочный и поли-

²⁰⁹ Примерами таких вопросов являются: сколько социальных классов сегодня существует во Франции? каковы причины упадка коммунистической партии или преступности среди молодежи? — Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра : пер. с фр. М., 1997. С. 114.

²¹⁰ См.: Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. М., 2002. С. 15. В качестве примера можно привести следующий вопрос: совершили ли США ошибку, приняв решение защищать Южную Корею? (да — 49 %, нет — 38 %). Если же его переформулировать с «политическим акцентом»: правильно ли поступили США, направив войска в Южную Корею для предотвращения вторжения коммунистов? — то результат получится уже другим (да — 55 %, нет — 36 %). — Там же. С. 17. См. также: Шампань П. Указ. соч. С. 144, 149, 151. Так, на вопрос, считаете ли Вы, что сегодня государство ориентировано на изменение политики в области экономики энергии, положительные ответы могут составить всего от 23 % до 66% в зависимости от того, предусмотрены ли только варианты ответа «да», «нет», «не знаю» и «затрудняюсь ответить» или «да, очень решительно», «да, но осторожно», «да, но частично», «да, но непоследовательно», «нет», «не знаю», «нет ответа». — Там же. С. 113.

семичный (многосмысловой, метафоричный) вопрос интервьюер и респондент²¹¹. Несомненно также влияние стремления к одобрению (оценке) со стороны интервьюера избираемого респондентом ответа. Практически каждый хочет выглядеть в глазах даже незнакомого человека хорошим, честным и т. д. Результат опроса зависит во многом и от степени абстрактности задаваемого вопроса (например, при формулировке «должно ли государство проводить социальную политику?» положительных ответов будет достаточно много, но если его конкретизировать: «следует ли для проведения социальной политики увеличить подоходный налог?», то доля положительных ответов значительно снизится). В этой связи уместна рекомендация, которую дает П. Шампань: формулировать не закрытые вопросы, а открытые или такие, которые респондент сформулировал бы сам по данной проблеме²¹².

Анализ конкретных способов проведения опроса общественного мнения целесообразно связать со спецификой задаваемых вопросов, т. е. той информацией, которую желательно получить в ходе опроса. В таком случае выделяется поведенческая информация (вопросы) и информация о психических установках и субъективных мнениях. В свою очередь, поведенческие вопросы подразделяются на нейтральные и вызывающие опасения у респондента.

Нейтральные поведенческие вопросы — это такие, которые не вызывают опасения у респондента. Единственной, по сути, проблемой здесь является человеческая память, человеку свойственно забывать некоторые, порой важные, моменты в его жизни. Поэтому главной рекомендацией, касающейся опроса, связанного с нейтральной поведенческой информацией, является стимулирование мнемонической активности респондента. Так, задавая закрытый вопрос, необходимо включать все значимые альтернативы ответа. При подозрении в неполном ответе желательно активизировать воспоминания (например, введением каких-либо напоминаний). Сами же вопросы должны быть составлены максимально конкретно. Именно конкретизация задаваемого вопроса позволяет выявить реальное положение дел даже при стремлении ре-

²¹¹ Часто встречающиеся оценочные выражения, отмечают С. Садмен и Н. Брэдбери, свидетельствуют о небеспристрастности анкетирования. — Садмен С., Бредберн Н. Указ. соч. С. 15—16. Как отмечает П. Шампань, одного лишь лингвистического взаимопонимания вопроса недостаточно; необходимо практическое понимание вопроса и контекста формулируемой проблемы. — Шампань П. Указ. соч. С. 118—119.

²¹² Шампань П. Указ. соч. С. 121.

спондента к положительной оценке со стороны интервьюера. Например, вопрос о религиозной принадлежности респондента должен быть конкретизирован количеством посещений церкви (причем можно уточнить, за какой промежуток времени) или чтением какой-либо главы (можно уточнить, какой именно) Библии. Интересно, что при ответах на нейтральные поведенческие вопросы респонденты сообщают более точные сведения о себе, чем о родственниках или знакомых²¹³.

Для определения уровня безопасности/опасности задаваемых вопросов рекомендуется спросить у респондента, считает ли он задаваемый вопрос «правильным» или «неправильным», попытаться определить стереотип поведения как социально одобряемый для данной социальной группы. Проведенными исследованиями установлено, что на Западе некоторые опасения (о них стараются не распространяться) вызывают вопросы о болезнях, финансовом положении и ненормативном (незаконном) поведении.

Вопросы, которые вызывают опасения у респондента, требуют более серьезной подготовки интервьюера. Для получения достоверной (насколько это возможно) информации, которую респондент давать не слишком заинтересован, рекомендуется переформулировать вопрос в несерьезную форму, используя аргументацию распространенности такого поведения (например, многие сегодня употребляют спиртные напитки для расслабления после трудной работы, употребляете ли Вы спиртные напитки для снятия напряжения?), аргументацию нормальности поведения, считаемого морально отрицательным (например, медициной доказано, что употребление спиртных напитков в небольших дозах не вредит здоровью; в каких дозах употребляете спиртные напитки Вы?), аргументацию путем ссылок на известные авторитеты, путем переключения внимания на дополнительные вопросы, не вызывающие опасения у респондента²¹⁴.

Например, для выявления реальной политико-правовой активности населения рекомендуется начинать вопрос об участии в выборах предварительной беседой о том, что многие сегодня разочарованы в демократии и редко ходят на выборы. Затем можно уточнить, в каких именно выборах в последнее время

²¹³ Садмен С., Брэдберн Н. Указ. соч. С. 34.

²¹⁴ См. подробнее: Садмэн С., Брэдберн Н. Указ. соч. С. 65—97.

принимал участие респондент. В качестве контрольного вопроса можно узнать, где находится его избирательный участок²¹⁵.

После проведения опроса, вызывающего некоторые опасения у респондента, рекомендуется произвести оценку задаваемых вопросов. Для этого у респондента уточняется, какие из заданных вопросов оказались неясными или непонятными, слишком личными, неприятными. Проведенными исследованиями установлена следующая степень затруднения при ответах на вопросы: об употреблении наркотиков — 42,2 %, о сексе — 41,5 %, об употреблении стимуляторов и депрессантов — 31,3 %, о состоянии опьянения — 29,0 %, о доходах — 12,5 %, об участии в азартных играх — 10,5 %, об употреблении спиртных напитков — 10,3 %, о досуге — 2,4 %, о занятиях спортом — 1,3 %.

Опрос о знаниях, измеряющих субъективные мнения и установки респондентов, предполагает несколько большую изобретательность в формулировке вопросов по сравнению с опросом, касающимся поведения респондента. Формулировки этих вопросов направлены на выявление мнения респондентов. Поэтому здесь необходимо четко определить круг индивидов, обладающих соответствующей информацией, и соотнести уровень сложности вопросов с уровнем знаний респондентов и целью исследования.

Подавляющее большинство такого рода опросов являются проверкой реальных знаний в определенной области. Например, это может быть проверка знания Конституции Российской Федерации, основ уголовного или гражданского законодательства. Достаточно корректным выглядит такой вопрос: какая из перечисленных целей является основной для ООН — борьба с болезнями, поддержка мира, распространение демократии, борьба с коммунизмом?²¹⁶

С помощью опроса измеряются также установки (в англо-американской традиции используется термин *аттитюд*) респондентов, т. е. их предрасположенность, как правило не осознавае-

²¹⁵ Завышение сведений об участии в президентских выборах в США составляет 10 — 13 %, а в местных выборах — до 30 %. — Садмэн С., Бредберн Н. Указ. соч. С. 71. Поэтому контрольный вопрос, позволяющий выявить реальное участие в выборах, совершенно необходим.

²¹⁶ Садмэн С., Бредберн Н. Указ. соч. С. 112. Такие вопросы, ко всему прочему, дают информацию о господствующих в данном обществе стереотипах, представлениях.

мая, к определенному типу поведения²¹⁷. Валидность методик исследования установок проверяется их сопоставлением с фактическим поведением. Структура установки включает три аспекта: эмоциональный, или оценочный (нравится, одобряется ли объект установки или нет), когнитивный (что субъект знает и думает по поводу объекта установки) и деятельностный (выражается в желании, намерении субъекта что-либо сделать по отношению к объекту установки).

Оценка силы установки должна быть применима ко всем трем ее аспектам в категориях «сильная — слабая» оценка, «полное» — «неполное» знание, «активное — пассивное» намерение действия (возможна и более сложная шкала оценок). Например, отношение к выборам: какова их оценка, каково знание о них (когда пройдут следующие выборы) и намерен ли респондент принять в них участие. Другой пример: считаете ли Вы себя политически активным, не слишком активным, пассивным? Относите ли Вы себя к какой-либо политической партии (какой именно)? Считаете ли Вы себя активным сторонником этой партии, не слишком активным, пассивным?

Установка может быть измерена и другими, не опросными методами. Так, могут быть использованы физиологические методы, фиксирующие кожно-гальванические реакции при предъявлении соответствующего стимула, анализ ЭКГ, частоты сердечных сокращений, дыхания и прочих физиологических изменений, сопровождающих эмоциональную реакцию на объект.

Поведенческие методы измерения установки направлены на выявление предрасположенностей, которые открыто не проявляются по тем или иным причинам. Среди таких методик выделяются: замер шума аплодисментов при появлении артиста на сцене для обнаружения его действительной популярности; выявление частоты посещения определенных сайтов в Интернете; метод потерянных писем²¹⁸ и др.

²¹⁷ См. подробнее: Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002 ; Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., 1999.

²¹⁸ Этот метод состоит в следующем: исследователь разбрасывает в разных частях города большое количество неотправленных писем с адресом и маркой. Нашедший их человек должен решить — отправлять его или нет. Тем самым демонстрируется позитивное или негативное отношение к соответствующей организации или человеку — адресату. Таким методом в 60-е годы XX века

Для того чтобы опрос проводился качественно и эффективно, опросный инструментарий должен быть подвергнут когнитивному анализу — анализу мыслительных процедур, используемых респондентом при восприятии вопроса и формулирование ответа на него. Если проще, то суть когнитивного анализа опросного инструментария состоит в том, чтобы установить, что думает респондент, отвечая на вопрос²¹⁹. Такой инструментарий, в том числе, направлен на экспертизу и корректировку задаваемых вопросов. Благодаря ему снижается семантическое многообразие слов, терминов, выражений, содержащихся в вопросах, и повышается качество коммуникации между респондентом и интервьюером.

В рамках когнитивного инструментария используется преимущественно два вида методик: методика когнитивного интервью и методика поведенческого кодирования. Методика когнитивного интервью направлена на вовлечение респондента в процесс тестирования вопросника: респонденту предлагается отразить причины (мотивацию) ответа на заданный вопрос, артикулировать свои размышления, показать свое понимание вопроса и своей формулировки ответа. Особое значение когнитивное интервью имеет для выявления степени понимания полисемичных терминов, коих достаточно много в юридических текстах, степени понятности вопросов, понимания соответствия вопроса и цели интервью, выявления «лучших» вопросов, распределения ответов в зависимости от различных версий вопросов. При этом применяются: метод парафразы (респондента просят переформулировать заданный вопрос в традиционных для него лексических единицах); метод оценки уверенности (по соответствующей шкале измеряется степень трудности вопросов); метод артикулированного суждения (выявление причины-мотива выбора именно этого ответа, для чего предлагается проговорить все мысли, пришедшие в голову при анализе вопроса)²²⁰.

Методика поведенческого кодирования состоит в мониторинге прохождения интервью, позволяющем формализовать коммуникацию и выделить переменные, ее (отдельные стадии) описывающие. Для этого составляется таблица, включающая поведение интервью-

Милграм изучал отношение населения Гонконга к коммунистам. — См.: Рабинович А. О. Аттитюд // Социология : энциклопедия. Минск, 2003. С. 72.

²¹⁹ См. подробнее: Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М., 2002.

²²⁰ Там же. С. 12—14.

юера (степень его отклонения от смысла задаваемого вопроса) и поведение респондента (прерывания, уточнения, адекватные ответы, уточняющие ответы, неадекватные ответы, отказ от ответа)²²¹.

Другими способами тестирования задаваемых вопросов являются метод экспертных оценок, метод кодирования вербального протокола, метод измерения времени, затрачиваемого на ответы для обнаружения степени трудности вопросов, и др.

Утверждая перспективы метода опроса общественного мнения, нельзя не заметить, что уже в конце XX века возникли серьезные сомнения в его адекватности. Это связано с тем, что объект исследования — общественное мнение — не есть некая данность, а конструктор со стороны власти: многочисленных центров власти сложноструктурированного, мультикультурного постсовременного социума, ведущих борьбу за право официальной номинации социальных явлений и процессов, а тем самым, за формирование того, что ранее считалось «объективно» существующим. «Не существует “настоящего общественного мнения”, — утверждает П. Шампань, — есть только вера в возможность его правильно изучить и измерить. <...> Парадокс ситуации, сложившейся в результате развития технологии опросов, заключается в том, что никогда прежде акторы политического и журналистского поля не тратили столько денег на то, чтобы узнать, чего хочет “народ”, и никогда, в конечном счете, они не знали о нем так мало. Можно легко доказать, что техника опроса, которой пользуются специалисты по опросам, дает лишь отдаленную и искаженную картину действительных социальных представлений... Те, кто заплатит за вопросы, т. е. обладают властью задать их публично, следовательно, навязать их всем в качестве необходимых вопросов, по меньшей мере предлагают свое видение социального мира, свою точку зрения и свой способ постановки проблем общества»²²². В то же время экспертные опросы, проводимые в форме глубинного интервью, во многом лишены указанных недостатков.

Чрезвычайно распространенным в юриспруденции является *сравнительный метод*²²³. Он позволяет соотнести изучаемое явление с другими явлениями и тем самым гораздо лучше выявить его существенные характеристики. Однако, несмотря на многочисленную литературу по сравнительному правоведению,

²²¹ Там же. С. 14—17.

²²² Шампань П. Указ. соч. С. 129, 199—200.

²²³ См. подробнее: Честнов И. Л. История и методология ... С. 257—260.

приходится констатировать, что этот метод (точнее — методика, основанная на всеобщем методе сравнения) в юриспруденции разработан крайне недостаточно. Поэтому обратимся к социологической и политологической литературе, в которой методологические проблемы сравнительного анализа изучены гораздо лучше²²⁴.

*Сравнение как таковое — это выявление общего и особенного в сравниваемых объектах, явлениях. В результате можно обнаружить эмпирические законы соответствия (корреляции), последовательности условий и явлений (каузации) или отношения подобия, хотя само по себе сравнение — не более чем описание, иллюстрация, средство подтверждения некоторой гипотезы*²²⁵. По мнению В. М. Сырых, сравнительные правовые исследования проводятся «в целях выявления общего и особенного, присущего системам права двух государств и более либо системам права субъектов федеративного государства. Их предметом выступают общие и специфические черты, признаки отдельных норм права, правовых институтов, отраслей права, входящих в систему двух государств и более»²²⁶.

В основе методики сравнения лежит выявление отношений между заранее выделенными переменными. При этом выделяют зависимые переменные (выступающие как результат воздействия некоторых условий, обстоятельств) и независимые (характеризующие эти условия и обстоятельства), а также «вмешиваю-

²²⁴ Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд и др. М., 2002 ; Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994 ; Сморгунов Л. В. Сравнительная политология : Теория и методология измерения демократии. СПб., 1999 ; Его же. Современная сравнительная политология : учебник. М., 2002 ; Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. Обращаем внимание, что в этих работах рассматриваются именно методологические проблемы сравнения, а не просто приводятся результаты сравнительных исследований. Из юридических исследований метода сравнительного правоведения можно выделить: Ансель М. Методологические проблемы сравнительного правоведения // Очерки сравнительного права / отв. ред. В. А. Туманов. М., 1981 ; Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. М., 1998. Т. 1 ; Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996 ; Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть : учеб. для юрид. вузов. М., 2001. Пожалуй, единственным монографическим исследованием методологии сравнительного правоведения на постсоветском пространстве является монография А. Д. Тихомирова: Тихомиров А. Д. Юридическая компаративистика: философские, теоретические и методологические проблемы. Киев, 2005.

²²⁵ Сморгунов Л. В. Сравнительная политология ... С. 35.

²²⁶ Сырых В. М. История и методология ... С. 335.

щиеся» (оказывающие определенное воздействие на связь зависимых и независимых переменных). Важное значение при сравнительных исследованиях придается также выбору параметров — постоянных характеристик (качеств) объекта. Вслед за В. М. Сырых можно выделить нормативные и функциональные критерии сравнимости. «Нормативные критерии — это признаки, свойства, присущие непосредственно сравниваемым нормам права, институтам или отраслям права. Они берутся непосредственно из самих сравниваемых законодательных фрагментов. Функциональные критерии лежат за пределами сравниваемых фрагментов. Чаще всего в этом качестве выступают социальные проблемы, для решения которых используются соответствующие нормы права, правовые институты или отрасли права»²²⁷.

При проведении сравнительно-правовых исследований возникают достаточно серьезные методологические проблемы, на которых следует остановиться подробнее.

1. Проблема сравнимости. Условием сравнения являются некоторая относительная схожесть и различие исследуемых объектов, явлений. Тожественные и абсолютно несхожие явления сравнительному анализу не поддаются. Поэтому необходимо найти «золотую середину» того и другого. При исследовании отношения зависимых и независимых переменных рекомендуется выбирать объекты, схожие по большинству параметров, хотя можно использовать максимальное различие для выявления их контрастности.

2. Проблема эквивалентности понятий и процедур, используемых в исследовании. Она связана с проблемой лингвистической относительности, т. е. невозможности адекватного перевода содержательных понятий с языка одной культуры на язык другой²²⁸. Поэтому перед проведением сравнительного исследования необходима концептуализация и по возможности операционализация основных понятий, терминов, на основе которых

²²⁷ Там же. С. 339—340.

²²⁸ С этой проблемой столкнулись, в частности, японцы, когда в конце XIX века проводили реформы своего законодательства по образу и подобию западноевропейского: оказалось, что в японском языке нет адекватного эквивалента английскому *freedom*, так как соответствующий японский термин означает эгоизм, что для японцев высшей ценностью не является. В каком же смысле тогда можно говорить о правах человека в Японии? — См.: Doi T. *The anatomy of dependence*. Tokyo, 1981. P. 84—85 ; White M. *The Japanese educational challenge: A commitment to children*. N.Y., 1987. P. 24.

оно будет производиться. При этом желательно сходство индексов и индикаторов сравниваемых объектов. Для установления единства используемых в разных культурных контекстах понятий рекомендуется процедура обратного перевода, предварительного зондажа используемых понятий.

3. Проблема универсальности: отражают ли общие понятия реальное содержание правовых процессов и явлений в различных культурно-исторических контекстах? Для преодоления этой, вытекающей из предыдущей, проблемы рекомендуется сравнение, проводимое по нескольким уровням абстрактности выделяемых процессов.

4. Проблема интерпретации сравниваемых явлений: одно и то же правовое явление имеет разные смыслы в различных культурно-исторических контекстах. Способом преодоления этой проблемы может быть реализация идеи, высказанной Л. Витгенштейном, состоящей в том, что смысл слова может быть обнаружен только в контексте его использования, применения. Поэтому сравнительный анализ, например, демократического политического режима или прав человека в различных странах должен быть конкретизирован условиями (способами) их практического воплощения и анализом значений, им придаваемых в соответствующей культуре.

Существуют и другие проблемы методологического свойства, относящиеся к сравнительному анализу²²⁹. При проведении конкретных сравнений используются следующие методики: 1) *case study* — анализ отдельного случая, одного конкретного правового института, явления и его сравнение с другим отдельным конкретным явлением. Используется для интерпретации данного явления с точки зрения определенной теории, для проверки (подтверждения) теории, гипотезы, для изучения отклоняющихся от нормы явлений; 2) бинарное сравнение — исследование двух явлений для выявле-

²²⁹ См.: Сморгун В. В. Сравнительная политология ... С. 40—48. По мнению В. М. Сырых, в зависимости от широты предмета сравнительные правовые исследования подразделяют на четыре уровня: 1) исследования микроуровня, ограниченные сравнением отдельных норм права; 2) институциональный уровень, ориентированный на изучение отдельных правовых институтов; 3) отраслевой уровень, имеющий своим предметом сравнительное изучение отдельных отраслей права; 4) макросравнения, проводимые на уровне правовых систем в целом. Он выделяет также глобальный уровень сравнительного изучения правовых систем, предметом которого выступают все ныне действующие системы права. — Сырых В. М. История и методология ... С. 336.

ния общего и особенного в них; 3) региональное сравнение — сравнение групп регионов, государств с точки зрения схожести и различия их некоторых параметров (например, уровня преступности); 4) глобальное сравнение — анализ некоторых параметров (например, преступности) в мировом масштабе (в большинстве стран мира, в регионах мира). Эти исследования стали наиболее популярными в 60-е годы XX века в связи с появлением «глобальной» статистики, однако в 90-е годы их интенсивность несколько упала из-за проблемы сравнимости; 5) кросс-темпоральное исследование, включающее переменную времени, т. е. динамический анализ: динамику изменения какого-либо явления, свойства изучаемого объекта в определенный промежуток времени. Это может быть как локальный уровень сравнения, так и глобальный²³⁰.

Таковы наиболее распространенные методики, традиционно используемые в «классической» юриспруденции. Формирование постклассической юридической науки ставит на повестку дня вопрос о новых методиках научных исследований, дополняющих «классические».

2.4. «Качественные» методики конкретного юридического исследования

Специфика социального мира, как было показано в первом разделе нашего учебного пособия, состоит в его означенности и осмысленности, знаковом опосредовании действий, их результатов, предметов материального мира и самих людей. Поэтому для адекватного анализа социальных явлений и процессов (включая право) необходимы такие методики, которые позволяли бы выявлять социальные значения и индивидуальные смыслы, приписываемые действиям, их результатам, предметам, самим себе, т. е. выявлять суть социального. Классических количественных методов в этом деле явно недостаточно: невозможно в килограммах или сантиметрах эксплицировать специфику правомерного поведения или совершения действия, квалифицируемого как правонарушение. С точки зрения постклассической методологии специфика социальности (а значит — и «юридического») состоит во взаимообусловленности позиции «внешнего» наблюдателя, выражающейся в структурном (или структурно-функциональном)

²³⁰ О видах сравнительных исследований см. подробнее: Сморгунов Л. В. Сравнительная политология ... С. 49—53.

анализе, представляющем социальные процессы и явления как intersubjective институты, «внутренней» позиции действующего актора — участника соответствующего процесса и исторического и социокультурного контекста. Поэтому в конце XX века в рамках «гуманистической социологии», возникшей в результате антропологического поворота, достаточно активно стали развиваться методики, позволяющие зафиксировать субъективную значимость социальных явлений, направленные на раскрытие их субъективного смысла. Они и получили наименование качественных методов или методик²³¹.

Первоначально «качественные» методики представляли собой ситуативный анализ, производимый в терминах самих участников исследуемого социального явления²³². ***«Классическое» качественное исследование предполагает описание социального объекта в его естественном состоянии, использование преимущественно индуктивной логики, само же исследование носит исключительно открытый характер, без сформулированных заранее гипотез***²³³. Как человек (носитель статуса субъекта права в юридических исследованиях) интерпретирует социальный мир и себя в нем, почему он совершает те или иные действия или чем мотивируется его поведение — вот главные вопросы «качественного» научного исследования в области права. Основное внимание в такой программе должно быть направлено на то, какой смысл (замысел) придавал автор — законодатель или референтная группа относительно правовых обычаев — той или иной форме права, как она (форма права) воспринимается правоприменителем, доктриной и обыденным правосознанием. Последний аспект представляется наиболее важным, так как право действует через преломление в действиях и интериоризацию в ментальных образах широких народных масс. От того, каков об-

²³¹ См. подробнее: Страусс А., Кобрин Д. Основы качественного исследования : Обоснованная теория, процедуры и техники. Изд. 2-е, стереотип. М., 2007 ; Честнов И. Л. Постклассическая методология в юриспруденции // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 87—95 ; Его же. История и методология ... С. 260—271.

²³² Именно такое исследование польского крестьянина в Америке (его адаптацию к новым условиям), ставшего первым примером «качественной методики», осуществили в 1918—1920 годы У. Томас и Ф. Знанецкий. — Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N.Y., 1958.

²³³ Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 45.

раз нормативно-правового акта у среднестатистического человека, зависит, будет ли он реально действующим актом или останется «мертворожденным» текстом, «пылящимся на полке».

При этом нельзя забывать о «структурных ограничениях», задающих контекст выбора поведения («произвола») актора. Под структурой постклассическая методология понимает не постулируемую «объективную данность», а модель факторов, которые принимаются как внешние. Социальная структура — это правила поведения, воспроизводимые практиками акторов, исходящие от социально значимого Другого (авторитетной и/или официальной инстанции). Структура находится в диалогическом отношении с действиями актора: она конструируется его действиями с помощью механизма институционализации, а затем обеспечивает формирование социализации и идентичности (в том числе юридической) личности²³⁴.

В то же время «качественное» социальное (и правовое) исследование акцентирует внимание на динамике структуры, ее воспроизводстве практиками, включающими социальные значения и личностные смыслы. Анализ динамического измерения правовой системы с точки зрения постклассической методологии ориентирован прежде всего на экспликацию процесса и результата дискурсивной борьбы социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации некоторых социальных явлений как наиболее значимых. Далее — на том, как им (так номинируемым социальным явлениям) приписывается (аскрибируется, по терминологии Г. Харта) юридический статус — как происходит их закрепление в юридических формах²³⁵. Затем — их воспроизводстве как правоприменителями, так и широкими слоями общества. Принципиально важен в этой связи анализ господствующих в соответствующей сфере юридических практик, социальных представлений о праве (ти-

²³⁴ Связь структуры и действия (индивида) или макро- и микропозиций (или измерений) — одна из наиболее сложных и актуальных в современной социальной теории. Теории структуризации Э. Гидденса, Г. П. Бурдьё, культуры и деятельности М. Арчер, системы и жизненного мира Ю. Хабермаса или многомерной социологии Дж. Александера — вот далеко не полный перечень исследований, в которых предпринимается попытка решения антиномии структуры и действия. — См. подробнее: Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002. С. 415—482.

²³⁵ Приписывание юридического значения Г. Кельзен называл вменением, а Г. Харт — аскрипцией.

пичных юридически значимых ситуациях), личностного фонового знания (или юридических личностных стереотипов), персонализации типизаций и идеализаций, индивидуальных смыслов, которыми персонализируются господствующие значения применительно к юридически значимым ситуациям в их интерпретации, а также мотивации.

Наиболее интересным и практически не исследованным в науке является изучение *юридически значимых типизаций и идеализаций и мотиваций*. Они представляют собой способы оценки ситуации как типичной на основе прошлого опыта. Типизация с позиции социальной феноменологии — это «превращение незнакомого в знакомое», схематизация текучей и изменчивой социальности²³⁶. На основе типизированных схем возникают идеализации — ожидания поведения от контрагента(ов) по ситуации в соотношении с собственными действиями. А. Шюц вслед за Э. Гуссерлем выделял две идеализации: «И-так-далее», представляющую собой «доверие» окружающему миру в том смысле, что известный мир останется таким же и имеющегося запаса знаний хватит для адекватности его восприятия и поведения в соответствии с ним, и «Я-могу-это-снова», позволяющую распространять положительный опыт на последующие ситуации²³⁷. Кроме того, А. Шюц называет еще две идеализации, связанные с взаимозаменяемостью перспектив восприятия мира и поведения в нем: «взаимозаменяемость точек зрения» и «совпадение систем релевантностей». В первой идеализации содержится допущение, что другой, будучи на моем месте, видел бы мир в такой же перспективе, что и я; и наоборот, я видел бы вещи в его перспективе, будучи на его месте. Во второй идеализации я допускаю, что различия в воззрениях и истолковании мира, которые возникают из индивидуальных биографий, являются в принципе нерелевантными. Мы действуем и понимаем друг друга так, как будто мы судим о вещах на основе одинаковых критериев²³⁸. Именно положительный опыт прошлых действий или информация, которой мы доверяем, являются основой последующих практических действий. Это же касается не только обывателя — человека, не отягощенного специальными юридическими знаниями,

²³⁶ Schuetz A., Lukman T. Strukturen der Lebenswelt. Neuwied, 1975. Bd. 1. S. 26.

²³⁷ Ibid.

²³⁸ Ibid. S. 74.

навыками и умениями, но и специалистов. Р. Познер — лидер экономического анализа права США — доказывает, что основным методом, используемым в правовой практике, является «практическое мышление». Последнее включает в себя «анекдоты, самоанализ, воображение, здравый смысл, сопереживание, приписывание мотивов, авторитет говорящего, метафоры, аналогии, обычаи, память, интуицию, ожидание регулярностей»²³⁹.

Мотивацию с позиций постклассической методологии уместно трактовать как цель, которую действующий субъект намерен достичь определенным действием в соответствующей ситуации. В связи с этим А. Щюц выделял мотив «для-того-чтобы», относящийся к проекту социального действия. Кроме того, мотивация относится и к прошлому субъекта — это мотив «потому-что», выступающий основанием для будущего предполагаемого поведения²⁴⁰. Именно мотивация преломляет потребности и интересы в поведение человека и определяется как личностными, идиосинкразическими факторами, так и соотносимыми с ними аспектами социальной и групповой, прежде всего, идентичности.

В юридически значимом взаимодействии люди руководствуются индивидуальными мотивами поведения, удовлетворяют соответствующие потребности, соотнося их с юридическими ожиданиями — ожиданиями адекватного поведения со стороны контрагента по взаимодействию и требованиями нормы права. При этом человек руководствуется преимущественно тремя основными мотивами, которые находятся в сложном пересечении и зачастую взаимодополняют друг друга: укрепление личной социальной значимости (например, карьерный рост); увеличение максимизации полезности (личной пользы); обеспечение стабильности существования (снижение нагрузки, увеличение предсказуемости, конформность) с учетом соотношения с возможным, должным или запрещенным поведением, сформулированным в норме права и конкретной жизненной ситуацией²⁴¹. В то же время в по-

²³⁹ Posner R. The Problems ... P. 73.

²⁴⁰ Schuetz A., Lukman T. Op. cit. Bd. 1. S. 209ff., 216ff.

²⁴¹ Поведение человека, как утверждается в социальной психологии, детерминировано как внешними факторами (в нашем случае — нормами права и рамками конкретной жизненной ситуации) так и внутренними — мотивами, установками, стереотипами поведения (идеализациями и типизациями юридически значимых ситуаций). О взаимовлиянии ситуации и ее интерпретации личностными факторами в человеческом поведении см.: Росс Л., Нисбетт Р. Указ. соч. С. 11 и след.

давляющем большинстве юридически значимых ситуаций человек не рефлексировывает (калькулирует свои действия), а руководствуется типизациями или стереотипами поведения, сложившимися на основе его личного опыта. Тем самым юридическая повседневность — это правовые ритуалы, «институты, воплощенные в людях»²⁴², воспроизводящие правовую реальность. Практики «юридической повседневности» и мотивация постепенно начинают изучаться юриспруденцией, преимущественно криминологией и криминалистикой применительно к деятельности по расследованию преступлений и выработке методик таковой.

Таким образом, анализ того, кто и как именно конструирует социальные правовые представления, например об общественной опасности некоторых деяний или явлений, как они воспринимаются населением и мотивируют их практики, — важнейшая задача постклассической методологии юриспруденции.

Представляется, что к качественным методикам следует относить те из них, которые делают акцент на рефлексивности социальных (и правовых) явлений, будучи по своей сути интерпретативными. Поэтому многие положения символического интеракционизма, феноменологии, понимающей социологии, этнометодологии, психодрамы, драматургии Э. Гофмана, психолингвистики, нарративной психологии, дискурс-анализа и других направлений гуманистической социологии и психологии образуют инструментарий качественных методик. Они не отменяют важность традиционных, количественных методов научного анализа, но дополняют их, акцентируя внимание на тех особенностях правовой реальности, которые остаются без внимания со стороны классической методологии.

Структура «качественного» исследования, в отличие от традиционного, может быть представлена следующей схемой: исходная рабочая гипотеза — сбор данных — их описание — их классификация — уточнение гипотезы — построение теории — итоговый документ. При этом на каждом этапе исследования происходит возврат к исходным данным. Наиболее важным, как представляется, здесь является требование соотнесения установки автора, действующего субъекта и социально значимого Друго-

²⁴² Именно так характеризует ритуал известный немецкий антрополог К. Вульф. — Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. М., 2009. С. 117.

го (структурных ограничений), а также постоянный учет обстоятельств контекста: места, времени и типа культуры²⁴³. Поэтому описание выступает в данном случае основанием для концептуального анализа, т. е. для построения теории описываемого явления. Для этого требуется обобщение сходных данных в соответствующую категорию. Затем необходимо осуществить контекстуализацию категорий: выяснить, при каких условиях они действуют. Далее следует выявить связи, зависимости между этими явлениями. Это, в свою очередь, — условие для классификации явлений. Тем самым происходит формулирование *мини-теории* — индуктивного обобщения отдельных явлений, концептуализация единичных фактов²⁴⁴. Эмпирическая информация об отдельных частях (сторонах) явления достраивается до целого его образа и превращается в «теорию данного явления»²⁴⁵. Затем, очевидно, данный отдельный случай, концептуализированный до уровня теории, сравнивается с другими аналогичными случаями.

Рассмотрим конкретные методики, используемые при проведении «качественного» исследования.

Во-первых, это *метод включенного наблюдения*. В отличие от обычного наблюдения, включенное наблюдение предполагает анализ изучаемой ситуации изнутри, с точки зрения действующего субъекта. Такой анализ принципиально важен, так как внешний наблюдатель практически всегда лишен возможности обратить внимание на те детали, которые укрываются от глаз непосвященного, но являются существенными для действующего субъекта или представителя иной (относительно наблюдателя) культуры. Для выявления мотивации поведения, обнаружения смысла юридически значимых действий, позволяющих объяснить и понять произошедшее, как раз требуется эмпатия (вчувствование), т. е. описание этих действий на языке субъекта. Особо важна такая работа по экспликации неофициальных норм регулиро-

²⁴³ Семенова В. В. Указ. соч. С. 126 и след.

²⁴⁴ Иногда мини-теория именуется обоснованной теорией: «Обоснованная теория это теория, которая индуктивно выводится из изучения феномена, который она представляет. То есть она создается, развивается и верифицируется в разных условиях путем систематического сбора и анализа данных, относящихся к изучаемому феномену. Таким образом, сбор данных, анализ и теория находятся во взаимной связи друг к другу. Нельзя начинать с теории, а затем доказывать ее. Скорее начинают с области исследования, и все, что имеет отношение к этой области, имеет шанс проявиться». — Страусс А., Кобрин Д. Указ. соч. С. 21.

²⁴⁵ Семенова В. В. Указ. соч. С. 203—206.

вания поведения в малых группах, например в преступных сообществах, для криминолога, в незападных обществах для сравнительно-правового исследования и т. д. Включенное наблюдение, по мнению В. А. Тишкова, является единственным отличием антропологического подхода к социокультурным явлениям от, например, политологического²⁴⁶.

Другим достаточно интересным методом является **case study** — монографический метод описания единичного случая (объекта) по возможности в максимальном количестве его взаимосвязей. Он рекомендуется для изучения такого явления, которое не поддается количественному обобщению, но может быть эвристически ценным для анализа практически любого явления, так как позволяет обратить внимание на то, что остается за скобками количественного обобщения. Так, И. Гофман на основе бесед с девушкой, родившейся без носа, сделал глубокий вывод о стигматизированности всех людей объективированными признаками (как минимум, своим внешним видом) и сформулировал чрезвычайно важную для криминологии теорию стигмы²⁴⁷.

Наиболее сложной проблемой в этой связи является переход от описания единичного случая к теоретическим обобщениям. Ее решение возможно с помощью методики «восхождения к теории», предложенной в конце 60-х годов XX века Б. Глейзером и А. Страуссом²⁴⁸. Эта методика сводится к анализу исследуемого события на основе нескольких источников с последующей группировкой разнородных данных в обобщенную категорию — абстрактный «теоретический случай». Тем самым выдвигается авторская версия относительно природы данного феномена. Эта методика также крайне полезна при проведении сравнительно-правового исследования — сопоставлении принципиально несхожих (контрарных) объектов.

К разряду «качественных» методик относится и **биографический метод**. Он представляет собой освещение интересующего исследователя события сквозь призму истории отдельной личности. При этом источником биографических данных, как правило, становятся личные документы (мемуары, дневники и т. п.) либо материалы интервью и бесед. Особо важен этот метод для выяв-

²⁴⁶ Тишков В. А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 41.

²⁴⁷ Goffman E. Stigma. Englewood Cliffs (N. J.), 1964.

²⁴⁸ Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago, 1967.

ления мотивов юридически значимых правомерных действий или поведения правонарушителей, он позволяет дать более убедительную трактовку механизма индивидуального правомерного или противоправного поведения²⁴⁹. Этот метод предоставляет возможность увидеть, как воспринимается социальный институт (например, правовой институт, государственный орган) изнутри, какие неформальные нормы дополняют действующие в институте официальные правила поведения. Одновременно с помощью этого метода можно гораздо четче, чем с помощью количественных методов, изучить внутренний мир интересующего нас субъекта (например, представителя истории правовых учений), а также контекст эпохи.

Для анализа обычаев (обычного права) небезынтересна разработанная Г. Гарфинкелем *этнометодологическая программа*, позволяющая выявить рутинные, каждодневные практики рядовых людей, из которых складывается общественный (и правовой) порядок, в том числе тот редко осознаваемый смысл, который вкладывают люди в типичные ситуации своего жизненного мира. Для этого Г. Гарфинкель использовал провокационные стратегии, нарушающие нормальное течение «автоматического хода вещей в данном окружении». Дезорганизуя взаимодействия, по его мнению, можно узнать, как организованы и воспроизводятся структуры повседневной деятельности в обычном порядке²⁵⁰.

Нельзя обойти вниманием также активно разрабатываемые в психолингвистике *методы семантического анализа*. Значительный интерес для проведения исследований в юриспруденции может представлять *метод ассоциативного эксперимента*. Разработав шкалу значимых для данной правовой культуры ассоциаций и проведя такое исследование, можно получить важные данные о сохраняющихся на уровне бессознательного господствующих ценностях, групповых и коллективных установках. Анализ используемых фразеологизмов также позволяет выявить господствующие стереотипы обыденного сознания, как, например, с точки зрения отношения населения к Конституции, нор-

²⁴⁹ Так, в 20-е годы XX века чикагский социолог К. Шоу изучал подростковую преступность, используя написанные по его просьбе автобиографические заметки правонарушителя, дополненные полицейскими и судебными документами. — Shaw C. R. The Jack-Roller. A Delinquent Boy's Own Story. Chicago, 1966.

²⁵⁰ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, N.Y., 1967. P. 37—38.

мативно-правовым актам, органам государственной власти, так и применительно к этническим, социально-групповым стереотипам (восприятия других этносов, классов, социальных групп), для обнаружения потенциальных конфликтов в обществе.

Психоллингвистика дает возможность также исследовать интенцию (направленность, телеологическую функцию) юридического текста. Для этого целесообразно использовать **метод интент-анализа**.

Еще одной весьма перспективной методикой конкретно-юридического исследования, разрабатываемой постклассической методологией, является **дискурс-анализ**. Сегодня это одно из наиболее популярных междисциплинарных направлений, выражающих квинтэссенцию постклассической гуманитарной науки. Дискурс — это не просто особый тип разговора, при котором происходит обмен доводами «за» и «против» чего-либо, но представляет собой структуру такой коммуникации и ее артикуляцию в языковой практике. Тем самым дискурс-анализ соотносится с теорией аргументации, включающей как рациональные логические приемы, так и нерациональные эмоциональные способы убеждения аудитории, которая активно используется для анализа юридической деятельности. Так, Р. Алекси разрабатывает дискурсивную теорию права, основным содержанием которой является юридическая аргументация как рациональный дискурс²⁵¹. Прикладное значение дискурс-анализа состоит в том, что с помощью методики включенного наблюдения и регистрации (протоколирования), проговаривания юридически значимых действий, например, правоприменителем можно определить тот смысл, который он (правоприменитель) вкладывает в эти действия. Важное значение имеет дискурс-анализ и для прояснения специфики обыденного правосознания, в частности выяснения механизмов формирования предубеждений и других социальных установок. Такой анализ применительно к расизму блестяще был проведен Т. ван Дейком²⁵². Особый интерес в этой связи представляет программа критического

²⁵¹ Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 446—456.

²⁵² Dijk T. A. van. Political Discourse and Political Cognition // Chilton P., Schaeffner C. (eds.) Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse. Amsterdam, 2002 ; Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 129—191.

дискурс-анализа, акцентирующего внимание на связи общества (включая историческое и культурное его измерение), дискурса и власти (точнее — злоупотребления властью). При этом Т. ван Дейком сформулированы критерии, позволяющие квалифицировать злоупотребления властью, в частности относить высказывания к расистским:

если представлены негативные действия только черных молодых людей, а не другой молодежи или же полиции;

если негативные действия черных молодых людей акцентированы (с помощью гипербола, метафор), а действия полиции деакцентированы (например, с помощью эвфемизмов);

если действия выражены в специфических «этнических» и «расовых» терминах, а не в таких, как, например, «молодежь», «малоимущие», «мужчины» и прочих более релевантных терминах;

если бунты, мародерство и насилие представлены как самостоятельные события вне социальных причин, например как следствие частых преследований со стороны полиции или в более широком контексте — бедности и дискриминации;

если газета систематически публикует расистские материалы, а значит, вероятно, следует политике негативных сообщений о меньшинствах;

если используются только или преимущественно «белые» источники информации, которые обвиняют «черную» молодежь и оправдывают действия полиции²⁵³.

Другим чрезвычайно интересным направлением в социальной и когнитивной психологии является методика **социальных представлений** С. Московичи. Социальные представления являются тем типом реальности, с которым сталкивается индивид в повседневной жизни и определяют ее. Это знания здравого смысла, направленные на освоение и осмысление социального окружения. Они выполняют две важнейшие функции: упорядочение ментальных представлений о внешнем мире, позволяющее ориентироваться в нем, и обеспечение возможности коммуникации. При этом социальные представления рассматриваются не как нечто заданное, но как механизм трансформации «незнакомое в знакомое», в результате чего происходит превращение «представленного» в «реальное»²⁵⁴. Этот механизм осуществля-

²⁵³ Ван Дейк Т. А. Указ. соч. С. 39.

²⁵⁴ См.: Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations. Cambridge, 1984.

ется с помощью закрепления («постановки на якорь») и объективизации. Первый механизм — анкоринг (англ. anchoring — заякоривание) — объясняет, как происходит сведение новых представлений к привычным категориям, помещение их в знакомый контекст. Он включает в себя номинацию, т. е. наименование нового явления, описание его и наделение некоторыми характеристиками; различение его от других явлений; включение в систему конвенциональных значений среди тех, кто имеет отношение к нему и кто разделяет данную конвенцию²⁵⁵. Другой механизм — объективизация — предполагает преобразование абстрактного представления в конкретное. Сначала воспринимается иконический образ (портретный эквивалент) неясного явления через сопоставление понятия и образа; затем он соотносится с существующим комплексом образов, символизирующих соответствующую группу явлений, т. е. с его прототипом, и проникает в коллективную память. Тем самым воспринимаемое натурализуется и изображение начинает восприниматься в качестве бесспорного элемента реальности²⁵⁶. Рефлексия над представлениями об объективности социальных (правовых) институтов имеет принципиально важное значение для юриспруденции.

Таковы наиболее перспективные «качественные» методики конкретного юридического исследования. Именно они образуют методическое основание постклассической юриспруденции.

²⁵⁵ Ibid. P. 32—34.

²⁵⁶ Ibid. P. 38—40.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. — Нижний Новгород : Нижегород. прав. акад., 2003. — 420 с.
2. Александров А. С. Диспозитив доказывания и аргументации / А. С. Александров // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. — Санкт-Петербург : Юрид. книга, 2009. — С. 473 — 497.
3. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси, В. Бергман ; пер. с нем.: Ф. Кольшоейр, А. Лаптев. — Москва : Инфотропик Медиа, 2011. — 192 с.
4. Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс / Р. Алекси // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. — Санкт-Петербург : Юрид. книга, 2009. — С. 466 — 456.
5. Альчуррон К. Е. Нормативные системы / К. Е. Альчуррон, Е. В. Булыгин // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010. — Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. — С. 309 — 472.
6. Арутюнян М. Образ и опыт права : Правовая социализация в изменяющейся России / М. Арутюнян, О. Здравомыслова, Ш. Курильски-Ожен. — Москва : Весь Мир, 2008. — 208 с.
7. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с нем. / Г. Берман. — Москва : НОРМА, 1994. — 624 с.
8. Бочаров В. В. Неписанный закон : Антропология права. Научное исследование : учеб. пособие / В. В. Бочаров. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2012. — 386 с.
9. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье. — Москва : Ин-т эксперимент. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. — 288 с. — (Gallicinium).
10. Ван Хук М. Право как коммуникация / М. ван Хук ; пер. с нем М. В. Антоновой, А. В. Поляковой. — Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. — 288 с.
11. Варга Ч. Загадка права и правового мышления : избранные произведения : пер. с англ. и венгер. / Ч. Варга ; [сост. и науч. ред. М. В. Антонова]. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 407 с.
12. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2009. — 504 с.
13. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин ; пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 392 с.

14. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2009. — 400 с.

15. История и методология юридической науки : учеб. для вузов / под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : ИВЭСЭП, 2015. — 564 с.

16. Кабрияк Р. Кодификации / Р. Кабрияк ; пер. с фр. Л. В. Головки. — Москва : Статут, 2007. — 476 с.

17. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. — Москва : Аванта + , 2000. — 560 с.

18. Керимов Д. А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции / Д. А. Керимов. — Москва : Юрид. лит., 1977. — 136 с.

19. Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / [ред. кол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) и др.]. — Минск : Акад. МВД Республики Беларусь, 2012.

20. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции : к 60-летию Андрея Васильевича Полякова : коллективная монография : в 2 т. / под ред. М. В. Антоновой, И. Л. Честнова ; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2014. — 2 т.

21. Конструирование девиантности : монография / сост. Я. И. Гишинский. — Санкт-Петербург : Дели, 2011. — 224 с.

22. Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права / В. Кравиц // Правоведение. — 2012. — № 1. — С. 18 — 32.

23. Кравиц В. Пересмотр понятия права / В. Кравиц // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. — Санкт-Петербург : Юрид. книга, 2009. — С. 433 — 445.

24. Курильски-Ожвен Ш. Образы права в России и Франции / Ш. Курильски-Ожвен, М. Ю. Арутюнян, О. М. Здравомыслова. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 215 с.

25. Лазарев В. В. История и методология юридической науки : университет. курс для магистрантов юрид. вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень ; под ред. А. В. Корнева. — Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2017. — 496 с.

26. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло ; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой ; науч. ред. перевода С. Гавриленко. — Москва : Изд-во ин-та Гайдара, 2015. — 351 с.

27. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. — 2-е изд., испр. и перераб. — Москва : Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. — Т. 1.

28. Максимов С. И. Введение в курс «Философия права» : лекция / С. И. Максимов // Право Украины. — 2011. — № 11-12. — С. 250 — 272.

29. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С. И. Максимов. — Харьков : Право, 2002. — 327 с.

30. Малахов В. П. Концепция философии права / В. П. Малахов. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 751 с.

31. Мальцев Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. — Москва : НОРМА, 2007. — 800 с.

32. Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / Б. Мелкевик ; [пер. с фр. и англ.: М. В. Антонова и др. ; отв. ред. М. В. Антонова]. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 284 с.

33. Михайлов А. М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции : монография / А. М. Михайлов. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 459 с.

34. Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики : монография / А. М. Михайлов. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 496 с.

35. Нерсесянц В. С. Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. — Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 1997. — 652 с.

36. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы : в 3 ч. / А. П. Огурцов. — Санкт-Петербург : Мирь, 2011. — 3 ч.

37. Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 490 с.

38. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2010. — 440 с.

39. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание : избранные труды / А. В. Поляков. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2014.

40. Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А. Л. Никифоров. — Москва : ИФРАН, 2008. — 215 с.

41. Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. — 688 с. — (Толкование источников права).

42. Постнеклассика : Философия, наука, культура : коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — Санкт-Петербург : Мирь, 2009. — 671 с.

43. Правоприменение: теория и практика : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — Москва : Формула права, 2008. — 432 с.
44. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. — Москва : НОРМА, 2017. — 528 с.
45. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. — Москва : Международные отношения, 2004. — 240 с.
46. Руднев В. П. Реальность как ошибка / В. П. Руднев. — Москва : Гнозис, 2011. — 225 с.
47. Рулан Н. Юридическая антропология : учеб. для вузов / Н. Рулан. — Москва : НОРМА, 1999. — 310 с.
48. Соболева А. К. Топическая юриспруденция. Аргументация и толкование права / А. К. Соболева. — Москва : Добросвет, 2001. — 225 с.
49. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. — Москва : Канон-плюс, 2010. — 712 с.
50. Социокультурная антропология права : монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 840 с.
51. Спиридонов Л. И. Избранные произведения : Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология / Л. И. Спиридонов. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ин-та права им. Принца П. Г. Ольденбургского, 2002. — 390 с.
52. Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права : материалы пятых и шестых филос.- прав. чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. — Москва : НОРМА, 2011. — 223 с.
53. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / С. Ю. Степанов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва : Академический проект, 2004. — 991 с.
54. Степин В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. — 408 с. — (Классика гуманитарной мысли).
55. Степин В. С. Конструктивизм и проблема научных онтологий / В. С. Степин // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В. А. Лекторского. — Москва : Канон-плюс, 2009. — С. 41 — 64.
56. Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
57. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник / В. М. Сырых. — Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2012. — 464 с.

58. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. В 2 т. Т. 1. Элементный состав / В. М. Сырых. — Москва : Юстицинформ, 2000. — 528 с.

59. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2001. — 264 с.

60. Тимошина Е. Стили философско-правового мышления и типы правопонимания / Е. Тимошина // Право Украины. — 2011. — № 11-12. — С. 28 — 44.

61. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в частном праве / С. Ю. Филиппова. — Москва : Статут, 2013. — 350 с.

62. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / Ю. Хабермас. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 380 с.

63. Харт Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; пер. с англ. под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. — 302 с.

64. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. — Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2012. — 320 с.

65. Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография / И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2012. — 650 с.

66. Честнов И. Л. Теория права: постклассическое измерение / И. Л. Честнов // Российская наука теории и истории государства и права в начале XXI века : сб. науч. ст. / сост. А. А. Дорская, Н. Ю. Иванова. — Санкт-Петербург : Астерион, 2010. — 271 с.

67. Четвернин В. А. Институциональная теория и юридический либертаризм / В. А. Четвернин, А. В. Яковлев // Ежегодник либертарно-юридической теории. — Вып. 2. — Москва, 2009.

68. Юридическая герменевтика в XXI веке : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. — Санкт-Петербург : Алетей, 2016. — 440 с.

69. Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст., переводов, рефератов / под ред. С. Н. Касаткина. — Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2010. — 332 с.

Учебное издание

*Илья Львович ЧЕСТНОВ,
доктор юридических наук, профессор*

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

Редакторы *О. Е. Тимошук, Н. Я. Ёлкина*
Компьютерная верстка *С. В. Тедеевой, Е. А. Меклиш*

Подписано в печать 17.05.2018. Формат 60х90/16.
Печ. л. 7,75. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—150). Заказ 2323.

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44